

О причинах пассивности пролетариата

Прежде, чем сможет восторжествовать добро, зло должно дойти до предела.

Сен-Жюст.

Только из глубины отчаяния может родиться надежда.

Вальтер Беньямин.

Одним из признаков жалкого и абстрактно-теоретического характера существующего сейчас в России «марксистского» движения является тот факт, что обсуждению текстологических (что именно сказали отцы-основатели марксизма по тому или другому вопросу) и исторических вопросов, в первую очередь пресловутого вопроса о классовой природе СССР, уделялось и уделяется данным движением неизмеримо больше внимания, чем поискам ответа на *главный* вопрос: почему российский пролетариат с изумительным терпением и покорностью сносил все обрушившиеся на него в 1990-е годы ужасы – и когда он, наконец, против этих ужасов восстанет?

Впрочем, если невозможно идеализировать марксистские группы современной России, то неверно было бы и считать, что они совсем уж не обращали внимания на реальный рабочий класс и занимались исключительно теоретическим самоудовлетворением. Хождение к проходным заводам, распространение листовок и рабочих бюллетеней, наконец, пропаганда изнутри заводов работающими на них марксистами, - все это за последние 15 лет испробовали различные марксистские группы. Результат всегда был примерно одинаков: пролетарские массы в большинстве своем к подобной пропаганде просто не прислушивались, те немногие пролетарии, кто прислушивался, с большинством идей, пропагандируемых марксистами, соглашались, однако начинать революционную борьбу и не собирались, продолжали жить своей жизнью, пытаясь как-то удержаться на плаву по одиночке, проклиная окаянную жизнь и надеясь кто на бога, кто на героя, кто на то, что «народ» (т.е. они сами) когда-нибудь в конце концов проснется.

То, что с российским пролетариатом происходит что-то неладное и не соответствующее априори приписываемой ему марксизмом революционной миссии, волей-неволей должно было доходить, рано или поздно, до сознания различных левых и псевдоловых активистов (здесь и далее под «марксистскими» и «левыми» понимаются именно марксистские и левые группы, т.е. троцкисты, госкаповцы и т.п. Преемники же КПСС именуются послеКПССовцами, псевдоловыми, социал-фашистами и т.п. ласковыми названиями, вполне правильно выражающими их природу). Самым простым – и самым нелепым – решением этой вполне реальной и чрезвычайно мучительной проблемы было утверждение, что если пролетариат ведет себя не так, как нам того хочется, значит, это и не пролетариат вовсе. Пролетариата в России нет, он исчез, испарился, растаял, - так любят говорить многие (хотя далеко не все) сталинисты.

Нелепость данной идейки слишком очевидна, чтобы с нею серьезно спорить. Если нет пролетариата, за чей счет жирует буржуазия? Кто работает на нее на заводах, получает нищенскую зарплату и производит прибавочную стоимость? Пролетариат как экономический класс буржуазного общества, за счет труда которого существует все это общество, не может исчезнуть, пока существует капитализм. *Исчез пролетариат как политическая сила, борющаяся за уничтожение капитализма. Пролетариат как класс наемных рабов капитала существует, революционного и социалистического пролетариата нет.*

Исчезновение революционно-социалистического пролетариата было замечено на Западе еще более 100 лет тому назад. Первыми это увидели те, кто хотел увидеть, - всевозможные буржуазные и реформистские идеологи, для которых революционно-социалистический пролетариат представлял смертельную угрозу. Будучи идеологическими прислужниками капитализма, они объясняли утрату революционности пролетариатом стран развитого капитализма тем, что этот капитализм излечился от пороков раннего капитализма, стал «демократическим» и «цивилизованным», осуществил прогрессивные социальные реформы, резко повысил уровень жизни рабочих, и те перестали быть не имеющими ничего, кроме своих цепей, пролетариями, перейдя в довольный и процветающий средний класс, не испытывающий нужды в какой-либо революционности.

Мы еще вернемся к причинам утраты революционности западным пролетариатом и покажем, что они на самом деле были противоположны тем, о которых говорят прислужники капитала, и что *пролетариат в развитых капиталистических странах потерял революционность вовсе не потому, что якобы избавился от тягот капитализма, а, напротив, потому, что куда более подчинен и раздавлен капитализмом, чем пролетариат 19 века*. Пока что отметим, что объяснение утраты пролетариатом революционности повышением его жизненного уровня не имеет никакого отношения к реалиям жизни современного российского пролетариата.

Жизненный уровень российского пролетариата не рос, а катастрофически рухнул. Работать он должен больше и тяжелее, зависимость его от начальства сильнее и ощутимей, а зарплата за этот каторжный подневольный труд намного меньше, чем в доперестроечные годы. Но, несмотря на такое катастрофическое ухудшение жизни российского пролетариата, его классовая активность, способность бороться за свои классовые интересы и свои классовые идеалы намного меньше, чем была даже в 1989-1991гг.

Вот как описывает парадоксальность ситуации левый историк А.В. Гусев:

«Ситуация выглядит парадоксально: ведь главные объективные условия, которые должны способствовать распространению социалистических идей, казалось бы, налицо. Во-1-х, в стране имеется многочисленный класс наемных рабочих, ядро которого составляет индустриальный пролетариат. К концу 80-х годов в СССР насчитывалось 80 – 85 миллионов рабочих и 25-30 миллионов работников умственного труда, не связанного с руководящими функциями. Эти категории составляли 90% всего занятого населения. Советский пролетариат отличался высокой степенью урбанизации: 80% его проживало в городах и было охвачено городской культурой. Десятки миллионов наемных рабочих были встроены в ту же организацию труда, что и во всех промышленно развитых странах. По уровню образованности советские рабочие не уступали западным: 70% из них имели среднее или среднее специальное образование. Во – 2-х, положение этого класса на протяжении 90-х годов неуклонно ухудшалось: достаточно сказать лишь о сокращении реальных заработков рабочих более чем на 60%, массовых увольнениях, повсеместных невыплатах заработной платы.

На рубеже 80-90-х годов многим наблюдателям представлялось, что столь мощный класс имеет все необходимое, чтобы стать одной из самых активных сил в обществе. Если сто лет назад гораздо менее многочисленным и образованным российским рабочим удалось объединиться в сильное движение и создать массовые социалистические организации, то почему не ожидать от их современных потомков еще более внушительных успехов?...

Надо признать, что в то время подобные оценки имели под собой некоторые основания...

...быстрое нарастание активности трудящихся, легкость образования в их среде организационных структур, практически молниеносная политизация движения – все

в начале 90-х гг., казалось бы, говорило о том, что рабочему движению уготовано большое будущее. Можно было ожидать, что, столкнувшись с последствиями введения рыночной экономики, наемные работники скоро освободятся от иллюзий о «спасительной роли рынка» и, в соответствии со своими *изначальными социалистическими устремлениями* [!автор, похоже, придерживается иллюзии, что “социалистические устремления” почему-то *должны быть* присущи трудящимся *априори и изначально*. Как мы увидим, это не так], придут к пониманию необходимости альтернативного общественного устройства. Сумев покончить с тоталитаризмом, они уж тем более смогут отстаивать свои права и интересы в условиях демократии [Как видим, Гусев, при всей своей профессорской левизне, разделяет буржуазные иллюзии о демократии !] Реалии постсоветского развития, однако, опрокинули такие прогнозы целиком и полностью.

В 90-е годы на всей территории постсоветского пространства наемные работники оказались по сути дела бессильны перед лицом резкого падения уровня жизни (сравнимого с тем, что принесла первая сталинская пятилетка), увольнений и значительного ухудшения условий труда. Вместо того, чтобы консолидироваться в борьбе, рабочее движение просто - на просто распалось. Большинство его структур (свободные профсоюзы, рабочие комитеты) развалилось и исчезло, некоторые, лишившись сколько-нибудь массовой поддержки, деградировали и утратили качественное отличие от старых бюрократических “профсоюзов”. Столь же печальная судьба постигла, соответственно, и начавшие было зарождаться левые политические организации...”(18).

Скажем прямо: если сопоставить социалистическую надежду о способности лишенных собственности и власти наемных рабов капитала и государства объединиться, независимо от наций и стран, свергнуть власть своих угнетателей и господ и создать строй трудового товарищества, - если сравнить эту фундаментальную, определяющую идею социализма с реальным состоянием современного российского пролетариата, то ее можно смело отнести к разряду утешительных мифов, а придерживающиеся ее марксистские группы зачислить в одну категорию со всевозможными христианскими сектами.

Однако история рода людского не ограничивается настоящим, она имеет прошлое и будущее. Было время, когда перед призраком коммунизма содрогались в непритворном ужасе все силы старого мира, и когда за освобождение человечества клали головы сотни тысяч передовых пролетарских борцов. Вопрос состоит в том, почему исчез призрак коммунизма и вернется ли этот призрак снова? Умер ли он, или всего лишь погрузился в затяжную зимнюю спячку, из которой встанет еще более грозным для буржуазии?

Судьбе пролетарской революционности и будет посвящено данное исследование. Мы постараемся избежать в нем барабанной трескотни и утешительных иллюзий. Иллюзии сладки, теплы и приятны, правда мучительна, горька и жестока, зато в большинстве случаев полезна.

* * *

Среди левых течений вот уже сто лет длится дискуссия о том, каким именно образом в рабочем классе возникает классовое, революционно-социалистическое сознание. Согласно экономистским, меньшевистским, анархистским и рэтэкоммунистическим концепциям, оно складывается у пролетариата само собой, благодаря его положению в системе капиталистического производства и опыту классовой борьбы, осуществляемой в рамках капиталистической системы. Согласно противоположному взгляду ленинистов и троцкистов, революционно-социалистическое сознание

привносится в рабочий класс извне, революционной интеллигенцией, организованной в передовую партию.

Сейчас, благодаря опыту истории, уже вполне можно понять, что стихийно, само по себе, под воздействием буржуазного мира у рабочего класса складывается только буржуазное сознание. Но столь же очевидно и то, что, пролетарские партии, лишь только они становились массовыми и сильными, стремительно переставали быть революционными и после этого вносили в пролетариат никак не революционно-социалистическое, но буржуазно-реформистское сознание.

В то же время, на опыте безрезультатной пропаганды в пролетариате современных марксистских групп еще раз можно убедиться, что пропаганда и агитация далеко не всеильны, что убедить кого-либо можно лишь в том, в чем он готов быть убежденным, и что с успехом вносить семена социалистической сознательности можно лишь на почву, готовую к их восприятию.

Поэтому сегодня, когда уровень социалистического сознания пролетариата находится на самой низшей точке во всей его истории, на старый спор следует посмотреть совсем с другой точки зрения, не вести схоластические дискуссии, *как должно возникнуть* социалистическое сознание у пролетариата, но заинтересоваться, *как оно реально у него возникало*.

Отметим кстати, что вся схоластическая дискуссия, привносится ли социалистическое сознание извне или же самозарождается оно изнутри, возникла в момент, когда существование данного сознания встало под вопрос, и эта дискуссия неимоверно разбухла во второй половине XX века, когда уровень революционно-социалистической сознательности западноевропейского пролетариата стремительно приближался к нулю, а ожесточенно спорившие друг с другом спонтанеисты – анархисты и партийцы – троцкисты представляли собой маленькие пропагандистские группы, не способные ни влиять на пролетариат, ни, тем более, вести его за собой. Подобной дискуссии не было и быть не могло в 19 веке, когда революционно-социалистическое сознание пролетариата являлось реальным фактом.

Каким образом возникло данное сознание? Оно появилось не изнутри капитализма, не из капиталистического предприятия и капиталистической системы самих по себе, но явилось результатом столкновения возникающей капиталистической системы с присущими пролетариям первого поколения – экспроприированным крестьянам и ремесленникам – традициями старого общинного коллективизма. Именно благодаря таким еще существующим традициям общинного коллективизма пролетарии 19в. куда с большей легкостью, чем современные пролетарии, могли самоорганизоваться для совместной борьбы – самоорганизоваться не в масштабах всего общества, но в масштабах мастерской, цеха, квартала, даже города. Именно благодаря традиции коллективистских отношений, присущих деревенской общине и средневековому цеху, пролетарии первого поколения понимали возможность смены капитализма другим строем, при котором коллективистские отношения охватят все общество:

«...в ночь перед казнью Джеку приснилась Англия. Она была невысокая и тесная, как деревенская кузница.

Джек шел по Англии узким проходом, а у стен стояли и работали свою работу разные люди: бочары, кровельщики, седельщики, шорники и пивовары.

Тут же, у стен, примостились со своими оселками и косари.

По красным, воспаленным векам он узнавал кузнецов и угольщиков, а те, которые сильно кашляли, это были люди с серных разработок.

В Англии было тесно и шумно, но все работали мирно и никто никого ни в чем не упрекал.

А когда кому-нибудь случалось обронить на пол топор, долото или шило, двое или трое соседей наклонялись, чтобы ему помочь» (48, с.314).

В аграрных и раннеиндустриальных обществах, где грамотность была уделом немногих, общественным низам была свойственна куда большая тяга к знаниям и уважение к ним, чем низам развитого капиталистического общества, в котором формальная грамотность стала всеобщей – и обесценилась. Английские пролетарии в 1800 – 1840-м гг. самостоятельно, без помощи государства выучились читать и писать (51,t. I, p. 87), парижские пролетарии 1830-1871гг. жадно читали всевозможные политические и научные книги, как и передовые петербургские рабочие 1870 – 1917гг., брезговавшие народническими пропагандистскими брошюрками для малограмотных и не столь уж редко штудировавшие Дарвина и Спенсера, не говоря уже, само собой разумеется, о Марксе.

Из чтения всей этой разнообразной, но по преимуществу буржуазной, литературы рабочие делали свои выводы. Аргументы идеологов прогрессивной буржуазии, направленные против королей, попов, аристократов и прочих паразитов от феодализма, рабочие обращали против самой буржуазии, против новой аристократии богатства. В то же время борьба рабочих против нового, капиталистического гнета влияла на передовых представителей буржуазной интеллигенции, которые, в силу тех или иных психологических причин, порывали с буржуазией, переходили на сторону пролетариата и, в меру своих способностей и понимания, боролись вместе с ним, - боролись как пером, так и мечом. Наряду с этими выходцами из буржуазного мира, такими, как Бланки, Бакунин и Маркс, теорию освободительного движения пролетариата создавали и пролетарии – самоучки – Прудон, Вейтлинг, Дицген и т.д. Эта теория, импульсы к возникновению которой давались борьбой пролетарских масс, затем воспринималась этими массами, хотя нередко и не в той именно форме, в какой хотели бы ее индивидуальные создатели. Передовые, наиболее решительные и преданные общему делу пролетарии, вместе с *выходцами* из буржуазного мира, объединялись в революционные организации – начиная с английских корреспондентских клубов и французских народных обществ 1790-х годов. В такие революционные организации входило только меньшинство пролетариев, однако в моменты решительных классовых боев и столкновений к ним тяготела основная пролетарская масса.

Так возникала классовая пролетарская культура, так складывалось революционно-социалистическое сознание *раннего* пролетариата.

Революционно-социалистическое сознание было присуще именно *раннему* пролетариату, т.е. либо ремесленно-мануфактурным пролетариям, либо фабрично-заводским рабочим первого поколения. Как мы писали в другой работе:

«Если мы посмотрим на историю рабочего движения, то увидим, что самые органически – революционные пролетарские движения, имевшие целью не исправление капитализма, а его свержение, были выступлениями отнюдь не фабрично – заводского пролетариата сформировавшегося буржуазного общества, но 1)либо пролетаризированных ремесленников (луддиты, лионские ткачи, Парижская Коммуна) 2)либо недавно пришедших на завод и сохранивших еще докапиталистические общинные традиции вчерашних крестьян и ремесленников (чартизм, Россия 1917г., Испания 1936г.).

Причины понятны. Крестьяне и ремесленники сохраняли контроль над трудовым процессом и легко могли представить себе подобный контроль непосредственных производителей на новой технологической основе, созданной промышленной революцией - стоило лишь объединенным производителям отнять машины и фабрики у капиталистов. Для недавно пришедших на завод бывших крестьян и ремесленников капиталистическая система не казалась вечной и незыблемой – они видели то, что было *до нее* и именно поэтому могли увидеть то, что будет *после нее*. Капиталистическое предприятие не было *своим* для них, на него их загнало прямое или чуть скрытое насилие – и насилием они надеялись покончить с ним.

Их заклятый враг, класс капиталистов, давал им политическое и идеологическое оружие против себя самого. Желая обрести в массах простонародья послушное воинство для своей борьбы с паразитическим дворянством и абсолютистской бюрократией, буржуазия втягивала эти массы в политическую жизнь, а благодаря своей теоретической борьбе против монархии и иерархии, в изобилии давала массам аргументы и доводы, которые можно было использовать против самой буржуазии. Декларации против деспотов, тиранов и привилегированных паразитов общественные низы переворачивали против новой «аристократии богатства», против «промышленных феодалов», как Фурье называл капиталистов. Из «естественных прав человека» следовало, что первейшее его право – это право на жизнь, а из права на жизнь с роковой неумолимостью вытекало уничтожение частной собственности. Свергнув в буржуазной революции старых господ, трудящиеся массы, эксплуатируемые как дворянством, так и буржуазией, естественным образом стремились свергнуть и новых господ – капиталистов, от буржуазной революции непосредственно перейти к «новой, еще более Обоснованием подобных попыток были разные течения пролетарского коммунизма»(26).

«Рабочий вопрос» встает в Западной Европе в 1830-е годы, когда удушающая свинцовая плита Реставрации была сброшена, но оказалось, что восторжествовавшее буржуазное общество содержит в себе новые чудовищные противоречия. Однако этот рабочий вопрос не возник из ничего, уже в годы Великой французской революции ремесленно-мануфактурный пролетариат Франции пытался совершить *свою революцию*, отнюдь не совпадавшую с революцией буржуазии. Поскольку этот пролетариат не мог самоорганизоваться в масштабах всего общества, подобная попытка с неизбежностью закончилась поражением. А поскольку она закончилась поражением, апологеты буржуазного прогресса любят порассуждать о реакционности и утопичности попыток ремесленников и крестьян пресечь на ранней стадии этот капиталистический прогресс, помешать развитию «рыночной экономики» с неизбежным в ней разорением мелких самостоятельных производителей и концентрацией капиталов в руках алчной паразитарной своры. Однако новейшие тенденции развития капитализма могут заставить взглянуть на вопрос по – другому.

В настоящее время мировая пролетарская коллективистская революция является более необходимой, чем когда-либо прежде, и в то же время *кажется* менее возможной, чем когда-либо прежде – из-за меньшей, чем когда-либо прежде, настроенности на нее класса наемных рабов буржуазного общества. Альтернатива: или мировой коммунизм, или гибель человечества, встает со всей остротой, причем утверждение, что из этих двух вариантов реализуется непременно коммунизм, выглядит непозволительным оптимизмом. Современный мировой капитализм в различных его проявлениях все больше начинает походить на Римскую Империю времен упадка. Поэтому невольно встает вопрос: а не окажется ли весь капитализм таким же тупиком в развитии человечества, каким оказались античные общества, бывшие, как и капитализм, городскими и рыночными общественными системами? Как пишет один из немногих современных марксистских ученых:

«Не исключено, что в недалеком будущем деградация капиталистического способа производства даст человечеству иной и последний вариант «нисходящей» параформации. Тогда цепь нынешних контрреволюций в бывших неополитарных странах и реакционных реформ на западе окажется прологом мировой антиреволюции, закономерным итогом которой окажется гибель человечества» (24,с.224).

Г.А.Завалько, как и его учитель, Ю.И. Семенов, пользуется особой терминологией, из которой в данном отрывке проявились «параформация», «неополитарные» и «антиреволюция». Объяснять, что все эти мудреные термины означают, мы не

станем, так как к теме нашей статьи это не относится, а смысл сказанного все-таки понятен, не взирая на «неополитарные» и «параформации».

Смысл этот очень мрачен и заключается он в том, что **капиталистическая стадия человеческой истории может оказаться гигантской дугой, и в свою прогрессивную восходящую эпоху капитализм поднял человечество на гигантскую высоту всего лишь затем, чтобы, рухнув с нее в период нисходящей фазы капитализма, оно разбилось вдребезги.**

В свое время переход *прогрессивной эволюции* античных обществ в их *прогрессирующую деградацию* был закономерен и неизбежен, попытки остановить эту прогрессирующую деградацию оказались безрезультатны. Г.А. Завалько скажет о этих попытках так:

«Был исторически обреченный героизм Спартака и Аристоника, стремившихся уничтожить рабовладение, и еще более бесплодный героизм Гракхов и убийц Цезаря, стремившихся этот строй сохранить. И те, и другие были сметены историей; победа пришла к силам регресса...,чей успех можно сравнить с меткостью самоубийцы.

Античность погибла «вместе с борющимися классами», и об устойчивом прогрессе в Европе можно говорить только начиная с VIII века. История не прервалась, но прогресс VIII века не отменяет факт регресса десяти предыдущих веков» (24,с.224).

Если поезд катится в пропасть и попытки остановить его оказались неудачны, можно называть такие попытки «исторически обреченным героизмом». Но прогрессивный машинист, ведущий поезд к пропасти, распевая бравурные шлягеры, при всей своей прогрессивности обречен ничуть не меньше.

Поэтому в том весьма оптимистическом случае, если деградация капитализма все-таки не уничтожит человечество, а всего лишь отбросит его к примитивной аграрной экономике, как отбросила в свое время средиземноморское человечество деградация Римской империи, и если в каком-нибудь XXVIII веке возобновится «устойчивый прогресс», то историк XXXIX века сможет рассуждать об «исторически обреченном героизме» парижских санкюлотов 1793г. и русских крестьян – общинников 1917 – 1921г., а также анархистов из аргентинской ФОРА, **призывавших пролетариат «встать железной стеной на пути капиталистического прогресса»...**

Впрочем, окончательная судьба рода людского пока еще не известна. И утешительные иллюзии, и безысходный пессимизм одинаково вредны тем, что побуждает опускать руки и устраниваться от борьбы. Единственное, что можно сказать пока с уверенностью: **«боритесь – и поборете»**, если будете сражаться – *можете* победить, если заранее смиритесь с поражением, неизбежно проиграете...

* * *

Но вернемся к ремесленно-мануфактурному пролетариату.

Как пишет Касториадис, неизвестный в России, но чрезвычайно любопытный французский левый теоретик, к сожалению, кончивший плохо, т.е. ставший либералом:

“До бюрократизации английских профсоюзов в них существовала постоянная ротация руководящих кадров. Но такая ротация – и вообще “советский” тип организации – присущи еще английским якобинским обществам 1790 – 1798гг., одно из которых, почти полностью рабочее по социальному составу, Шеффилдское корреспондентское общество 1792г., называло себя старым англо-саксонским словом “tythyngs” (“собрание свободных людей”, вече [Замечательная преемственность между демократией свободных общинников и формами рабочей самоорганизации!])...

Большая часть идей, организационных форм и “классового сознания” промышленного пролетариата, который начинает борьбу в 1830-1840-е гг.,

унаследована от борьбы предшествующего периода, борьбы плебейских слоев и прежде всего **ремесленников.**” (51, t.I, p. 88)

Точно также парижский пролетариат 1848 и 1871гг. унаследовал “большую часть идей, организационных форм и классового сознания” от своих отцов и дедов, парижских санкюлотов 1793г. Среди этих санкюлотов, по мнению Собуля, **“самым революционным элементом являлся не фабричный пролетариат, а мелкие хозяева – ремесленники и их подмастерья”** (44, с.70). Марксистам, которые будут с пренебрежением фыркать на “мелких хозяев” и даже на их подмастерьев, следует напомнить, что эти отсталые ремесленники в конце 18 века отстаивали программу, которую прогрессивные фабрично-заводские рабочие в начале 21 века в подавляющем большинстве своем считают несбыточной утопией.

Санкюлоты «были сторонниками политической системы прямой демократии. Для этой системы характерно, во-1-х, лишение политических прав граждан, подозреваемых во враждебном отношении к революции, и удаление их из общих собраний секций с применением в случае надобности силы. Во-2-х, провозглашенное санкюлотами право контролировать деятельность их представителей и лишать их полномочий в случае потери ими доверия избирателей. Весьма показательны некоторые приемы, в частности, открытая подача голосов, выборы без голосования, простым выражением общего одобрения: тайную баллотировку санкюлоты считали признаком гражданской неблагонадежности и аристократизма. Эту политическую систему санкюлоты намерены были применить не только в коммунальном, но и в общенациональном масштабе. В ряде случаев секции заявляли, что они признают только те решения Конвента, которые будут одобрены ими. Следовательно, политическим идеалом санкюлотов была своего рода прямая демократия, совершенно отличная от либеральной демократии, как ее понимала буржуазия...». (44, с. 54).

Читая это, изумляешься, до какой степени “политический идеал” санкюлотов 1793г., санкюлотская прямая демократия походил на политический идеал рабочих, крестьян, солдат и матросов 1917г., идеал советской демократии, теоретически сформулированный в книге Ленина “Государство и революция”. И там, и там мы видим соединение революционной диктатуры, направленной против буржуазии, лишаемой политических прав, с самой широкой свободой для трудящихся масс, с подконтрольностью им избранных депутатов и с решающей властью общих собраний.

Санкюлотская прямая демократия протягивала одну руку прошлому, а другую – будущему. Она находилась в прямой связи с демократией общинной сходки и городского веча, и в то же время была прямой предшественницей *власти рабочих Советов*. Парижская Коммуна 1793г. была предтечей Парижской Коммуны 1871г., а существовавшая в 1793г. параллельно с революционно-буржуазной диктатурой Конвента санкюлотская диктатура явилась предтечей диктатуры пролетариата...

Самая революционная в 19 веке страна, Франция, была страной преимущественно мелкого производства, поднимавшийся в ней на восстания и революции пролетариат оставался преимущественно ремесленно-мануфактурным пролетариатом. Лионские ткачи, чьи восстания 1831 и 1834гг. вбили в голову буржуазии великий страх перед пролетариатом, были на самом деле кустарями, эксплуатируемыми торговым капиталом. В Париже преобладала т.н. «художественная промышленность», в 1866г. здесь насчитывалось 442 310 рабочих, из которых около 50 тыс. заняты в общественных предприятиях и крупных компаниях, 80 тыс. – в строительстве, остальные – на мелких и средних предприятиях. (32, с.44). Среди рабочих – делегатов Парижской Коммуны можно найти переплетчика, ювелира, сапожника, шляпника, мастера по изготовлению

искусственных цветов и т.п., но не рабочих практически отсутствовавшей в Париже крупной промышленности.

Как пишет старый марксистский историк Коммуны Н.М. Лукин, в 1871г.

«Пролетариат крупных промышленных центров оказался еще менее организованным и политически зрелым, чем парижский.

Этот факт стоит как будто в противоречии с успехами промышленного развития Франции в эпоху Второй империи. В самом деле, если парижская индустрия в значительной мере сохранила свой мелкоремесленный характер, то в других городах крупное машинное производство должно было создать значительные кадры настоящего индустриального пролетариата. Так это и было, но не надо забывать, что на ранних ступенях развития капитализма рекрутирующийся преимущественно из деревенской бедноты фабрично- заводской пролетариат оказывается менее культурным, менее поддающимся организации, наконец, менее развитым политически, чем квалифицированные рабочие мелких ремесленных мастерских, еще не затронутых победоносным шествием машинизма.

Вот почему на заре капиталистического развития ремесленный пролетариат оказывается более восприимчивым к социалистическим учениям, чем индустриальный пролетариат, который лишь в дальнейшем становится настоящим авангардом рабочего класса как в организационном, так и в идеологическом отношении» (32,с.499).

Надежды Лукина и всех прочих марксистов на длительную революционность индустриального пролетариата развитого капиталистического общества оказались, к сожалению, ошибочны, но он все же сумел признать хотя бы для периода раннего капитализма факт большей революционности и социалистической сознательности ремесленного пролетариата.

Отметим кстати, что центры крупной промышленности в 19 веке существовали главным образом в Северной Франции, где община была полностью уничтожена, и втягиваемая в эту промышленность деревенская беднота выделялась не из общинного, а из индивидуалистического крестьянства, тогда как крестьянство Центральной и Южной Франции, где еще сильны были общинные пережитки, отличалось радикальными настроениями и не раз восставало в 1830-1840-е годы, но прежде всего в 1848 – 1851гг. (см.44, сс. 198 – 199).

Революционно-социалистическое пролетарское движение 1789-1937гг. (от начала Великой Французской революции до поражения Испанской революции) было выражением революционности ремесленно-мануфактурных пролетариев и промышленных пролетариев в первом поколении отнюдь не только во Франции. В Англии крушившие капиталистические фабрики луддиты были ткачами-ремесленниками, разоряемыми этими капиталистическими фабриками. Пришедшие через 30 лет им на смену чартисты большей частью принадлежали к первому поколению промышленных рабочих – еще вчера экспроприированных крестьян и ремесленников. О крупнейшем в мировой литературе и самом органичном пролетарском писателе Андрее Платонове его друг и наставник воронежский большевик Г.З. Литвин-Молотов скажет:

«Платонов – плоть от плоти и кровь от крови не только слесаря – отца, но и вообще русского рабочего, этого молодого гиганта, познавшего коллективную работу и машинное производство, но еще не порвавшего с деревней, голубой глубиной, большой дорогой со странничком Фомой, не освобожденного от «тяги к земле»... Двойственность эта в нем, как в русском рабочем вообще, историческая. Новый город еще не всецело завладел им, а тоска по селу, которого он с малых лет, должно быть, и не видал, от которого были оторваны его предки – это тоска отцовская, наследственная» (38, т. III, с. 565).

Можно, конечно, иронизировать над пролетариатом, «не освобожденном от тяги к земле», и не порвавшим с «голубой глубиной» и «странничком Фомой», но русский пролетариат 1917г., пролетариат, которым не вполне еще *завладел* капиталистический город, пролетариат, тосковавший по полноценной жизни, не желавший подчиняться ни «идиотизму деревенской жизни», ни еще более чудовищному идиотизму жизни городской, - этот пролетариат совершил революцию и взял власть, хотя и смог удерживать ее всего несколько месяцев, от силы лет, - тогда как пролетариат развитого буржуазного общества, которым всецело *завладел* капиталистический город, не совершил до сих пор даже этого...

До возобладания конвейера, фордизма и тейлоризма промышленный рабочий еще сохранял в определенной степени присущий прежнему ремесленнику контроль над трудовым процессом. Капиталист экспроприировал у него продукт труда, но еще не в полной мере экспроприировал сам труд. Поэтому рабочий был убежден в возможности самому стать хозяином всего процесса общественного труда – стоило только путем революции убрать капиталиста.

Пролетарская культура, которую отстаивали и которую создавали Богданов и пролеткультовцы в России и современные им некоторые анархисты и синдикалисты во Франции, оказалась не первой стадией социалистической всечеловеческой культуры, но заключительным аккордом низовой плебейской культуры доиндустриальных обществ, великой простонародной культуры крестьян и ремесленников, далеко превосходящей всю последующую индивидуалистическую буржуазную культуру. Культурная и политическая самостоятельность владевшего средствами производства и объединенного со своими товарищами в общину или цех крестьянина или ремесленника была намного выше, чем не только у задавленного современным капитализмом пролетария, но и чем у «среднеклассового» служащего гигантской корпорации, хотя бы последний и ездил в собственном автомобиле, а не на собственной телеге, и смотрел бы телевизор каждый вечер, а не балаган на площади по праздничным дням...

Раннему пролетариату было присуще высокоразвитое чувство классовой солидарности и товарищества. Оно опять - таки шло не столько от капиталистического предприятия, разделяющего работников на множество разрядов и категорий, сколько от старой общинной солидарности.

Примеров высочайшей классовой солидарности пролетариев 19-начала 20 веков можно привести многое множество. Ограничимся одним.

В апреле 1913г. на петербургском заводе «Новый Лесснер» мастер клеветнически обвинил в краже нескольких сотен гаек рабочего Стронгина. Стронгин не смог пережить этого обвинения в воровстве – и повесился.

После этого завод забастовал, требуя уволить мастера, доведшего рабочего до самоубийства. Вскоре к новолесснеровцам присоединились рабочие принадлежащего той же компании завода «Старый Лесснер». При материальной и моральной поддержке рабочих других петербургских заводов они бастовали до тех пор, пока не были побеждены голодом и полицейскими репрессиями, при этом, по словам большевика Бадаева, "*новолесснеровцы продержались свыше 3-х месяцев, 102 дня – срок, беспрецедентный по своей длительности*" (4,с.115), - и этот *беспрецедентный по длительности срок* рабочие голодали не ради повышения зарплаты на 5 копеек, но ради возмездия за человеческое достоинство.

Страной, где в начале 20 века пролетарская солидарность и классовая ненависть достигали столь же огромных размеров, как и в России, была Испания. Испанские рабочие умели отвечать на насилие – насилием, на хозяйский террор – своим классовым террором. «Оружие было предметом мечтаний испанских рабочих и величайшей гордостью тех, кто смог его добыть» (33,с.28). В Испании почти не существовало штрейкбрехерства. Не было никаких пособий по безработице, и

безработные (а безработица в Испании порой достигала чудовищных размеров) жили благодаря помощи товарищей.

И это тоже шло не от морально-гуманитарных проповедей, но от суровой необходимости во взаимопомощи, в разделе тягот, единственно благодаря которому выжило организованное в общины древнее человечество: я спасу тебя сегодня, а ты меня – завтра.

На такой общинно- коллективистской подоснове возникло испанское революционное рабочее движение – анархистское движение. Вот как пишет о нем историк Испанской революции Г. Бреннан:

«Идея», как ее называли, передавалась от деревни к деревне анархистскими «апостолами». В бараках батраков при свете масляного светильника «апостолы» говорили о свободе, равенстве, справедливости восхищенным слушателям. В городках и деревушках возникали маленькие кружки, начинавшие проводить ночные занятия. На них многие учились грамоте, здесь велась антирелигиозная пропаганда, людей убеждали в превосходстве трезвого образа жизни, вегетарианства. Даже табак и кофе отрицались частью этих старых «апостолов»... Каждое новое продвижение вперед, стачка, рассматривалась как ступень на пути к новой эре, эре изобилия, когда все – даже чины гражданской гвардии и помещики – будут свободны и счастливы» (цит. по 49, с. 2).

У рабочих позднекапиталистического общества, задавленных и порабощенных капиталистическим городом, такая вера, такой энтузиазм станут невозможны.

«На вопрос корреспондента «Вы будете сидеть на куче руин, если победите?», Б. Дуррути ответил «Мы всегда жили в тущобах и стальных дырах. Мы знаем, как можно со временем приспособиться к жизни. Но не забывайте – мы умеем также строить. Именно мы построили дворцы и города здесь в Испании и в Америке, и везде... Мы не боимся руин. Мы хотим унаследовать Землю... Мы несем новый мир в наших сердцах. Этот мир растет сейчас, в эту минуту». Устами Дуррути говорили люди, привыкшие к нищете и тяжелому труду. Для них даже пуританский образ жизни был заметным улучшением. Их вдохновляли не материальные, а духовные ценности. Именно воодушевление, вера в то, что революция несет освобождение, стимулировали массы людей к самоотверженному труду, к активному участию в политической жизни, к готовности отдать жизнь за «новый мир в наших сердцах» (49, с. 21).

«Материальные» и «духовные» ценности, вопреки равно нелепым проповедникам воздержания и пропагандистам наживы, не являются некоей абсолютной противоположностью. «Моральные ценности» представляют собой всего лишь выражение *общих материальных интересов, материальных интересов коллектива*. Для постоянно пребывающего на грани между жизнью и смертью первобытного племени кормить нетрудоспособных детей и стариков могло казаться непозволительной роскошью, но дети представляли собой будущее племени, а старики были хранителями опыта его прошлого, поэтому детей и стариков старались спасти до последней возможности. Штрейкбрехер, получив свои иудины деньги, зажил бы не в пример лучше голодающего стачечника, но штрейкбрехерство бьет по общим материальным интересам рабочей массы, отсюда моральный принцип, выраженный в присказке американских рабочих: *«умри, но не пересекай линии пикета»*, не становись штрейкбрехером.

Испанский анархистский пролетариат с его пуританским энтузиазмом и рабочим братством был разбит, разгромлен, уничтожен буржуазными республиканцами, сталинистами и франкистами. Далее с пролетариатом в Испании произошло то же самое, что и с пролетариатом в других странах при переходе от раннего капитализма к капитализму конвейерного производства. Нашлись люди, именующие себя «коммунистами рабочих Советов», кто пришел в умиление от подобной

эволюции. Некогда испанские рабочие-анархисты объективно боролись за буржуазную революцию, а субъективно мечтали о всемирном перевороте, о новой земле и новом небе – теперь, в 1970-е годы, испанские рабочие за буржуазную революцию не борются (как не борются, впрочем, и за пролетарскую), а борются за свой прямой классовый интерес – увеличение зарплаты на 5 песет! Испанские рабочие-анархисты жгли церкви – современные испанские рабочие проводят в церквях профсоюзные собрания (см. 50) Забавно, что рассуждающие подобным образом теоретики считают себя ужасно «левыми» и «революционными» – куда уж до них наивным русским большевикам и наивным испанским анархистам!

Все существовавшие до сих пор пролетарские революционные движения по своей объективной роли всего лишь содействовали победе буржуазных революций – не потому, что они этого хотели, а потому, что уровень развития производительных сил был еще недостаточен для победы бесклассового и безгосударственного коллективистского общества. Там, где буржуазная революция была завершена и капитализм вступал в период органического длительного развития, отмирала и пролетарская революционность – вовсе не потому, что пролетариату при капиталистической стабильности жилось привольно и вольготно, а потому, что он был задавлен и придушен ею. Как будут обстоять дела дальше – посмотрим...

Для суммирования всего вышесказанного приведем обширную цитату из замечательной статьи Яр. Вовкулака «Зигзаг истории», опубликованной в середине 1990-х годов в малотиражном левом журнале «Пролетарская трибуна» – тем более, что именно эта статья подтолкнула нас к переосмыслению всего вопроса о пролетарской революционности:

«Капитализм XVII, XVIII и даже XIX века можно охарактеризовать как раннеиндустриальный. В этот период индустриальные отношения еще не были господствующими даже в рамках самого передового региона, они лишь устанавливали свое господство. Капиталистическое и докапиталистическое общество существовали бок о бок, при этом первое стремительно разрушало второе. Пролетариат в это время формировался из разоренных крестьян и ремесленников. Пролетарии первого поколения еще сохраняли старые общинные традиции и одновременно чувствовали свой разрыв с прежней средой. Это сочетание усвоенного с детства коллективизма с ощущением собственной деклассированности порождало в них способность и готовность к решительным действиям. Новое пролетарское состояние не было для вчерашнего крестьянина или ремесленника желаемым или хотя бы привычным, поэтому он всеми силами стремился от него избавиться. Тот факт, что пролетарии попадали в капиталистическое общество непосредственно из докапиталистического, способствовал расширению их кругозора – они видели, что ни та, ни другая модель общества не является единственно возможной; следовательно, им легко было поверить в принципиальную возможность создания коммунистического общества, которое будет столь же разительно отличаться от капиталистического, сколь последнее отличалось от докапиталистического. Наконец, производственные процессы того времени были столь примитивны, что возможность управления ими со стороны самих работников обычно не вызывала у последних никаких сомнений.

К началу XX века капиталистический уклад уже прочно утвердился в наиболее передовых странах Европы и Северной Америки, а к середине века – практически во всей Европе. Место пролетариев первого поколения заняли потомственные рабочие. Выросшие с детства в капиталистическом обществе, они даже не представляли себе, что хотя бы в принципе возможно какое-то

другое. Их представления об идеале не шли дальше общества, организованного на чисто капиталистических началах, но с хорошей зарплатой для рабочих, подобно тому, как идеалом потомственного раба обычно является работа у “добрых хозяев”, которые его не бьют и хорошо кормят. Как раб, выросший в неволе, всегда менее склонен к борьбе за свободу, чем тот, кто родился свободным и кого сделали рабом, так и потомственный пролетариат оказался менее склонен к борьбе против наемного рабства, чем пролетарии первого поколения. Ему вполне хватило тех уступок, которые вынуждена была дать ему буржуазия на западе и индустриальная бюрократия на востоке.

Другой особенностью развитого индустриального капитализма стал ряд изменений производственного процесса. Он резко усложнился. Разделение труда достигло апогея. Венцом “фордистско – тейлористской модели” общества стал конвейер, каждый работник которого выполнял лишь одну, самую примитивную операцию, и понятия не имел не только о процессе производства в целом, но даже о том, что делает его сосед. Такой работник даже представить себе не мог, как это, собственно, он будет управлять производством. Кроме того, на одном предприятии, а тем более, в одной отрасли, теперь было занято такое огромное количество народа, а общий объем информации, необходимой для управления, был так велик, что наладить участие всех в управлении всем производством при тогдашнем уровне информационной технологии было просто невозможно. В результате даже в тех странах, где еще велик был удельный вес пролетариев первого поколения, их революционная активность приводила не к обществу самоуправления, а к установлению власти жестких тоталитарных режимов, осуществляющих восточный или полувосточный вариант индустриализма”. (10, сс.6-7).

* * *

Переход к конвейеру привел к оттеснению высококвалифицированных рабочих, с одной стороны, и чернорабочих, выполняющих грубую физическую работу, с другой, частичными, “специализированными” рабочими (20, с.86), осуществляющими одну примитивную операцию. Понять все значение данной трансформации можно уже из того, что основу старого революционного движения составляли, с одной стороны, высококвалифицированные и грамотные рабочие полуремесленного типа, с их рабочей и профессиональной гордостью, с их уверенностью, что они сами смогут управлять производством куда лучше, чем капиталисты-паразиты, а с другой стороны, малоквалифицированные и плохо оплачиваемые рабочие из вчерашних крестьян, приносившие из разоренных деревень навыки коллективизма и склонность к бунту. (Разумеется, подобное *оттеснение* как высококвалифицированных рабочих, так и чернорабочих не означало их полное *исчезновение*, в силу технологических условий они неизбежно должны были сохраняться во многих отраслях, но роль их стала значительно меньше, чем была в 19 веке).

«Для массовых тружеников [речь идет о частичном рабочем], вообще лишенных настоящей профессии, “профессиональная солидарность” вообще превращается в пустой звук... У частичных рабочих крайне слабо развита “рабочая гордость”, уважение к собственному труду и рабочим профессиям вообще” (20, сс. 103, 109).

Если в прежнем маломеханизированном производстве многие неквалифицированные рабочие обладали реальной перспективой профессионального роста и перехода в категорию высококвалифицированных

рабочих, то у современных частичных рабочих этой перспективы, как правило, нет (см. 20, сс. 305-306).

Интересные наблюдения о частичных рабочих в позднем СССР есть в работе Н.Н.Разуваевой:

“43% молодежи вливались [в конце 1980-х годов] в рабочую среду, не имея никакой профессиональной подготовки. Они обучались непосредственно на предприятиях, которые в большинстве своем ориентировались на выпуск узких операционников. Система стационарного профтехобразования все в большей степени становилась регрессивной, воспроизводящей для страны недостаточно квалифицированную и образованную массу. Из нее впоследствии легко было сделать послушный рабочий класс с атрофированными политическими и социальными интересами” (42, с.67)ю

Частичный рабочий не понимает смысла и характера производственного процесса. Он подчинен непонятным ему мощным общественным и природным силам в ничуть не меньшей степени, чем старый крестьянин.:

“Собственная трудовая практика рабочего все реже дает ему сколько-нибудь полное знание производства. Нажимая на рычаги и кнопки современной машины, реагируя на ее сигналы, он действует в соответствии с системой инструкций, но не знает, что происходит внутри машины и в чем состоит производственный процесс в целом. Такого знания нет у него не только из-за узости его трудовых функций: единственно доступный ему чувственный, визуальный способ познания техники сплошь и рядом оказывается несостоятелен. Путем простого наблюдения нельзя понять работу “электронного мозга”, разобраться в устройстве сложного автоматического агрегата либо усвоить, как нефть превращается в синтетическое вещество. Все это требует определенных теоретических “книжных” знаний, навыков абстрактного мышления”(20, с. 287), навыков, которых у частичного рабочего нет.

Носителем пролетарской культуры, качественно отличной от буржуазной культуры, был искусный мастеровой дофордистской эпохи, но не сменивший его стоящий за конвейером частичный рабочий:

“Мнения, что рабочим нужна своя, рабочая, культура, придерживается только меньшинство рабочих” (20, сс. 293 – 294). Один французский рабочий даже сказал: *“Я хочу знать мир таким, как он есть, не только с моей точки зрения рабочего. Солнце восходит для всех”* (20, с. 295).

Беда в том, что на мир всегда смотрят с определенной точки зрения. Для человека познать мир таким, каков он есть без человека, столь же неразрешимая задача, как и вытащить себя из болота за волосы. А поскольку в классовом обществе нет людей вообще, а есть представители определенных классов, в классовом обществе нет и быть не может внеклассового общечеловеческого познания. В классовом обществе нет и быть не может внеклассовой культуры. Место исчезнувшей пролетарской культуры 19 – начала 20 веков – преемницы культуры крестьянско-плебейских низов докапиталистических обществ – заняла возобладовавшая над сознанием пролетариев буржуазная культура.

Следует сказать и об еще одном важном отличии пролетариата 19в. и современного пролетариата. В 19в., когда преобладавшей формой капиталистического предприятия были частные предприятия, противоположность работников и хозяев сохраняла очевидный непосредственно-личный характер, унаследованный с докапиталистических времен. Рабочий видел, что на фабрике или в мастерской его эксплуатирует вполне конкретный живоглот, и знал, что для освобождения от эксплуатации достаточно путем революции скинуть этого живоглота и взять управление фабрикой в свои руки.

В 20 веке механизм эксплуатации стал более безличным – и еще более давящим и безжалостным. Индивидуальные хозяева – живоглоты были оттеснены на задний

план коллективными живоглотами – акционерными обществами и государством, сокращение заработка посредством его прямого снижения сменилось выеданием его инфляцией. Враг рабочего класса стал еще сильнее и страшнее, но где именно он находится, как его изловить и уничтожить – стало куда более неясно...

Как видим, потеря революционности пролетариями развитых капиталистических обществ в 20 веке объясняется не тем, что эти пролетарии зажили вдруг счастливо, привольно и вольготно, но, напротив, тем, что они оказались еще более подчинены, поработаны и задавлены, чем пролетарии раннего капиталистического общества, - и потому гораздо менее, чем последние, способны на сопротивление и протест...

* * *

Что с революционностью пролетариата в силу каких-то причин дело обстоит не так, как полагали Маркс и Энгельс в 1840-е годы, что *сменилась эпоха*, было впервые громко провозглашено во время дискуссии о ревизионизме в 1890-е годы.

Старая программа Маркса и Энгельса исходила из перспективы, согласно которой происходит все более глубокий раскол общества на уменьшающуюся “кучку магнатов капитала” и растущее пролетарское большинство, и раскол этот в конце концов приведет к социальному перевороту, - путем насильственной революции, как считали Маркс и Энгельс в 1840-е годы, или преимущественно мирным путем, к чему начал склоняться Энгельс в конце жизни и как склонна была надеяться немецкая социал-демократия.

Оспаривая подобную перспективу, Бернштейн указал на факт *роста “новых средних слоев”* при современном капитализме как на доказательство демократизации капитализма, изживания им непримиримого классового раскола и как на причину для необходимости классовых компромиссов.

Ответы Бернштейну со стороны ортодоксальных марксистов – не только Каутского, но и Розы Люксембург – представляли собой частичные паллиативы. Нас интересует здесь ответ Бернштейну, данный забытым пророком **“всемирной рабочей революции”**, Яном Махайским.

Забытость Махайского далеко не случайна. Он говорил от лица рабов современного цивилизованного общества, а рабы обыкновенно не читают книг, даже написанных их самыми самоотверженными заступниками. Рабы, как известно прогрессивным марксистским профессорам, вообще только способны – да и то изредка – лишь на “исторически обреченный героизм”, пытающийся остановить катящуюся под гору в пропасть колыхагу мирового прогресса.

Поскольку из современных левых активистов книгу Махайского “Умственный рабочий” читали разве только считанные единицы, мы приведем из нее обширные цитаты, по которым можно будет судить о сильных и слабых сторонах теории Яна-Вацлава Махайского:

“Социализм XIX столетия, вопреки убеждению всех верующих в него, не есть нападение на *основу* строя неволи, существующего на протяжении веков в виде всякого цивилизованного общества – государства. Он нападает лишь на одну из форм этой неволи, на господство класса *капиталистов*. Даже в случае его победы он не упраздняет векового грабежа: он упраздняет лишь *частное владение материальными средствами производства* - землей и фабриками, он уничтожает лишь *капиталистическую* эксплуатацию.

Упразднение капиталистической собственности, т.е. частного владения средствами производства, совсем не является еще упразднением *семейной* собственности вообще. Между тем, этот – то именно институт обеспечивает вековой грабеж; обеспечивает только имущему меньшинству и только его потомству владение всеми богатствами и трудом веков, всем наследием человечества, всей культурой и

цивилизацией. Этот именно институт осуждает большинство человечества рождаться неимущими, рабами, обреченными на пожизненный ручной труд. Экспроприация класса капиталистов вовсе еще не означает экспроприации всего буржуазного общества. Одним упразднением частных предпринимателей современный рабочий класс, современные рабы не перестают быть рабами, обреченными на пожизненный ручной труд: стало быть, не исчезает, а переходит в руки демократического государства – общества создаваемая ими национальная прибыль, как фонд для паразитного существования всех грабителей, всего буржуазного общества. Последнее, после упразднения класса капиталистов, остается таким же, как и раньше, господствующим обществом, образованным правителем, миром белоручек; остается владельцем национальной прибыли, которая распределяется в виде столь же приличных, как и ныне, “гонораров” “умственных рабочих” и, благодаря семейной собственности и семейному укладу жизни, сохраняется и воспроизводится в их потомстве.

Обобществление средств производства обозначает лишь упразднение права частного владения и распоряжения фабриками и заводами. Своим нападением на фабриканта социалист ни в малейшей мере не затрагивает “гонорара” его директора и инженера. Социализм истекшего столетия оставляет неприкосновенными все доходы белоручек, всю “заработную плату умственного рабочего”, объявляет интеллигенцию “незаинтересованной, непричастной к капиталистической эксплуатации” (Каутский).

Современный социалист не может и не хочет упразднить вековой грабеж и неволю” (12, сс. 326 – 327).

“Повидимому, в области социализма прошлого [XIX] века так-таки и не найдешь той дороги, на которой не приходится вступать в сделки с существующим буржуазным строем.

Такая дорога лежит целиком и исключительно в *подполье* современного буржуазного строя. Но социализм XIX века, даже в самом страшном его виде, в виде анархизма, становится в демократической республике делом совершенно легальным, в виде синдикализма и *проповеди* “анархистского идеала”; и непримиримые анархисты становятся благонамеренными – наравне с социал – демократами – гражданами современного общества и не могут уже конспирировать против демократической “свободы слова”, “свободы печати”, “свободы союзов”, которые по их убеждению, так же, как и по убеждению социал – демократии, дают полную возможность легального приготовления социального переворота.

Подпольная заговорщическая деятельность в демократическом государстве является для анархистов столь же утопической, столь же преступной, бланкистской практикой, как и для любого социал-демократа.

Таким образом, единственный прямой путь к низвержению существующего строя неволи; единственный путь, свободный от копромиссов с буржуазным законом, - *подпольный заговор для превращения вспыхивающих столь часто и столь бурно рабочих стачек в восстание, во всемирную рабочую революцию* – лежит целиком за пределами учения современного социализма” (12, с.329).

“Не для низвержения современного общества, а для *исцеления* его от кризисов – социалисты восстают против капиталистического строя, что совсем не означает низвержения векового строя неволи, а, напротив, укрепление его...

Свою революционность, свою непримиримость марксизм надеялся обеспечить за собой не своей действительно непримиримой борьбой со строем грабежа. Он доказывал лишь, что сам исторический момент, сами законы человеческого общества, от людей независимые и выше людей стоящие, - это воистину социалистическое провидение, - присуждая буржуазное общество к слабости и гибели, дает вместе с тем ему возможность освободить весь мир от неволи.

Но социалистического провидения нет; никаких независящих от воли людей законов развития общества нет. Нет сил природы, которые вознаграждали бы добрых – угнетенных за все их испытания и наказывали бы неправедных угнетателей за их злые деяния. Социалисты возмущаются и борются против ухудшения классового строя, и *их борьба может уничтожить только это ухудшение*, но не сам классовый строй.

И потому, вопреки всем ожиданиям наивных верующих, научный социализм содействовал развитию буржуазного прогресса” (12, сс. 330, 331-332).

“Анархистская теория, хотя ходячее о ней мнение считает ее воплощением непримиримого возмущения против всякого гнета, никогда до сих пор, - так же как и научный социализм, - в бунтах рабов всех эпох не расслышала возмущения против исторического хода, присуждающего большинство человечества к рабству. Она никогда, как и марксизм, не хотела досмотреть, что историческому ходу противостоит подавленная жизнь громадного большинства человеческих существ, рождавшихся в каждом из существовавших доселе поколений. Анархистам, как и марксистам, и в голову не приходит, что существующую неволю может упразднить лишь возмущение и недовольство, рождающее бунт против исторического хода, по законам и велениям которого до сих пор, из поколения в поколение, неволя, подлежащая разрушению, лишь укреплялась.

Рабочая революция есть нечто отличное и от научного социализма, и от научного анархизма. Рабочая революция есть неотвратимое следствие того факта, что “исторический ход” является выражением воли захватившего все богатства и господствующего меньшинства; это этот исторический ход приговаривает до сих пор большинство человечества рождаться в рабстве, в положении низшей расы. **Рабочая революция есть восстание рабов современного общества против исторических законов, которые до сих пор весь земной шар превращают для них в тюрьму**” (12, сс. 341 – 342).

А вот что писал Махайский о росте любимых Бернштейном, как и всеми буржуазными филистерами, “новых средних слоев”:

“Социал-демократические принципы в своей “чистой” форме отрицают возможность какого бы то ни было роста средних слоев общества и гласят: “все выгоды капитализма монополизируются относительно малым числом капиталистов и крупных земельных собственников” Между тем капиталистическая эволюция проявляет несомненный рост буржуазного общества. Если маленькие предприятия и неотвратимо гибнут, то средние классы буржуазного общества, в виде все умножающегося числа привилегированных наемников капитала, растут, несмотря на это, и, таким образом, “все выгоды гигантского роста производительных сил монополизируются” *не горстью только плутократов, а все растущим буржуазным обществом.*

Враг пролетария за последние полвека глубоко эволюционировал. Стоять в виду этой эволюции за чистоту вышеуказанных соц-дем-их принципов – значило бы только уклоняться от настоятельной необходимости новой формулировки цели пролетариата – уничтожения классового господства; значило бы представлять себе неизменным эволюционировавшее с половины текущего века буржуазное общество; значило бы предоставлять этому обществу – “бюргерству” – право на рост его благосостояния, рост, отрицаемый соц-дем-ими принципами. Это значило бы само это благосостояние выставлять, как рост благосостояния народного, а значит, и пролетариата, в то время как последний получил лишь такие уступки, какие общество вынуждено было дать для обуздания плутократов в свою же пользу.

Эволюция соц-дем-ии, от ее переворотных планов до ее современных стремлений легализировать пролетарское движение, отражает не видоизменившееся лишь положение пролетариата. Противоречия капиталистического строя не слабее в

настоящий момент, чем полвека тому назад [Речь идет о 1890-х годах сравнительно с эпохой “Коммунистического манифеста”, с 1840-ми годами]. Если благодаря революционной борьбе пролетариата западно-европейских стран, некоторым слоям его удалось немного улучшить свое положение, то тем более бедственно и безвыходно положение огромной, все растущей безработной армии, а положение всего пролетариата в таких странах, как Италия и Венгрия, не говоря уже о русских голодающих массах, конечно, не лучше положения английских и германских пауперов 40-х годов. Соц-дем-ая эволюция отражает, конечно, и нечто другое – *эволюцию, происходящую и в самом буржуазном обществе.*

Когда-то быстро надвигавшийся капитализм, стремительная концентрация богатств и развитие машинной индустрии не только превращали в пауперов крестьян и ремесленников, но и угрожали самому привилегированному обществу. “Среднее сословие должно все более исчезать, пока мир не разделится на миллионеров и пауперов, на крупных земельных собственников и бедных поденщиков”, - писал Энгельс в 1840-е годы. Это угроза и привилегированному обществу, ученым и другим интеллигентам, с которыми кулак-миллионер готов обращаться, как с простыми поденщиками. Капиталисты суть “уполномоченные буржуазного общества, но они присваивают себе *все плоды* этого полномочия” (Маркс. “Капитал”, т. III). От капиталистов страдает, значит, и *буржуазное* общество. И рядом со стихийным рабочим движением, из среды привилегированного общества производится с разных сторон – то под влиянием страха, то под влиянием зависти к миллионерам, “присваивающим себе плоды”, - нападение на капитал...

Этот период отражается и в более или менее *революционном* настроении соц-дем-ии. Под ее давлением, растущая сумма национальной прибавочной стоимости, взимаемая “уполномоченными”, доставляет все большее содержание привилегированному обществу, растет число лиц, пользующихся “национальным доходом”, растет буржуазное общество, “новое среднее сословие, по числу очень сильное”, сословие привилегированных наемников капитала, допускаемых все более к управлению страной, к господству. Наука получает почетное место и надлежащее содержание, и буржуазия господствует над умами пролетариев при помощи науки. Этот исход выражается в решительном стремлении соц-дем-ии 1890-х гг. стать “единственной партией порядка”.

Когда столь благоприятное для “бюргерства” развитие капитализма проявилось в достаточной мере и под крылышком германского абсолютизма, Бернштейн требует от пролетариата, ввиду непредвиденной возможности роста новых средних классов, стало быть, роста буржуазного общества и его счастья – отречься окончательно от своих переворотных планов и высказаться беспрекословно за продолжение жизни капитализма.

Плеханов требует от соц-дем-ии “похоронить” Бернштейна. Но он забывает, что предпосылкой для Бернштейна была сама соц-дем-ия последних лет. Именно потому, что она не желала двигаться вперед и упорно повторяла формулу о невозможности роста буржуазного общества, так как все выгоды капиталистической эволюции достаются горстке капиталистов, в котором она видела по соц-дем-му принципу своего единственного врага; именно потому удается Бернштейну поразить соц-дем-ию приятной неожиданностью о возможности роста нового среднего класса и рост этого буржуазного класса выставлять как рост счастья народа и улучшения судьбы пролетариата.

Ответ Бернштейну со стороны пролетарского социализма – не в отрицании (ради чистоты соц-дем-их принципов) несомненного факта роста новых средних классов, а в раскрытии в “новом сословии, сильном по числу и постоянно растущем” – *нового врага пролетариата и в призыве на борьбу с ним, “чтобы покончить со всякой привилегией”*; в призыве, заглушать который и выставлять как

анархическую затею было специальной задачей соц-дем-ии последних лет” (12, сс. 145 – 147).

Ответ Махайского Бернштейну можно сформулировать следующим образом: **если по мере развития капитализма происходит даже не сокращение, а рост численности буржуазного общества, не уменьшение, а увеличение числа паразитов, пьющих кровь из пролетариата, и, напротив, сокращение численности самого пролетариата, это означает лишь, что груз эксплуатации, давящий каждого отдельного пролетария, становится все тяжелее, его тело под ним сгибается еще более задавлено, а его труд становится еще тягостнее и подневольнее. Поскольку мы исходим не из точки зрения демократии и власти большинства, но из интересов пролетариата, превращение пролетариата в еще более угнетенное и эксплуатируемое буржуазным обществом меньшинство делает революцию еще необходимее.**

Важность подобного вывода, сделанного Махайским, особенно очевидна в настоящее время, когда численность занятых производительным трудом в мире вообще, а в России в особенности, значительно сократилась, и все большая часть населения занята в “сфере услуг” (в СССР в 1988г. работники сферы обращения составляли 5,5% населения, работники производства – 31%, в России в 1995г. соответственно 19% и 15% !!! (23, с.27). Определенная часть занятых “в сфере услуг” принадлежит все же к пролетариату (грузчики на рынках – самый очевидный пример), но новая мелкая буржуазия, торговая и служащая, хотя ей зачастую живется весьма несладко вследствие ее зависимости от крупного капитала, бесспорно относится к разряду эксплуататоров пролетариата.

Фундаментальное отличие лежит между этой новой мелкой буржуазией и самостоятельными мелкими производителями 17-19 веков, которых большинство марксистов упрощенно приписывает к мелкой буржуазии, но которые на самом деле представляли переходный тип от крестьянина и ремесленника дорыночных обществ к мелкой буржуазии капиталистического общества.

Самостоятельные мелкие производители имели в собственном владении средства производства, в чем и заключалась материальная основа их культурной и политической автономии. Вопреки распространенным буржуазным и марксистским мифам, они не были закоренелыми изолированными мелкими собственниками, но объединялись в сельские общины или городские цеха. Разрушительная работа товарных отношений делала свое дело, общины и цеха разлагались, из них выделялась богатая и властная эксплуататорская верхушка, но пока рынок не восторжествовал окончательно, не разложил до конца общину, не лишил самостоятельных производителей средств производства, превратив их в неимущих пролетариев, эти производители восставали вновь и вновь (иной раз – с временным успехом), борясь за восстановление старой правды.

Их политической программой была *власть общих собраний* в политике и *строй свободных и равных тружеников-собственников* в экономике. Эта программа выдвигалась не только парижскими санкюлотами 1793г., но также, например, во время городских и крестьянских восстаний в России 17 века.

Подобная программа не могла быть реализована как из-за тлетворной работы товаро-денежных отношений, разрушавших равенство мелких производителей, так и из-за того, что при технических средствах сообщения тех времен власть общих собраний могла осуществляться только в сравнительно небольших человеческих коллективах. Деревенские дела можно было запросто решать “всемирно” на мирской сходке, уже в крупных бунтовских городах вроде Астрахани или Пскова большая часть реального руководства делегировалась выбранным повстанческим начальным людям, тогда как вече или казачий круг сохраняли за собой только контроль над их деятельностью. В случае победы крестьянского восстания на

территории всей страны (а такие случаи несколько раз бывали в истории Китая, но не только Китая) из повстанческого руководства стремительно возродилась феодальная иерархия, хотя степень феодальной эксплуатации на первых порах значительно уменьшалась. Самостоятельный мелкий производитель добуржуазного и раннебуржуазного общества был способен к самоорганизации только в ограниченных пределах – но в этих пределах его способность к самоорганизации была намного выше, чем у пролетария или мелкого буржуа позднекапиталистического общества.

Представитель “современных средних классов”, т.е. новой мелкой буржуазии, из числа служащих какой-нибудь корпорации, при всем чванстве своими “свободой” и “индивидуализмом”, полностью зависим от босса, от корпорации и от государства. Его политический идеал состоит не в прямой демократии, как некогда политический идеал парижских санкюлотов - ремесленников и мелких лавочников,- но в полном торжестве иерархического принципа корпорации, в строе, где будет царить “Порядок”, возглавляемый суровым, но справедливым Боссом – “Хозяином”. Этот современный мелкий буржуа не революционер, а контрреволюционер. Свое самостоятельное выступление на политической арене “новые средние слои” осуществили, став массовой базой германского нацизма. Пролетаризируемый мелкий производитель некогда дал санкюлотское движение 1793г. и русское революционное народничество, разоряющийся государев работник в России 1990-х годов создал зюгановщину, анпиловщину, жириновщину и баркашовщину. Разница, как видим, огромна...

Пора завершать первую часть нашего исследования, говорящую о пролетариате вообще, и переходить к рассмотрению истории борьбы российского пролетариата. Но в заключении следует коротко остановиться на вопросе, смогут ли поработанные и задавленные капитализмом наемные рабы сбросить когда-нибудь с себя этот гнет?

Поскольку в работах ГПРК многократно обосновывалось, что компьютеризация и автоматизация производственных процессов впервые со времен первобытного коммунизма делает непосредственных производителей способными управлять обществом, мы не станем здесь подробно доказывать этот тезис (доказательство его см. прежде всего в 6, сс. 5-17). Вообще в современной марксистской мысли идея о связи автоматизации производства с победой социализма начинает становиться общим местом. Как пишет Завалько:

“Автоматизация производства, избавляющая работника от непосредственного контакта с предметом труда и оставляющая ему управленческие функции, очевидно, потребует в скором времени упразднения эксплуатации и замены классового общества бесклассовым” (24, с.216).

Что мы считаем необходимым здесь подчеркнуть, так это то, что законы истории – это лишь законы деятельности людей, и что если пролетарии не будут бороться за свое освобождение, все возможности такого освобождения, открываемые техническим прогрессом, останутся столь же бесплодны, как и изобретенная древнегреческим ученым Героном паровая машина, не предотвратившая гибель античного мира.

* * *

Революционное рабочее движение в России возникает в 1870-е годы. Промышленный пролетариат России делился тогда на две сильно различающиеся группы: высококвалифицированных и высокооплачиваемых “заводских” рабочих (в первую очередь – металлисты) и неквалифицированных и низкооплачиваемых “фабричных” (прежде всего – ткачи). Для характеристики обеих групп приведем

обширную выдержку из работы Плеханова “Русский рабочий в революционном движении”:

«Само собой разумеется, что между рабочими, как повсюду, я встречал людей, очень различавшихся по характеру, по способностям и даже по образованию. Одни... читали очень много, другие так себе, не много и не мало, а третьи предпочитали книжные «умные разговоры» за стаканом чаю или за бутылкой пива. Но в общем вся эта среда отличалась значительной умственной развитостью и высоким уровнем своих житейских потребностей. Я с удивлением увидел, что эти рабочие живут нисколько не хуже, а многие из них даже гораздо лучше, чем студенты...

Прошу читателя иметь в виду, что я говорю здесь о так называемых *заводских* рабочих, составлявших немалую часть петербургского рабочего населения и сильно отличавшихся от *фабричных*, как по своему сравнительно сноскому экономическому положению, так и по своим привычкам. Фабричный работал больше заводского (12 – 14 часов в сутки), а зарабатывал значительно меньше... Он носил ситцевую рубаху и долгополую поддевку, над которыми подсмеивались заводские. Он не имел возможности нанимать отдельную квартиру или комнату, а жил в общем артельном помещении. У него были более прочные связи с деревней, чем у заводского рабочего. Он знал и читал гораздо меньше, чем заводской, и вообще был ближе к крестьянину. Заводской рабочий представлял собой что-то среднее между «интеллигентом» и фабричным: фабричный – что-то среднее между крестьянином и заводским рабочим. К кому он ближе по своим понятиям, к крестьянину или заводскому, это зависело от того, как долго он прожил в городе...

Спрашивая рабочих, чего именно они требуют от революционной литературы, я получал самые разнообразные ответы...Один больше всего интересовался вопросом о боге и утверждал, что революционная литература должна направить главные свои усилия на разрушение религиозных верований народа. Других интересовали преимущественно исторические, политические или естественнонаучные вопросы. В числе моих приятелей – фабричных был даже такой, которого особенно занимал женский вопрос» (39, сс. 64, 68, 76).

Высококвалифицированный и образованный «заводской» рабочий, точно так же, как и грамотный и искусный парижский ремесленник, прекрасно знал, что он, со своим практическим умением и теоретическими знаниями, сумеет управлять производством ничуть не хуже капиталиста. «Фабричный», стоявший еще одной ногой в разоренной деревне, знал и старую помещицью, и новую буржуазную эксплуатацию – и был одинаково враждебен им обоим. Из общинной деревни он принес в город навыки коллективной самоорганизации и вековую непримиримую ненависть против «белоручек» и «мироедов». Среди героев первого этапа революционного пролетарского движения в России мы находим способного своими теоретическими знаниями заткнуть за пояс любого интеллигента искусного краснодеревщика Степана Халтурина, пожалуй, крупнейшего русского революционера из рабочих; его товарища по Севернорусскому рабочему союзу, работавшего за границей и знавшего три иностранных языка слесаря Виктора Обнорского, но также малограмотного «фабричного», ткача Петра Алексеева.

Революционеры-народники, первоначально видевшие в пропаганде среди городских рабочих преимущественно способ с пользой занять время, когда нет возможности вести пропаганду среди крестьян, вскоре с удивлением обнаружили, что городской пролетариат куда более восприимчив к социалистической пропаганде, чем крестьяне. То, что причиной тому была вовсе не внеисторическая предрасположенность индустриального пролетариата к социализму, можно убедиться на печальном опыте современных марксистских групп, пропаганда

которых (и не только в России) не встречает практически никакого активного отклика в промышленном пролетариате.

Правильно подметил Яр. Вовкулак: к восстанию против невыносимой жизни склонен тот, для кого эта жизнь – чужая и принудительно навязанная, кто знал иную жизнь, хотя бы эта иная жизнь была еще более невыносимой. В 1870-е годы крестьянин все еще пребывал в прежней, привычно – мучительной жизни, хотя устои этой привычно – мучительной жизни уже начинали заметно шататься, будучи разъедаемы капитализмом. Рабочий первого поколения, находившийся между двумя одинаково враждебными ему мирами, феодальным и капиталистическим, куда острее чувствовал неправду и ненормальность давящего его мира.

Русским рабочим 1870 – 1917гг. была свойственна огромная тяга к знаниям. Только вооружившись знаниями, понимали они, можно победить мир неправды и неволи. В воспоминаниях Ивана Бабушкина рассказывается, как в юности они вместе с задушевным приятелем, таким же молодым рабочим Костей жадно выискивали стоящие книги и в поисках таких книг натолкнулись на связанного с революционными кружками рабочего Ф.:

«Идя к его станку, я ожидал услышать от Ф. что-либо особенно умное, но он на первый раз отпугнул меня своими суровыми словами и вопросами.

- Ну что? О чем думаешь?
- Да книжку бы какую-либо умную достать, - пробормотал я.
- На что тебе она? Что ты будешь делать, если прочитаешь не одну умную книжку?
- Плохо – говорю – вот, что нас обижают и правды не говорят, а все обманывают.
- А что ты будешь делать, если правду узнаешь?» (3, с. 22).

С уважением к знаниям соединялось уважение к носительнице этих знаний, революционной интеллигенции:

«Трудно передать, как глубоко мы с Костей ценили этих людей, особенно если взять во внимание, что мы, неразвитые люди, не могли не чувствовать удивления тому, что люди из другой среды бескорыстно отдают нам знания и пр. И после более близкого знакомства с другими интеллигентами и учительницами мы долго еще не могли отделаться от этого чувства. Как тяжело было терять кого-либо из таких интеллигентов, за которых готов был бы понести что угодно, всевозможные тягости и лишения. Конечно, постепенно, часто встречаясь с интеллигентами, теряешь то особое чувство к интеллигенту как к особенному человеку, а одинаково чувствуешь потерю как близкого товарища рабочего, так и товарища интеллигента, но это уже получается спустя продолжительное время знакомства с интеллигенцией, когда острое чувство, получаемое при первой встрече, притупляется, низводясь на обыкновенное искреннее чувство» (3, с.30).

Следует подчеркнуть, что разночинная революционная интеллигенция 19 века была вполне достойна такого уважения. Разночинный интеллигент в царской России в эпоху домонополистического капитализма был таким же мелким самостоятельным производителем, как крестьянин или кустарь, как и они, подвергался эксплуатации как со стороны разлагающегося феодализма, так и со стороны нарождающегося капитализма, и не отделял своих интересов от общих интересов трудящейся массы, из которой обыкновенно происходил.

Своей героической борьбой против самодержавия – от хождения в народ до эпопеи народовольческого террора – революционеры-народники доказали, что они не болтуны и демагоги, а люди дела, а общественный резонанс их борьбы волея-неволей заставлял даже самых отсталых и невежественных рабочих задумываться: «Что за люди эти *сицилисты* и за что они царя убили?». В итоге, когда через 10 лет после борьбы «Народной воли» молодой Иван Бабушкин поступил работать на Семяниковский завод, по заводу все еще ходили легенды о народовольцах (см. 3,с.с. 13-14, 23). Быль в таких легендах густо перемешивалась с небылицами,

понять, что происходило на самом деле, было невозможно, но у молодых и активных рабочих подобные легенды вызвали жгучий интерес: что это за люди были, кто, не боясь виселицы, пошел на самого царя?...

Революционное народничество 1870-1880-х годов потерпело непосредственное поражение, но оно пробило стену между революционной интеллигенцией и народом и вынудило врагов *бояться* революционеров, а трудящиеся массы – их *уважать*. Правильно понял дело Ленин, когда сказал: «эти жертвы были не напрасны, они способствовали – прямо или косвенно – пробуждению русского народа».

...История несправедлива. Она помнит по именам и лицам немногих, причем говорливые и писучие интеллигенты запоминаются ею куда лучше, чем пролетарии. Поэтому возникает обманчивое представление, будто Великую революцию 1917 – 1921гг. подготовили и совершили Плеханов, Ленин, Троцкий, Сталин и несколько других «вождей», что эти вожди лепили революционный пролетариат по собственному усмотрению и произволу. Плодом такого обманчивого представления является разделяемая сейчас многими пролетариями идея, будто все беды современного пролетарского движения в России происходят оттого, что у него нет «Ленина», мудрого и энергичного вождя.

Чушь, чушь и еще раз чушь! Не оттого нет массового революционного пролетарского движения, что нет Ленина, а оттого нет Ленина, что нет революционно-пролетарского движения! Сила, приписываемая Ленину, была на самом деле силой десятков тысяч революционных рабочих, инициативного пролетарского меньшинства, увлекавшего за собой на борьбу всю рабочую массу. Сейчас во множестве бродят неприкаянными ленины, троцкие, свердловы, махно, наверное, и сталины, но нет пролетарской борьбы, а потому все способности и таланты этих потенциальных лидеров пролетарской борьбы пропадают без толку.

Еще раз: сила революционного движения в России заключалась не только и не столько в его знаменитых вождях и героях, сколько в массе рядовых революционеров-пролетариев, а также порвавших с буржуазным миром революционных интеллигентах, в тех, кто при необходимости шел ради революции на смерть, а при необходимости столь же неуклонно отдавал революции год за годом всю жизнь, кто и в периоды самой глухой реакции не склонял голову и не прекращал борьбу, и кто не ждал для себя иной награды, кроме освобождения рода людского.

Одним из периодов глухой реакции были 1880-е годы, когда революционное народничество было разбито, а уцелевшие рабочие кружки предоставлены самим себе. Передовые рабочие-кружковцы должны были действовать в крайне враждебном окружении, должны были уметь так вести пропаганду, чтобы о ней не узнали ни мастер, ни хозяин, ни полицейский, и в то же время использовать каждый удобный случай, чтобы пошатнуть в уме того или другого товарища-пролетария устои господствующих предрассудков. Для этого требовалась недюжинная способность разбираться в людях, отличать с первого взгляда хозяйского лизоблюда или не владеющего собой пьяницу, которые не должны были догадываться ни о чем, от еще сырого рабочего, которому нужно было вначале осторожно приоткрыть краешек правды, и находить рабочего сочувствующего, с которым можно было говорить о многом. Такое хождение по краю пропасти под недремлющим хозяйским и жандармским оком нужно было делать изо дня в день, из года в год, не зная, когда же, наконец, начнется революционный прилив и не зная, остались ли где еще революционеры, кроме тебя самого и нескольких твоих товарищей по кружку. А моральной максимой рабочих-кружковцев было: **«Если ты, кружковец, не будешь бороться за правое дело, то больше на всем широком белом свете некому это сделать»** (10, с.197).

Одним из малоизвестных рядовых героев революции был Петр Моисеенко, лидер Морозовской стачки 1885г.

Становление революционера – а сперва обыкновенного молодого ткача в Орехово-Зуево началось с того, что его брату, ходившему на заработки в Санкт-Петербург, попала в руки народническая брошюра «Хитрая механика». Прочитав ее, братья почувствовали, что у них раскрылись глаза. Одно только смущало их искреннюю религиозную совесть: как согласуется новая социалистическая вера со старой христианской? После долгих сомнений они отправились в монастырь молиться богу, чтобы он разрешил их сомнения. Но, увидев там, до какой степени безбожно живут божьи слуги, они поняли: если бог может терпеть такое поведение своих слуг, попов и монахов, значит, его, бога, вовсе нет.

Рассчитавшись таким образом с религией, Петр Моисеенко ушел в Петербург. Там он поступил работать на Новую бумагопрядильню и включился в работу народнических кружков, где, как он будет вспоминать много позднее, *Плеханов научил его понимать, а Халтурин действовать*. За стачку на Новой бумагопрядильне в марте 1878г. Моисеенко был выслан по этапу на родину, откуда вскоре бежал и поступил под чужой фамилией на ту же Новую бумагопрядильню. За новую стачку в январе 1879г. был выслан всерьез и надолго (хотя и без суда!) в Сибирь. Через несколько лет, когда окончился срок ссылки, он, вместе с бывшим с ним в ссылке его товарищем по Северному союзу русских рабочих Лукой Ивановым поступил работать на Морозовскую фабрику. Там они спродагандировали молодого ткача Семена Волкова, который благодаря красивой наружности и подвешенному языку пользовался большой популярностью среди работниц. Эта-то тройка рабочих активистов и возглавила Морозовскую стачку, действуя от имени Северного союза русских рабочих, о давно произошедшем разгроме которого Моисеенко и его товарищи не знали.

... Когда стало понятно, что стачка сама по себе, без посторонней помощи, будет скоро разбита, Моисеенко сквозь полицейские кордоны пробрался в Москву просить помощи у действующих там, как он надеялся, товарищей-революционеров. Но его брат, с которым они некогда читали «Хитрую механику», и к которому он обратился, т.к. сам не имел московских связей и явок, очень удивился: «Какие революционеры! Какой Северный рабочий союз! На дворе – 1885 год! Всех давно пересажали и перевешали!».

И тогда Моисеенко пошел сквозь полицейские кордоны в обратный путь, чтобы, уж если не сумел помочь, хоть пострадать вместе со всеми – чтобы не сказали ткачи и ткачихи, что организатор стачки бросил их в тяжелую минуту.

В последовавшей вслед за этим новой ссылке (где он оказал очень большое влияние на сосланного студенческого активиста А. Попова – будущего писателя Серафимовича) Моисеенко обучился столярному ремеслу, и в дальнейшем зарабатывал им на жизнь, одновременно непрерывно и неустанно ведя пропагандистскую и организационную революционную работу. В 1916г. он возглавил крупнейшую антивоенную стачку шахтеров в Донбассе. Принимал участие в революции и гражданской войне, а умер в 1923г. (о своей жизни он успел написать весьма интересные воспоминания. См. 35).

Зачем мы так подробно рассказали здесь биографию обыкновенного рабочего революционера Петра Моисеенко, которому не досталась слава Ленина и Троцкого, и который сам по себе не был фигурой таких исполинских масштабов, как Степан Халтурин или слесарь из недоучившихся студентов Людвиг Варынский, лидер Польской социально-революционной партии «Пролетариат»?

А вот зачем. Среди троцкистов и подобных им партстроителей господствует представление, что революционная партия создана, когда собрались два-три десятка исполненных благих намерений человек, которые приняли правильную

программу. На самом же деле пролетарская революционная партия – это не общество по пропаганде правильной программы, но передовой *отряд* пролетариата, борющегося за власть. Чтобы революционная пролетарская партия действительно существовала, необходимо, чтобы широкие пролетарские массы знали ее и признавали в ней свой передовой отряд, чтобы произошли отбор и закалка тысяч революционных борцов, которые отдавали бы свою жизнь и свою смерть делу освобождения пролетариата, революционеров, которые овладели бы самыми разнообразными формами и методами классовой борьбы, чтобы широкие пролетарские массы признали бы в этих революционных борцах надежных и испытанных товарищей. Создание такой – единственной – Партии – требует огромного труда и огромных жертв, жертв, остающихся большей частью неизвестными и забытыми. Октябрьская революция не произошла бы и не победила бы, если бы не было жизни Петра Моисеенко и жизни и смерти Степана Халтурина, и пока в современные революционно-пролетарские группы не придут такие люди, как Халтурин и Моисеенко, эти группы останутся всего лишь кружками по сотрясению воздуха...

* * *

В Октябре 1917г. рабочие и крестьяне свергли власть помещиков и капиталистов и установили свою революционную диктатуру. Однако производительные силы не были еще столь развиты, чтобы можно было обойтись без начальников и господ, и поэтому место старых господ стремительно стали занимать новые. Парадоксальность ситуации состояла в том, что эти новые господа заявляли, что они борются за общество без господ и рабов и поначалу даже действительно это делали.

Подобная парадоксальная ситуация обусловила собой противоречия рабочего движения периода гражданской войны. Самые революционные и преданные общему делу пролетарии ушли в государственный аппарат и Красную Армию и перестали быть пролетариями, став частью стремительно возникающего нового эксплуататорского класса государственной буржуазии. Из остальных, более пассивных рабочих, все, кто мог, спасаясь от голодной смерти в городах, ушли в деревню, оставшиеся же, обескровленные подобными потерями и, как и промышленный пролетариат вообще, неспособные совместно управлять обществом, не могли добиться лучшего результата, чем тот, который в конце концов получился. Более того.

В начале 1918г., по мере превращения Советов из органов рабочей самоорганизации в органы отделенной от рабочих масс государственной власти, в качестве попытки создать новую форму рабочей самоорганизации возникает Движение фабрично-заводских уполномоченных. В этом движении, враждебном большевистско-левоэсеровским Советам, с самого начала доминировали меньшевики и правые эсеры, а его политическая программа сводилась к требованиям Учредилки и парламентской демократии. Но победа «парламентской демократии» в России 1917-1921гг. была самой невозможной из всех утопий, что и показала судьба Комуча и всей «демократической контрреволюции».

Совсем по-другому следует оценивать движения и организации, выступавшие в 1917-1921гг. за прямую власть трудящихся – советские крестьянские восстания («власть Советам, а не партиям!»), махновское движение, а также такие политические течения, как левые эсеры, максималисты и анархисты. Из-за существующего уровня производительных сил, при котором невозможно было уничтожить деление общества на управляющих и управляемых, они не могли победить, но они точно так же принадлежат к вершинным эпизодам освободительной борьбы угнетенных классов, как и санкюлотское движение 1793г.,

тогда как роль большевиков – ленинцев объективно оказалась аналогичной роли якобинцев-робеспьеристов (Характер большевизма – отдельная большая тема. Здесь заметим лишь, что большевизм, вопреки сталинистским и антикоммунистическим мифам, не был однородным течением, и впереводцы дореволюционного времени, а после Октябрьской революции децисты и рабочая оппозиция значительно отличались от ленинского направления. Сверх того, большевизм изменялся во времени под воздействием окружающей ситуации. Сила большевиков в 1917г. заключалась в том, что это были **большевики с народом**, и то, что к 1921г. они перестали быть с народом – не вина, а трагедия большевиков).

То, что объективно получилось в результате Октябрьской революции, было лучшим из того, что реально могло получиться, хотя бы нам и хотелось чего-то неизмеримо большего. Но этим оптимально возможным результатом оказался **строй первоначального капиталистического накопления, буржуазного прогресса, осуществляемого страшной ценой экспроприации крестьянства и эксплуатации пролетариата**. Уже в то время это поняли пролетарские революционеры – первыми борцы революционно-социалистических организаций, активно участвовавших в Октябрьской революции и выступавших за Советскую власть против новой бюрократической диктатуры – анархисты, левые эсеры и максималисты, - а вскоре и представители пролетарского крыла большевистской партии – децисты и рабочая оппозиция.

В работе 1931г. “Агония мелкобуржуазной диктатуры” лидер децистов Тимофей Сапронов давал следующую замечательную по своей правильности характеристику господствующего в СССР социального строя:

“С точки зрения исторического развития капитализма наш государственный капитализм не только не является высшей формой развития капитализма, а скорее его первичной формой, формой – в своеобразных условиях – первоначального капиталистического накопления, он является переходным от пролетарской революции к частному капитализму. Как в Англии (в 16-17вв.) мелкий производитель путем огораживания был лишен средств производства (см. “Капитал”, первый том), так и у нас так называемая “коллективизация” отделила мелкого производителя – крестьянина от его средств производства. Хотя если в Англии “овцы поели людей”, у нас бюрократические “колхозы” поели и овец, и крестьян”.

Другой лидер децистов, Владимир Смирнов, подчеркивал, что **“сталинский “социализм в одной стране” строится буквально на костях и крови победившего в Октябре пролетариата”.**

В листовке, распространявшейся на московских заводах в 1928г. и, судя по содержанию, выпущенной децистами либо какой-то иной левокоммунистической группой, говорилось:

“Рабочий класс, низведенный со степени господствующего класса, стал наемным рабочим, продавая свою рабочую силу социал-бюрократам, которые не меньше, а больше эксплуатируют рабочий класс, жирея за счет его пота... Фактически власть перешла в руки мелкобуржуазных социал-бюрократов (чиновников), организовавшись в особый класс, прикрывая свое господство и диктатуру над пролетариатом якобы существующей диктатурой пролетариата...” (цит. по 17, с.144).

В выпущенной в 1929г. листовке “Рогожско-симоновской группы пролетарской оппозиции”, т.е. децистов Рогожско- симоновского района в Москве, говорилось:

“Куда идут накопления, добытые хищнической, варварской эксплуатацией труда? Они пожираются паразитическим аппаратом, чиновничеством. Чиновник – враг рабочего, чиновник – у власти. Каждому рабочему должно быть ясно, что ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА БОЛЬШЕ НЕТ. НЕТ БОЛЬШЕ

ВЛАСТИ РАБОЧЕГО КЛАССА. Ренегаты и предатели задушили революцию, а теперь пытаются задушить рабочий класс, превратить его в слепое и послушное орудие своих предательских целей. НО ЭТОМУ НЕ БЫВАТЬ. Что должны делать рабочие? СТРОИТЬ СВОЮ РЕВОЛЮЦИОННУЮ ПАРТИЮ. ВКП(б) умерла, ВКП(б) труп”

Из опыта победы и поражения Октябрьской революции эти передовые борцы революционного пролетариата извлекали соответствующие уроки. Особенно далеко продвинулся по этому пути Сапронов. Он писал:

«Если рабочий класс не хочет, чтобы его в тысячу первый раз предали вожди, то он обязан иметь к своим вождям постоянно организованное недоверие.

Поздно сбрасывать вождей, когда они уже предадут пролетариат. Измены нужно предупреждать. Освобождение рабочих – дело рук самих рабочих».

Ту же мысль Сапронов повторял, полемизируя с Троцким, на взгляд которого, по мнению Сапронова, «получается, что весь вопрос в правильном руководстве и воспитании таких «кадров, которые способны опрокинуть бюрократию». Вместо революционной сознательности класса, его авангарда – партии, их боевой готовности не только опрокинуть буржуазию, но и в любой момент сбрасывать руководство, прежде чем оно успеет изменить своему классу... Я, грешный человек, думаю, что любое архиидеальное руководство, если вывернется из-под контроля и ответственности класса, непременно ему изменит. Поэтому рабочий класс за вождями, за руководством должен смотреть в оба, авторитарность, фетишизм – враги рабочего класса».

Сапронов сказал о Советской республике 1917 – 1918гг., и это было не только воспоминанием о прошлом, но и уроком на будущее, указанием на то, какой должна быть рабочая власть, если не хочет переродиться:

«Государство, рожденное Октябрьской революцией, не было самодовлеющей силой, не было государством в обычном смысле этого слова. Это государство суть пролетарская партия, советы, профсоюзы, фабзавкомы и Красная гвардия. Другими словами, государство рожденное Октябрем, - это сами вооруженные рабочие». (некоторые работы Сапронова и других децистов можно найти на www.left-dis.nl/)

Сапронов и другие децисты, как и вся старая революционно-пролетарская оппозиция, были уничтожены Великим Террором восторжествовавшей госкапиталистической контрреволюции. Однако классовая борьба не прекратилась.

Она продолжалась даже в самые давящие времена сталинского режима. Осенью 1941г. в разгар империалистической войны и патриотической истерии бастовали ткачи Иваново – Вознесенска (Упоминание об этой забастовке есть в книге В.А. Козлова (см.30) со ссылкой на «Исторический архив», 1994г., №2). Тогда же, в разгар империалистической войны, восстали узники сталинских лагерей – социально-экономическое положение которых было аналогично положению рабов в античности. В январе 1942г. заключенные Воркуты, заманив большую часть надсмотрщиков в баню, обезоружили их. В восстании приняло участие 82 человека. К вечеру того же дня повстанцы заняли уездный районный центр Усть – Уса, где к ним присоединилось еще 12 человека. Последние повстанческие группы были уничтожены только в начале марта. В боях погибло 48 повстанцев, 6 покончили с собой и 8 были взяты в плен. Каратели потеряли 33 убитых, 20 раненых и 52 обмороженных. По утверждению следствия, «контрреволюционная повстанческая организация была создана в октябре месяце 1941г. отбывавшими в лагере *троцкистами*». Из 68 осужденных по этому делу (причем в восстании они не участвовали) 49 человек приговорены к расстрелу (45, сс.215 – 216).

И подлинными героями пролетариата были не рабы в солдатских шинелях, в эти же дни января – марта 1942г. смело и самоотверженно отдававшие на

фронтах империалистической войны свои жизни за сохранение власти своих господ, но рабы ГУЛАГа, отважившиеся на отчаянную попытку либо добыть оружием свою волю, либо хоть погибнуть на воле, с оружием в руках.

После империалистической войны классовая борьба, борьба пролетариата и пролетаризированного крестьянства против системы государственного капитализма не прекратилась. По основанному на документах свидетельству историков:

«Людской протест против репрессий и налогового произвола выражался в разнообразной, порой необычной форме.

Доведенные до отчаяния колхозники поджигали дома наиболее рьяных активистов, убивали ненавистных председателей колхозов, секретарей местных партийных организаций, уполномоченных по заготовкам. Такие действия расценивались как антисоветские террористические акты. Расследованием занималась не милиция, а органы госбезопасности... Попутно проводилось изъятие оружия у населения. Многие сельские фронтовики были осуждены и получили срок за хранение именного оружия» (45, с.157).

Однако пролетарский протест в сталинскую эпоху все-таки далеко уступал по масштабам, сознательности и организованности пролетарской классовой борьбе дореволюционных времен. И причины этого не ограничивались жестокостью сталинского террора.

Старый революционно-социалистический пролетариат, совершивший Октябрьскую революцию, исчез в результате этой революции (процесс этот многократно описывался различными марксистскими авторами, начиная с Троцкого). Новый пролетариат формировался почти на пустом месте. Практически исчезло обладавшее твердым классовым сознанием ядро, вокруг которого мог бы кристаллизироваться обладающий подобным сознанием новый пролетариат. Чтобы вырванный из деревни в процессе «коллективизации» и брошенный в фабричный котел вчерашний крестьянин смог опомниться, осознать свое новое положение и начать борьбу против него, требовалось время.

* * *

Это время наступило к 1950-м годам. Методы чересчур грубого подавления и принуждения к труду рабов строящего капитализм общества все более оказывались неэффективны. *Убытки, а не прибыль*, стал приносить знаменитый ГУЛАГ – это при крайней дешевизне рабского труда! (в 1952г. дотации из госбюджета – 16,4% расходов на содержание ГУЛАГа См. 45, сс. 246-247). Современная техника требовала наличия более сытой, здоровой и образованной рабочей силы, чем та, которая воспроизводилась при сталинском режиме. Необходимы были реформы.

Эти реформы, осуществленные в хрущевский период, ослабили полицейский гнет и тем самым открыли шлюзы для пролетарской борьбы, которая, в свою очередь, толкала эксплуататорские верхи к новым реформам, пока в итоге установилось новое равновесие, которое можно назвать *брежневским «государством социального обеспечения» (Welfare state)*.

Но даже к осуществлению этих реформ сталинские преемники приступили, лишь боясь революции снизу. Бюрократия долго раздумывала бы, что ей делать с убыточным ГУЛАГом, если бы не восстания лагерных рабов в 1953г. Эти восстания заставили ликвидировать гулаговскую систему, они же вместе со всеобщей стачкой рабочих ГДР в июне 1953г. вынудили государственную буржуазию начать идти на уступки низам, а революция 1956г. в Венгрии и городские восстания 1959-1962гг. в СССР толкнули к дальнейшим уступкам.

Масштаб подобных уступок был далеко не малый. **В апреле 1956г. был отменен закон 1940г. о прикреплении рабочих к предприятиям и о суровых наказаниях за прогулы и опоздания.** Трудящиеся получили право самостоятельно (при определенных формальностях) менять место работы. **В сентябре 1956г.**

законодательно установлен минимум заработной платы (до этого в «стране победившего социализма» не существовало такого «пустыка», как минимум, ниже которого не может опускаться зарплата!). Сокращалась на 2 часа рабочая неделя, а оплачиваемый отпуск по родам и беременности увеличивался с 70 до 112 дней. (40, сс. 126 – 127).

Была введена новая пенсионная система, размер пенсий существенно вырос (**до этого в «стране победившего социализма» пенсии составляли меньше 10% прожиточного минимума!** См.16, т.1, с.134). Горожане стали теперь получать пенсии с 60 лет – мужчины и с 55 лет – женщины. *Впервые стали получать пенсию колхозники – с 65 лет мужчины и с 60 лет женщины – но лишь в том случае, если продолжали работать в колхозах – при этом пенсию им обязан был выплачивать сам колхоз, а не государство!*

В 1961г. заработная плата сравнительно с 1950г. выросла в 1,3 раза, а с учетом выплат и льгот из общественных фондов – в 1,35 раз. Развернулось жилищное строительство. С 1950 по 1964гг. городской жилищный фонд вырос с 513 до 1182 млн кв.м, т.е. в 2,3 раза. Если в 1951-1956гг. жилищные условия улучшили 38,4 млн человек, то в 1957 – 1961гг. – уже 57,5 млн. В 1956-1960гг. было введено в строй жилья почти в 2 раза больше, чем в предыдущей пятилетке.

Была отменена плата за обучение в старших классах средней школы и в вузах, введенная в 1940г. Выросли пособия многодетным семьям. **Государственные расходы на бесплатное медицинское обслуживание и бесплатное образование, на различные виды пенсий и пособий составили в 1960г. 27,3 млрд руб. – почти в 6 раз больше, чем в 1940г. !** (сс. 40, 126-127, 269).

Одновременно происходил рост рабочего класса. В 1950-1961гг. численность рабочих и служащих увеличилась с 40 до 62 млн человек. **Эти рабочие рекрутировались в большинстве своем из крестьян, из деревни и принадлежали к пролетариату первого поколения, к тому раннему пролетариату, который, как было показано выше, и составляет социальную основу революционно-социалистических движений:**

«... в конце 50-х – начале 60-х годов абсолютное большинство «фактических» горожан родилось в деревне, и весьма немногие были горожанами во втором поколении, которое тоже несло на себе отпечатки «сельской ментальности», хотя было более адаптировано к городским условиям» (40, с.266).

Городские восстания 1959-1962гг. были последним аккордом борьбы раннего пролетариата, рабочих из вчерашних крестьян, мечтавших о мире, переделанном по справедливости.

Подробная история этих восстаний содержится в превосходной по собранному фактическому материалу работе В.А. Козлова (см. 30). Мы ограничимся здесь кратким перечислением.

1-Завгуста 1959г. – бунт рабочих – целинников в Темир-Тау, при его подавлении 11 рабочих убито, 32 ранено (5 из них умерли). 31 июля 1960г. – погром ингушских богачей Сагадаевых в Джетыгаре (Казахстан). 15 –16 января 1961г. – бунт в Краснодаре. Июнь 1961г. – погром милиции в Муроме (после того как в отделении милиции умер от полученного в дорожном происшествии сотрясения мозга рабочий Костиков, которого милиция задержала, приняв за пьяного, и оставила без медицинской помощи). 25 июня 1961г. – погром милиции в Бийске, а 23-24 июля – в Александрове (он, как и Муром, во Владимирской области). Наконец, 1-3 июня 1962г. – самое известное событие из пролетарских протестов этого времени, забастовка в Новочеркасске против повышения цен, расстрелянная властями. В эти же дни листовки против повышения цен и с призывами *«поднимать рабочих на протест»* появлялись во многих других городах (30, с.311), а рабочие волнения произошли в Омске, Кемерово, Донецке, Артемьевске и Краматорске (40, с.129).

Эти восстания происходили без какого-либо партийного руководства. Все революционно-социалистическое движение прежних времен, все большевистские оппозиции и все прочие социалистические партии были физически уничтожены сталинским террором. Возникавшие снова и снова подпольные марксистские группы очень быстро обнаруживались и громились, в их работе отсутствовала идейная и организационная преемственность, в условиях жесткого полицейского террора не было и быть не могло организованной работы, исходящей из длительной перспективы. Некоторое пересечение их со стихийными бунтами все же имело место, но до какого-то идейного и организационного руководства было невероятно далеко.

После расстрела рабочих в Темир-Тау в городе Киселевске Кемеровской области 36-летний Иван Трофимович Жуков, **заместитель начальника Киселевского городского отдела МВД по политической части (!!!)**, награжденный боевыми орденами участник войны *написал, расклеил и отправил в ЦК КПСС 2 листовки против «советской буржуазии» за подписью «Союз справедливых»* (30, сс. 97-98). В Краснодаре во время бунта 15-16 января 1961г. действовала подпольная группа во главе с уволенным из армии бывшим офицером Виктором Горлопановым. 16 января член группы Лунев без ведома Горлопанова раскидал на ремонтно-механическом заводе горлопановскую листовку:

«Ко всем рабочим, крестьянам, солдатам, офицерам и трудовой интеллигенции! Дорогие товарищи!

Помните, что положение нашей родины критическое. И спасти это положение можете только вы, больше спасать некому. Вы должны суметь объединиться вокруг честных, твердых, избранных вами товарищей, которые сумеют объединить вас в твердую ударную силу для борьбы с **советским капитализмом**.

После свершения Октябрьской революции был допущен ряд ошибок, особенно после смерти Сталина (! ! !). Сынки и дочери старой русской буржуазии, пролезшие нелегальным путем в ряды партии и на руководящие посты, почувствовали полную свободу действий» (30,с.251).

Практическим выводом из этой листовки был абстрактный призыв к объединению и организации, т.к. к краснодарскому бунту «Горлопанов отнесся с *настороженностью и некоторой брезгливой отстраненностью»* (30, с.253), поскольку признавал оружием пролетарской борьбы только забастовку, сильно смахивая на некоторых современных «левокоммунистических» доктринеров, которые с такой же «настороженностью и брезгливой отстраненностью» отнеслись к пролетарским бунтам в Албании и Аргентине...

На суде Горлопанов (а приговорят его к 7 годам) скажет: **«Я боролся за ту правду, за которую боролся Ленин»** (30, с.253).

Но неверно было бы считать, что социалистическое и эгалитаристское сознание рабочих, восстававших в 1959-1962гг., формировалось капиталистическим предприятием и было порождено исключительно местом рабочего в системе капиталистических отношений. Опыт прошлой классовой борьбы и существенные элементы социалистической теории они могли усвоить даже из ... официальной пропаганды. **Вопиющее лицемерие лежало в самой основе Советского Союза – капиталистического общества, именующего себя социализмом**

Противоположность официальной идеологии, сохранявшей, хотя и в мумифицированном виде, многие ключевые моменты коммунистической теории, и реальных капиталистических социальных отношений не могла не бросаться в глаза каждому из тех трудящихся, кто начинал задумываться над окружающей жизнью. Использование официальной коммунистической идеологии против реальной официальной практики была для марксистских подпольных групп СССР столь же

естественным явлением, как и использование средневековыми еретиками бунтовских идей Евангелия против феодальной иерархии и католической церкви. Но корни стихийно – социалистической идеологии городских восстаний хрущевского периода неверно было бы сводить к переворачиванию официальной пропаганды. Фильмы про революцию и гражданскую войну показывались не только в конце 1950-х, но и в конце 1980-х годов, однако в последнем случае они влияли разве только на единичных идеалистических подростков.

В конце 1950-х годов события революции и гражданской войны находились намного ближе, чем в конце 1980-х годов. У рабочих средних лет 1917-1921 годы прекрасно помнили их родители (они же более – менее помнили, как на самом деле жилось рабочим и крестьянам в царской России), у молодых рабочих – их деды. Живая изустная память прошлой классовой борьбы была намного сильнее, чем к исходу 20 века, когда она почти исчезла (напомним, что народные низы догородского, дописьменного и дотелевизионного общества характеризуются куда большей культурной самостоятельностью, чем разобщенные, раздавленные и изолированные наемные рабы развитого капиталистического общества. Советское общество хрущевских времен только недавно стало городским и письменным и не стало еще телевизионным). Из семей с революционными традициями происходили активисты новочеркасской забастовки Петр Сиуда (отец которого, старый бакинский большевик, друг бакинских комиссаров Джапаридзе и Фиолетова, умер в сталинской тюрьме в 1937г.) и Владимир Бахолдин.

Что всего важнее, пролетариат хрущевских времен оставался ранним пролетариатом и сохранял убежденность в возможности и необходимости иного мира, мира, где все будут вместе работать и помогать друг другу, убежденность, испокон веков поднимавшую угнетенных на восстание, ту убежденность, без существования которой у угнетенных классов революция немыслима. **Эта убежденность в возможности и необходимости иного, справедливого мира исчезнет только в процессе разложения раннего пролетариата в годы брежневского «классового мира», и именно благодаря исчезновению такой убежденности, исчезновению старого коллективизма, готовности и способности к совместной борьбе пролетариат России и прочих стран СНГ окажется в 1990- 2000-е годы полностью неспособен противостоять обрушившимся на него ужасам.**

Подобная коллективистская настроенность могла долго сосуществовать с иллюзиями в отношении хороших намерений советских властей, точно так же, как крестьяне – общинники, бунтуя против господ, склонны были верить в добрые намерения царя. Вот как описывает современный историк А.В. Пыжиков предложения трудящихся СССР в отношении принятой при Хрущеве новой Программе КПСС, и подготовленной, но так и не принятой новой Конституции:

«Некоторые предлагали немедленно передать в собственность всего общества принадлежащие отдельным гражданам дома, дачи, сады, автомашины. Как отмечалось, надо полностью отдавать себе отчет в том, что будущее принадлежит коллективным формам использования предметов потребления и скоро все потребности населения в организации отдыха, досуга будут удовлетворены, а необходимость в индивидуальном строении дач полностью отпадет. Рассказывалось о времени, когда сам термин «собственная дача» или «собственная машина» будет звучать столь же нелепо, как «собственный поезд» или «собственный театр». Вместо владения автомашинами и бытовыми приборами признавалось целесообразным распространять и внедрять систему их проката. Не были забыты и вклады граждан в сберегательных кассах. Выражалась обеспокоенность по поводу хранения там значительных сумм денег нетрудового происхождения. Поэтому

вклады свыше определенного минимума в 180-200 рублей автоматически должны были быть переданы государству на строительство коммунизма. Весь этот поток мыслей логически венчало предложение вообще ликвидировать деньги, а все снабжение населения передать производственным предприятиям. Некоторые развитие коллективистских форм трактовали еще шире, распространяя их на область семейных отношений. Как, например, П. Гребнюк, который считал необходимым устранить разделение людей на семьи, поскольку семья, по его мнению, является источником частнособственнического воспитания. [*До каких замечательных прозрений могли подниматься рядовые советские пролетарии первого поколения! Многие предложенные ими идеи, от упразднения индивидуальной семьи до упразднения частных автомобилей, без всякого сомнения, будут реализованы после победы пролетарской революции!*] Для этого необходимо ликвидировать «способ жительство» отдельными квартирами, предоставив каждому взрослому человеку одну комнату, что избавит от вредных привычек «захламливания квартир» излишними предметами домашнего обихода, мебелью и т.д....

...пенсионерка Израилова (г.Ташкент) писала: «...частное домовладение разрослось с небывалой быстротой. Дачи, коттеджи, холлы – чего только не понастроили, к стыду нашему, советские люди... Независимо от того, на трудовые или нетрудовые доходы выстроены дома, они должны быть отобраны в доход государства, как это было при Ленине (! ! !)». Гражданин Шевченко (г. Ленинград) предлагал изменить порядок наследования имущества физическими лицами с целью запрещения перехода по наследству предметов, представляющих историческую ценность, произведений искусства, некоторых предметов роскоши, авторских прав и т.д. Все это, по мнению автора письма, должно безвозмездно переходить в собственность государства. Очевидно, что предлагаемые действия, направленные на стирание имущественной разницы между отдельными слоями населения, покоились на прочном фундаменте уравнилельной психологии. Не случайно, что подобные предложения (ограничить, отобрать), как правило, сопровождалось требованиями обеспечить право на жилье, недорогую одежду, продукты питания.

Уравнилельный принцип доведен до абсурда (!!!) в предложении гражданина Петроченко (Могилевская обл.). Он выдвинул предложение о получении гражданами СССР независимо от возраста и профессии одинаковой доли государственного дохода. «Все будут иметь единый интерес, - рассуждал автор письма, - направленный к одной цели – получить в следующем месяце больше или меньше (сколько заработает народ за месяц). Все будут работать – и старики, и дети, потому что частной собственности не будет, ее нужно ликвидировать. Дачи, участки, скот, квартиры будут государственными... Если кому мало часов работать и захочет он больше поработать, то пусть больше других и работает, а плата ему больше других не должна быть – это общественная работа будет, а на общественной работе, кто больше будет работать, тому и почет будет больший. Таких в Советы будем выбирать и на руководящие работы. Будут и такие, которые вовсе работать не станут, а для таких государство силу применит и заставит силой оружия работать, как в заключении». Перед нами не просто предложение, а целая модель общественного устройства. Вызывает изумление и недоумение, что подобного рода взгляды разделялись в то время многими» (40, сс. 300, 308-309).

Подобный суровый уравнилельский коллективизм, вызывающий у современного буржуазного сознания только «изумление и недоумение», шел

от традиций древней первобытной и последующей крестьянской общины, в которых он был необходимым условием выживания, и возрождение подобного уравнилельского коллективизма, как и превращение всего человечества в единую общину становятся необходимыми условиями выживания человечества в современных условиях. В документе китайских крестьянских бунтарей 19 века, тайпинов, говорилось:

«Когда есть поле – его совместно обрабатывают, когда есть пища – ее совместно едят, когда есть одежда – ее совместно носят, когда есть деньги – их совместно расходывают. Все должны жить в равенстве, никто не должен быть голоден и раздет, и никто не должен иметь излишков. Все одна большая семья – дети верховного господина, небесного императора. Если все принадлежит небесному императору, он сумеет распределить так, чтобы никто не был лишен пищи и тепла» (19, сс. 274-275).

Следует помнить о ограниченности подобного старого коллективизма. Самоорганизация без современных технических средств (т.е. компьютеров) была возможна только в сравнительно небольших людских коллективах, и **необходимой** вершиной общества, основанием которого являлись крестьянские общины, было организующее их на совместную деятельность (по ирригации, защите от внешних врагов и т.д.) и эксплуатирующее их государство. В добуржуазных обществах коллективные и авторитарные отношения управления доминировали над отношениями индивидуального управления, тогда как в буржуазном обществе резко преобладают отношения авторитарного управления, за ними следуют отношения индивидуального управления, а отношения коллективного управления вытеснены на задворки. Непосредственный производитель добуржуазного и раннекапиталистического общества питал иллюзии об идеализированном и идеальном государстве (это прекрасно можно видеть в тайпинской декларации и в замечательных во многих отношениях приведенных выше предложениях советских трудящихся, предложениях, авторы которых считали, что *государство* должно делать то, что на самом деле после коллективистской революции будет осуществлять *община*), но он не был до такой степени беззащитен перед государством, как атомизированный человек развитого буржуазного общества, а потому был способен восстать против государства, когда чувствовал, что оно попирает правду.

Сергей Сотников и Андрей Коркач, лидеры новочеркасской забастовки, ее герои и мученики, расстрелянные затем по приговору «социалистического правосудия», были поначалу идеальными советскими людьми.

25-летний токарь-карусельщик Сергей Сотников был *членом КПСС, дружинником и нештатным инспектором по магазинам* ! Позднее, на следствии, он, по утверждению следователя, *«вел себя вызывающе, в беседах заявляя о том, что своими действиями он якобы выражал «интересы рабочего класса»»* (30, сс. 326-327).

Еще более недюжинным человеком был 45-летний электрик Андрей Коркач. В 1936 – 1947гг. он служил в армии, сражался на войне, пока не был приговорен к трем годам тюремного заключения за то, что, *будучи командиром эскадрона, избил подчиненного, укравшего у другого солдата полотенце, и водил его перед строем, повесив ему на шею табличку «Я вор и мерзавец, я украл у товарища полотенце»*. Историк В.А. Козлов пишет о нем с понятным восторгом:

«Коркач, бесспорно, был личностью волевой и сильной, его даже следователи КГБ не сумели сломить... Коркач был гораздо опаснее властям, чем хулиганы и истеричные городские пауперы. За ним стояла «советская альтернатива» переродившейся власти, альтернатива, имевшая все шансы быть услышанной

и понятой рабочими. Из него стремительно, буквально на глазах, формировался тип рабочего – организатора» (30, сс. 341-342, 344).

Пока такие люди, как Коркач и Сотников, верили, что существующая власть стоит за справедливость, они защищали эту власть не за страх, а за совесть. Но когда власть подняла цены, а директор завода изрек *«не хватит денег на мясо, ешьте пирожки с ливером»*, они восстали – и погибли за пролетарскую правду.

Таким же человеком был и Петр Сиуда, сын старого большевика, замученного в сталинской тюрьме. За участие в Новочеркасской стачке он был приговорен к 12 годам, а после освобождения делал все для раскрытия правды о Новочеркасске. Он будет убит уже много позже, 5 мая 1990 года (убийц, естественно, никто не найдет), до конца оставаясь убежденным пролетарским революционером. Вот что скажет он уже во время перестройки о глотке свободы, который вдохнули новочеркасские пролетарии во время забастовки, и вот за какую программу предложит бороться пролетариату:

«Рабочие себя уже чувствовали свободными, раскрепощенными и не могли терпеть, чтобы с ними говорили высокомерно, свысока...

Может быть, это кощунственно звучит, но это было счастливое время, время духовного раскрепощения. И настроение было боевое. Была независимость, свобода. Да, она была кратковременная, но все-таки она была. Понимаете, все время было рабское ощущение: что начальник скажет, подумает. Здесь этого уже не было. Поэтому, если бы вы у кого-нибудь из новочеркасцев попросили построить события хронологически, то вряд ли бы он это смог сделать. Рабочие на часы не смотрели. Это можно сделать только по данным органов насилия, которые вели учет этих событий. Слишком мы чувствовали себя свободными, мы дышали воздухом свободы. Лично я, дыхнув тогда свободы, уже не мог встать на колени, и продолжал так всю жизнь. Но нигде никогда больше я не чувствовал такой полной свободы... У многих произошел тогда душевный переворот. Многие, как говорится, после этого прозрели. В этом как раз и заключается суть событий: «Пусть ничего не будет, пусть город так же снабжается, жилищного строительства не осуществляется, пусть так. Но уже в одном ценность этих событий, что они сорвали маску с действительности. Что власть – народная, предприятия – народные».

События показали, что общество у нас антагонистическое, что государство над народом, а не для народа, что существует класс эксплуататоров – партийно-государственное чиновничество, стоящее на платформе сталинизма – и класс эксплуатируемых, которым оставили в виде соски идеалы революции...

Надо признать, что в начале двадцатых годов, еще при жизни Ленина, начался поворот, революция пошла не тем путем. Мы не должны мечтать о возврате к НЭПу, тем более к дореволюционному периоду, а бороться за полный контроль общества над государством, за демократизацию, ту, которая была в начале революции, когда народные массы взяли судьбу страны в свои коллективные руки, и за постепенное отмирание государственного аппарата. Для этого нужно, чтобы трудящиеся организовывались в самостоятельные организации, независимые от аппарата, противостоящие ему, организации, верные интересам трудящихся и контролируемые ими» (37, сс. 38-39, 49-50).

Классовый пролетарский характер новочеркасского протеста сквозь зубы вынуждены признавать и буржуазные историки, которым в силу их социального положения много говорить о классовой борьбе не положено:

«Через скандальную и малопривлекательную картину разгоравшихся беспорядков (!!!), сквозь грубость и мат все-таки проступал классовый лейтмотив: мобилизация толпы на почве ненависти и вражды к «толстопузым» и «начальникам» (или «толстопузым начальникам?»), психологическое давление на

«лояльных» и «нейтральных» - обвинения их в «измене» и «продажности», наконец, консолидирующая апелляция к «народу», «рабочему классу», которые «нас поймут»» (30, с.341).

И дальше Козлов пишет, что **революционная альтернатива СССР**овсому режиму **«в принципе, могла бы быть создана именно событиями в Новочеркасске»** (с.348).

Почему эта революционная альтернатива все-таки не была создана, почему революционный подъем 1959-1963 годов окончился не «Четвертой Российской Социалистической Революцией» (в такой именно формулировке призывал к ней в своей листовке один марксист этого периода), но брежневским «классовым компромиссом»?

Полицейский террор, громивший подпольные марксистские группы на ранних стадиях их существования, не давал возможности революционно-социалистическим настроениям и активистам выкристаллизироваться в устойчивое и мощное течение, как это произошло некогда в царской России. Отнюдь не содействовал образованию такого течения и фактический отказ подавляющего большинства интеллигенции от социализма, но об интеллигенции мы поговорим несколько позже.

Сам по себе государственно – капиталистический режим в СССР в хрущевские годы был достаточно прочен, чтобы его могли опрокинуть стихийные бунты, рабочие – листовочники и подпольные марксистские группы. Если бы смертельный кризис этого режима, в силу каких-то внешних потрясений, наступил на 30 лет раньше, то реакция пролетарских низов на него была бы совсем иной, и хотя до новой Октябрьской революции дело вряд ли дошло бы, но что-то похожее на Венгерскую революцию 1956г. – этот аналог Парижской Коммуны – было весьма вероятно.

Но внешних потрясений не произошло. Государственно-капиталистический режим сумел устоять, пойдя на существенные уступки пролетариату и тем самым обезопасив себя от революции...

* * *

Размер экономических уступок пролетариату, на который пошли **совбуры («советские буржуи»** – старое, с нэповских времен, пролетарское название эксплуататорского класса в СССР) после Великого Страх 1959 – 1962гг, был значителен, и улучшение жизни пролетариев вполне реальным.

В начале 1950-х годов средняя заработная плата рабочих и служащих составляла 60-65 рублей при прожиточном минимуме 50 – 60 рублей. Поскольку на зарплату работника обыкновенно жили и его нетрудоспособные дети (в то время 1 – 2 человека на 1 работника), это означает, что **«в стране победившего социализма» подавляющее большинство рабочих жило за чертой бедности.**

На рубеже 1960-70-х годов средняя зарплата возросла до 120-125 рублей, а к середине 1980-х годов – до 190-195 рублей. Хотя прожиточный минимум к 1980-м годам составлял уже 75-90 руб. в месяц, это повышение заработной платы означало, что большинство рабочих вместе со своими детьми и др. иждивенцами (а из-за сокращения рождаемости и введения реального пенсионного обеспечения число таковых стало чуть меньше одного на 1 работника) поднялось уже над уровнем бедности (16, т.1, с. 134).

В значительной части был решен квартирный вопрос – к середине 1980-х годов 83% семей жило в собственных домах или отдельных квартирах (там же, с.135), хотя степень решенности данного вопроса не следует преувеличивать. От 30 до 40% человек должны были часть своей жизни жить в общежитиях, не имея даже отдельной комнаты, а в очереди на получение квартиры нужно было стоять 5 – 10 лет (там же, с.141).

Установились и закрепились 8-часовой рабочий день, 5-дневная рабочая неделя, ежегодный оплачиваемый месячный отпуск. Ушла в прошлое (как увидят пролетарии в 1990-2000-е годы, отнюдь не навсегда) тэйлористски-стахановская система выжимания пота, труд по своей напряженности и интенсивности не превосходил возможности человеческого организма. Для капиталистов, живущих беспощадным выжиманием чужого труда, это сбережение работником своего труда казалось и кажется чудовищным преступлением, и по поводу «лени» русского и «советского» рабочего всевозможные русские и нерусские буржуи и их интеллигентская обслуга произвели много крика. Но для рабочего, труд которого присваивается капиталистом, для рабочего, по своему горькому опыту знающего, что сколько ни работай, все равно не разбогатеешь и наемным рабом быть не перестанешь, подобного ослабление тяжести изматывающего изнурительного труда представляло и представляет несомненное благо. Заметим, что благом является оно и для общественного прогресса: ведь если капиталист может богатеть за счет *интенсивности* труда рабочих, ему ни к чему заботиться об увеличении *производительности* этого труда, проще говоря, если капиталист может заставить пролетариев работать по 12 часов в сутки на устаревших и изношенных станках, ему незачем покупать более производительные и экономичные современные станки.

В эпоху брежневского «классового компромисса» советским пролетариям жилось в материальном смысле много лучше, чем когда ни было во всей истории российского пролетариата (заметим, что **за такую хорошую жизнь они должны быть благодарны не доброте и человеколюбию советской буржуазии, но бунтовщикам Темир-Тау и Новочеркаска, нагнавшим на эту буржуазию спасительный страх!**). Большая часть советских пролетариев (не надо, впрочем, забывать о неоднородности пролетариата и о том, что сравнительное благосостояние брежневских лет охватывало далеко не весь пролетариат. Положение лимитчика сильно отличалось от положения коренного москвича) имела нечрезмерную, но ненищенскую зарплату, гарантированно-принудительный, но неизнурительный труд, гарантированно-принудительное образование, бесплатное здравоохранение, собственную квартиру, разнообразные предметы домашнего обихода, возможность туристических путешествий во время отпуска – и много чего другого в том же роде.

Чего у СССРовских пролетариев не было при брежневском рае – так это **власти**. А без нее, без собственной рабочей власти, все их благополучие оказалось построенным на песке, а их сравнительно обеспеченная и безбедная жизнь оказалась похожа на столь же благополучную жизнь рабочего коня или вола, о котором хороший хозяин печется, пока видит в том свою пользу, и которого тот же хозяин без малейших душевных терзаний зарежет, когда сочтет, что этого потребовали его интересы.

Если проводить менее грубое сравнение, то жизнь пролетариев в брежневские времена была похожа на жизнь крепостных крестьян, которые своими бунтами заставили помещика снизить норму эксплуатации, стать «добрым» и «хорошим». Пока помещик боялся новых бунтов, жизнь таких крестьян могла быть достаточно сносной. Но лишь только по прошествии лет помещика покидал этот поучительный страх, либо когда угроза разорения заставляла его резко повысить норму эксплуатации, либо когда старый добрый барин умирал, и на его место приходил молодой алчный преемник, как крестьяне снова узнавали, почему фунт лиха и где раки зимуют.

Отсюда можно извлечь следующую мораль: **чтобы подобная злополучная история не повторялась никогда больше, пролетарии должны крепко-накрепко усвоить, что единственная гарантия их достойной и счастливой жизни состоит в том, чтобы вырвав у буржуазии путем насильственной революции власть,**

не отдавать ее больше никому вплоть до тех пор, пока полностью исчезнет власть человека над человеком. Взяв власть, пролетарии должны будут не уступать ни малейшей ее доли никогда и никому...

* * *

Как и любой «классовый компромисс», брежневский идиллический период, удовлетворив многие насущные нужды пролетариев в настоящем, имел катастрофические последствия для будущего этих пролетариев. Именно в это двадцатилетие были уничтожены коллективистские традиции общинного крестьянства и раннего пролетариата, была уничтожена способность пролетариев к совместной борьбе, и произошло превращение пролетариев в разобщенную массу одиноких наемных рабов развитого капитализма, рабов, оказавшихся полностью неспособными противостоять всем обрушившимся на них ужасам. Вот как описывают превращение пролетариата в толпу одиночек буржуазные социологи Гордон и Клопов:

“В жизненной обстановке советского человека, советского полунаемного – полузависимого рабочего было очень мало обстоятельств, которые могли бы учить его сознательной и активной солидарности. Расхожие рассуждения о пресловутой “соборности” сознания народного большинства кажутся нам безосновательно иллюзорными применительно к ситуации второй половины XX века, особенно в приложении к трем четвертям населения, сосредоточившемся в это время в городах. Даже если считать, что подобная «соборность» была реальностью в крестьянской общине столетия назад, от нее мало чего осталось в бетонных городских «Черемушках» 60-80-х гг. **Социальный патернализм, преобладавший в индустриальных общинах** [Так Гордон и Клопов называют СССРовские промышленные предприятия с точки зрения их внутренних отношений. Название это неправильно. В старых деревенских общинах отношения коллективного и авторитарного управления в разное время сосуществовали в разных пропорциях, но пока община существовала и не разлагалась, преобладали все же отношения коллективного управления. На СССРовских предприятиях, напротив, резко доминировали отношения авторитарного управления] **наших промышленных центров, также не содержал в себе ничего от подлинного коллективизма и солидарности. Это был скорее специфический “коллективистский индивидуализм”**, естественно выроставший из государственно – патерналистского синдрома, присущего советскому сознанию.

У крестьян, переселившихся в советские города, и тем более у их детей, родившихся в этих городах, выветрились всякие остатки традиционной деревенской солидарности [На самом деле у первого поколения горожан такие *остатки* сохранялись и исчезновение их – не мгновенный акт, но процесс. Всем известно, что жители «хрущевки», пятиэтажек, куда лучше знают друг друга, куда больше способны к минимальной взаимопомощи, а равным образом куда более склонны совать нос в чужие дела, чем жители девятиэтажек, обыкновенно еле-еле знающие соседей по лестничной площадке – и только]. А современная солидарность, вырабатываемая опытом рабочего и профсоюзного движения, у нас не складывалась и не могла складываться, потому что не было ни рабочего, ни профсоюзного движения, вообще никакого мало-мальски доступного пространства свободы и самостоятельности, в котором только и способна вызревать культура трудовой солидарности. В советском обществе, бесспорно, существовала способность к героической и солидарной мобилизации перед лицом реальной военной угрозы или общей физической опасности, природной или производственной. Но почти ничего подобного не было в сфере трудовых отношений. **У нас не сложились нравы, наказывающие штрейкбрехерство.**

Наши дети не росли в атмосфере поговорок, вроде американской рабочей присказки: “что бы там ни было, никогда не иди против забастовщиков, не пересекай линию их пикетов”. У основной массы населения советских городов не было ощущения солидарности как долга, которому нужно следовать, если нарушаются права товарища, коллеги, соседа” (16, т. I, сс. 272-273).

Разобщенный и неспособный к коллективной борьбе рабочий 1965=1985гг. хотел прежде всего достатка и стабильности. Он не понимал, что все еще находится во власти независящих от него и враждебных ему чудовищных общественных сил, а потому, если хочет хотя бы жить и умереть не по-овечьи, а по-человечьи, то должен не цепляться любой ценой за достаток и стабильность, которые у него все равно рано или поздно отнимут, если сохранят свою власть над ним, эти чудовищные общественные силы, но прежде всего *добыть своей силой правду и волю.*

Беда в том, что разобщенный частичный рабочий, в отличие от крестьянина – общинника и раннего пролетария, не имел своей, противостоящей эксплуататорскому миру, правды и не верил в возможность добыть себе волю.

“Первые, ничтожные по мировым масштабам начатки зажиточности, первые элементы приобщения к цивилизационной норме, появляющиеся после нищеты, ощущаются особенно ценными. Поэтому в СССР, где в течение десятилетий (во всяком случае, в 30-50 –е гг.), господствовала почти крайняя бедность, где пауперизм и люмпенизация масс достигли уровня, невиданного в других промышленно развитых странах, приближение даже к минимальному достатку могло рождать в среде, пришедшей к такому достатку, склонность к отторжению всяческих идей и действий, грозящих социальными потрясениями и хаосом... Едва ли не самая распространенная наша поговорка последних десятилетий – “только бы не было войны” – выражает психологическое отношение народного большинства к внутренним распрям ничуть не меньше, чем к возможным международным столкновениям” (16, т.I, с. 144).

Благодаря такому «психологическому отношению народного большинства», оно, страшась «потрясений и хаоса», не сопротивлялось, будучи подвергаемо чудовищному ограблению хозяевами его жизни, ограблению, после которого достигнутый в 1960-1980-е гг. «минимальный достаток» превратился в саднящее воспоминание о утерянном счастье. Подтвердилась старая истина: лишь тот достоин жизни, кто готов к смерти. Лишь тот сохранит достигнутое и получит лучшее, кто способен при надобности и махнуть рукой на достигнутое, стремясь к лучшему, и, наоборот, драться за это достигнутое зубами и когтями, не боясь ни потрясений, ни хаоса, ни того, что ученые слуги буржуазии припишут ему “люмпенскую психологию”.

Идеалом общинного крестьянства и раннего пролетариата, вплоть до бунтарей 1959-1962гг. был справедливый мир, где если есть поле, его совместно обрабатывают, а если есть пища, ее совместно едят, где все дружно работают и помогают друг другу. Этот идеал находился в сердцах угнетенных, а также, в большей или меньшей степени, в их реальной повседневной практике, в их отношениях друг с другом. Веря в этот идеал, они способны были давать отпор зарвавшимся угнетателям и насильникам, а затем бестрепетно идти на пытки и на плаху, т.е. вести себя как люди, а не как движимые безусловными рефлексамии простейшие животные.

Советский рабочий 1960-1980-х годов не отказался совсем от идеала справедливости. Его огромная ненависть к «толстопузым начальникам» проявлялась при случае и в перестроечные годы. Но делаясь одинок и индивидуалистичен, он не мечтал уже о равной доле всех жителей СССР в национальном доходе, не мечтал о том, чтобы «каждый гражданин имел свою

мастерскую или лавку, и не более, чем одну» (санкюлотская декларация 1793г.), а также и о том, чтобы каждый гражданин имел свою комнату, и не более, чем одну. Более того, он все более чутким ухом прислушивался к раздающимся все громче декларациям СССРовских интеллигентов – диссидентов против **«равенства в нищете»**. В итоге он получит в 1990-2000-е годы **нищету без равенства**.

Идеалом задавленного капитализмом частичного рабочего стал *достаток, общество во главе с «Хозяином» и «хозяевами»*, которые «сами бы жили и нам давали», и за неизнурительный труд платили бы приличную зарплату. Этот идеал размещался не в сердцах угнетенных, а по ту сторону «железного занавеса», на «демократическом» и «благополучном» Западе.

Но если сердца угнетенных были несомненной осязаемой реальностью, то демократический и благополучный Запад оказался самым мифическим из всех мифов и самой утопической из всех утопий. Как оказалось, «хозяева» могут жить сами, лишь не давая жить работникам, и для обеспечения своей собственной благополучной жизни эти хозяева должны отнюдь не платить за неизнурительный труд приличную зарплату, но, напротив, платить за изнурительный и изматывающий труд нищенскую зарплату.

В 1990-2000-е годы СССРовским рабочим, верившим «вот придет Хозяин – Хозяин все наладит», предстояло в этом убедиться...

* * *

Классовая психология перерабатывается в *классовую идеологию*, необходимую каждому классу для успеха в классовой борьбе, только соответствующей интеллигенцией. Революционная и социалистическая интеллигенция России 1855-1917гг. переработала коллективистские устремления общинного крестьянства и раннего пролетариата в понятную и осязаемую теорию и идеологию, без чего не победила бы революция в Октябре 1917г. Поэтому нелишним будет остановиться на вопросе, почему исчезла революционность и социалистичность русской интеллигенции в СССРовские и послеСССРовские времена.

Интеллигент-разночинец 19века был, по существу, пролетаризируемым ремесленником умственного труда, каким был и современный ему крестьянин или кустарь. Поэтому ему были присущи те же социальные и психологические свойства, что и крестьянину или ремесленнику. При этом он, владея теоретическим «книжным» знанием, умел объединить смутные идеи и чаяния трудовых масс в цельную теоретическую систему. Этот интеллигент не был интегрирован до конца в экономическую и политическую систему даже отдельных развитых капиталистических стран (достаточно напомнить огромную роль неимущей низовой интеллигенции во французских восстаниях 19века), и уж тем более в окостеневшую систему царской империи (речь идет, ясное дело, не о всей, но о разночинной интеллигенции, которая, однако, составляла заметное большинство). Реализацию своих социальных интересов, достижение своего освобождения эта разночинная интеллигенция неразрывно связывала с освобождением всех угнетенных масс, освобождением посредством антифеодальной и антибуржуазной революции. Теория народников и эсеров о пролетариате, крестьянстве и трудовой интеллигенции как составных частях единого трудового народа была более или менее адекватным выражением данной ситуации.

При развитом капитализме положение интеллигенции изменилось. Из ремесленника умственного труда интеллигент превратился в фигуру, по определению Мамардашвили, «вполне подобную фигуре *«частичного рабочего»* на производстве» (34, с.285. Заметим, что в данной статье Мамардашвили чрезвычайно хорошо обрисовывает продажность современной интеллигенции, благо сам полностью принадлежал к подобной категории). Как и частичный рабочий,

частичный интеллигент утратил способность видеть иной мир, принял как незыблемую данность существующий хозяйский мир и свою роль *привилегированного слуги капитала*, заинтересованного только в увеличении выдаваемого ему оклада.

Однако в положении частичного рабочего и частичного интеллигента имеется принципиальная разница. Частичный рабочий производит прибавочную стоимость и все богатство капиталистического мира, частичный интеллигент их потребляет, являясь по своей социальной функции *идеологической прислугой буржуазии*. Частичного рабочего подавляют, унижают и эксплуатируют, частичный интеллигент, хотя тоже подавляется и унижается буржуазией, в силу своей социальной роли помогает унижать, подавлять и эксплуатировать пролетариат. Чем больше имеет рабочий иллюзий, заблуждений и реакционных предрассудков, тем хуже для него. Напротив, чем больше интеллигент разделяет иллюзии, заблуждения и предрассудки, которыми он обманывает пролетариат, тем для него лучше, выгоднее и комфортнее. Для частичного рабочего уничтожение революцией его задавленного и рабского положения явится освобождением, вряд ли большая часть интеллигенции сочтет освобождением уничтожение ее привилегированного положения. Строитель или доярка, которые после 4 часов привычного труда, смогут пойти в симфонический оркестр или на курсы рабкоров, отнесутся к революции совсем по-другому, чем бывший буржуазный журналист, который должен будет 4 часа укладывать кирпичи или доить коров.

«Демократическое» диссидентское движение в СССР было выступлением передовых борцов новой, *сознательно буржуазной*, СССРовской интеллигенции. В противоположность старой разночинной интеллигенции эта интеллигенция была не *революционна*, а *оппозиционна*. Она не призывала **народ к революции**, а просила и требовала от **властей реформ**. Она хотела не уничтожения эксплуататорской системы, но закрепления и узаконения своего положения в ней – положения *привилегированных слуг государства и капитала*. Именно этой цели служили требования разного рода формальных демократических свобод, профессионально необходимых интеллигенции по роду ее деятельности. К трудящимся массам эта интеллигенция в подавляющем большинстве своем испытывала мало прикрытое пренебрежение, и в отличие от старой народнической интеллигенции ни малейшего «долга перед народом» не чувствовала, т.к. всегда ощущала себя ближе к нелюбимой ею власти, чем к народу. Социально-экономические идеи диссидентства колебались между реформированием государственного капитализма (к чему на самом деле сводились все замыслы о т.н. «социализме с человеческим лицом») и реставрацией частного капитализма. Существовавшее в диссидентстве левое, демократически-социалистическое течение, представителями которого являлись Абовин-Егидес, Белоцерковский и Раиса Лерт, по своей слабости и маловлиятельности было неспособно конкурировать с либеральным и русско-националистическим течениями...

* * *

«Страна победившего социализма» не существовала в гордом одиночестве, но была составной частью мировой капиталистической системы. Это становилось тем более очевидным, чем больше СССР и другие страны Восточного блока втягивались в 1960-1980-е годы в мировой рынок и международную конкуренцию. А в международной конкуренции, как известно, побеждает, получает большие прибыли и живет пышнее и роскошнее та буржуазия, у эксплуатируемых которой рабочих либо производительность труда выше, либо заработная плата ниже.

Побеждать в международной конкуренции путем увеличения производительности труда, что требовало качественного скачка в производительных силах, советская буржуазия не могла, даже если бы и хотела (поползновением в эту сторону явились

провалившиеся хрущевские планы «догнать и перегнать Америку» и построить «коммунизм» – на самом деле передовой капитализм! – к 1980г.). Оставался путь резкого снижения заработной платы, т.е. путь отказа от брежневской политики «классового компромисса», путь экспроприации рабочего до последней нитки и выжимания его трудового пота до последней капли – благо, что по этому пути уже двинулась при Рейгане и Тэтчер буржуазия империалистических центров Запада.

На этом пути, по которому советская буржуазия пошла с периода перестройки, она не достигла и не могла достичь уровня производительных сил, сравнимого с уровнем таковых в странах Запада (наоборот, уровень производительных сил резко упал). Чего она достигла, так это чудовищного личного преуспевания и обогащения, паталогически-паразитической роскоши, которая показала бы бесовским наваждением суровым фанатикам первоначального накопления – купцам – старообрядцам или сталинским директорам.

В прежнюю эпоху, когда капитализм находился в своей фазе подъема и являлся революционным общественным строем, он был жесток и безжалостен ничуть не меньше, чем современный упадочный капитализм. Страдания крестьян, согнанных при «коллективизации» с земли и загнанных на завод, стоят страданий безработных, выгнанных с этого завода, когда производство на нем в 1990-е годы рухнуло. Но в первом случае мы имеем дело с *оплаченным чудовищной ценой общественным прогрессом*, а во втором – с *оплаченными столь же чудовищной ценой упадком и деградацией*.

Сталинский директор имел право искренне верить, что создает великую страну и даже строит социализм (и он действительно закладывал фундамент социализма в том смысле, что создавал развитые производительные силы), современному нувориши не на что сослаться для своего исторического оправдания, кроме как на жажду барыша и наживы. Перефразируя феодального – а потому резко антибуржуазного – реакционера 19в. Константина Леонтьева, рабочие и крестьяне, недоедая и выбиваясь из сил, работали, ученые изобретали, поэты мечтали, герои шли на плаху, чтобы в конце концов на мерседесе приехал некто в бордовом пиджаке, сгрэб все себе в карман и провозгласил: «Ша! История закончилась!».

«Ладно!»,- ветви сказали,

Но ствол безмолвно ждет.

«Давай!»,- орут гости в зале,

Но хозяин предъявит счет.

И действительно, если хозяин, т.е. трудовая масса, за счет труда и мук которой разыгрывалась и разыгрывается трагедия всемирной истории, в конце концов не предъявит свой счет тем, кто обильно и роскошно пировал в разгар чумы, тогда род людской жизни не заслуживает – и жить не сможет...

* * *

Буржуазия не является единым сознательным субъектом, и переход от государственного к государственно-монополистическому капитализму на территории СССР в 1985-1991 гг. произошел не вследствие заранее разработанного плана, но методом тыка, явился результатом столкновений и борьбы разных групп, течений и настроений советской буржуазии.

Ситуация, когда господа дерутся между собой, выясняя, как лучше драть шкуру со своих рабов и кому должна достаться большая часть этой шкуры, - такая ситуация при прочих равных условиях много благоприятней для борьбы рабов против господ, чем ситуация, когда господа дерут с них шкуру вместе и дружно. Пока господа выясняли, в каких формах и с какой скоростью переходить к «рынку и демократии», они, отвлекаясь на подобный междусобойчик, поневоле утратили контроль над своими рабами. И рабы не замедлили этим воспользоваться.

Первым массовым рабочим выступлением нового периода стала шахтерская забастовка летом 1989г. Во время этой забастовки во многих шахтерских городах создалась ситуация фактического двоевластия, наряду с прежней бюрократической властью возникла *власть стачкомов*. Эти стачкомы осуществляли рабочий контроль над производством и распределением, запретили продажу алкоголя и организовали рабочие дружины для борьбы с преступностью. Этими рабочими дружинами в Донбассе было раскрыто несколько банд, долгое время занимавшихся квартирными кражами (см. 42, сс. 110-111. Подробнее о двоевластии во время шахтерской стачки 1989г. см. 25, сс. 84-85).

В обращении созданного на основе шахтерских стачкомов Союза трудящихся Кузбасса, принятом в ноябре 1989г., говорилось:

«Товарищи!

Несколько месяцев назад шахтеры и металлурги, строители и транспортники, служащие и интеллигенция, пенсионеры и молодежь вышли на улицы, чтобы сказать решительное «нет» прошлому; нет! – административно-командной системе; нет! – пренебрежительному отношению к нуждам народа; **нет! – социальной несправедливости; нет! – отступлению от социализма...**

Союз трудящихся Кузбасса – выражение решимости народа взять дело перестройки в свои руки... [Мы] Хотим доказать, что способны не только трудиться на полях и в забоях, но и, когда это необходимо, **брать на себя всю полноту ответственности**. Ответственности за труд и быт наших жен и матерей, за счастливое детство наших детей, за обеспеченную старость наших родителей, за чистоту воздуха и рек нашей большой и малой родины, **за судьбу социализма в нашей стране**.

...Наши принципы: **фабрики и заводы – рабочим, землю – крестьянам, средства и продукты производства – трудящимся, Советам – истинное народовластие**, с КПСС – сотрудничество в решении хозяйственных и политических задач” (28, сс. 150 – 151).

Не мудрено, что уцелевшие с доперестроечных времен старые марксисты – подпольщики, а равным образом появившиеся в небольшом количестве молодые марксисты могли иметь надежды на грандиозные перспективы нового рабочего движения в России, надежды, о которых говорится в приведенном в начале нашей работы высказывании А. Гусева. Уже известный нам герой новочеркасской забастовки Петр Сиуда говорил в 1988г.:

«Я не думаю, что трудящиеся пойдут за теми, кто хочет реставрации капитализма... Да, трудящиеся разочаровались в коммунистической партии, не верят ей... Но в массе своей они верят делу революции, делу наших отцов...

Понимаете, трудящиеся все-таки верят большевизму... Они интуитивно верят, что здоровое развитие нашей страны должно происходить на социалистической основе. Это их классовый инстинкт». (37, сс. 49-50).

Однако все подобные надежды оказались жестоко обмануты. События в который уж раз показали, что «классовый *инстинкт*» - вещь необходимая, но явно недостаточная, и что для ведения *классовой борьбы* необходимо *классовое сознание*, которое, хотя и невозможно было бы без опоры в соответствующем классовом инстинкте, но все-таки отнюдь не сводится к рефлекторному «вздоху угнетенной твари».

Борющимся в 1989-1991гг. пролетариям было присуще чрезвычайно спутанное и неясное сознание – куда более спутанное и неясное, чем борющимся пролетариям 1959-1962гг. Стремление вновь обрести человеческое достоинство и взять на себя всю полноту ответственности парализовывалось рыночными и демократическими иллюзиями, надеждой, что достичь человеческого достоинства и подлинной свободы можно будет посредством введения «рыночной экономики» и «парламентской

демократии», которые на самом деле согнут трудящихся в еще более крутой бараний рог.

В уставе Союза трудящихся г. Инты, принятом в начале 1990г., среди главных целей этого Союза было названо *«Содействие передовым политическим взглядам, учет многообразия идей и форм экономического развития, основанных на принципе «Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех»»* (43, с.358).

Если для Маркса в свое время необходимым условием общества, в котором «свободное развитие каждого станет условием свободного развития всех», было **уничтожение товарного производства** с присущими ему «многообразием идей и форм экономического развития», то наивные шахтеры искренне верили, будто «свободное развитие каждого» будет обеспечено введением «рыночной экономики» и «свободы частной инициативы». Очень скоро им предстояло чрезвычайно болезненно в этом разочароваться...

Общинно-коллективистские традиции, хотя уже чрезвычайно сильно разложенные в брежневское время, все-таки продолжали еще существовать. Классовая ненависть к эксплуататорам, к богатым и властным, к «толстопузым начальникам», к «номенклатуре», но равным образом к «спекулянтам» и «кооператорам», оставалась отличительной чертой

народного сознания в 1989-1991гг.. Но не было привычки, способности и готовности к совместной борьбе, не было веры в возможность иного мира, той веры, которая была у рабочих в 1917г. и без которой никакая революция немислима, не было, наконец, людей и сколько-нибудь реальных организаций, которые могли бы дать великому гневу и великой ненависти угнетенных масс ясную и определенную программу действий и увлечь широкие массы на борьбу за эту программу. Социалистически настроенных интеллигентов во время перестройки оставалось весьма немного (и какого пошиба «социализм» был у подавляющего большинства из них!), тех из них, кто пытался систематически и регулярно вести пропаганду в пролетариате, насчитывалось еще на два порядка меньше, а таких интеллигентов и передовых рабочих, кто имея революционно-социалистические взгляды, пользовался бы известностью и уважением у сколько-нибудь значительных групп пролетариата (хотя бы в масштабах одного завода), по всем необъятным просторам СССР можно было пересчитать на пальцах одной руки...

При всем при том и государственная, и стремительно складывающаяся частная буржуазия боялась пролетариата. Председатель ЦКК КП РСФСР (замечательная была *«компартия»!*) Н. Столяров писал 6 августа 1991г. в «Комсомольской правде» (замечательная *«Комсомольская правда»!*):

«...Тревогу сегодня вызывает другое.

В [рабочем] движении набирает силу старая инерция, которую можно назвать желанием начать все сначала. **Снова звучат большевистские лозунги (!!!) против власти (тогда царской, теперь президентской), снова следуют разоблачения «агентов империализма», призывы к формированию рабочих комитетов на предприятиях – по существу, параллельных органов власти – для борьбы с законами о разгосударствлении, приватизации и т.п.»** (цит. по 25,с.с. 85-86).

Достаточно лево, для ее социального положения, настроенная преподавательница МГУ им. Ломоносова Н. И. Разуваева констатировала в своем спецкурсе, что к **1991-1992 годам «в массовом сознании рабочих стало более заметно противопоставление собственных интересов интересам государственным. Получило распространение мнение, что старые и новые государственные структуры работают лишь на себя, усилился поиск классовых врагов, классовое противостояние. Это было напрямую связано с социальной неустроенностью рабочего человека.**

Налицо ситуация, когда на повестку дня России острее, чем прежде, встал рабочий вопрос» (42, сс. 122 – 123).

Но страхи врагов пролетариата оказались столь же безосновательны, как и надежды его друзей...

* * *

Великая экономическая катастрофа 1990-х годов нанесла по рабочему движению перестроечных лет смертельный удар.

Требования отставки Горбачева, введения «парламентской демократии» и «свободного рынка» были удовлетворены – но до какой степени реальные «демократия» и «рынок» оказались непохожи на воображаемые! Один современный западный марксист заметил, что разочарование народа в прошлых революциях (Великой Французской, Октябрьской и др.) происходило оттого, что они не реализовали того, чего ждали от них трудящиеся массы – Великая Французская революция не ввела строй свободы, равенства и братства, а Октябрьская революция не установила советскую власть и социализм. Антикоммунистические и бархатные «революции» 1989-1991 годов осуществили то, чего от них хотели – создали «рыночную экономику» и «парламентскую демократию», - и именно поэтому народ в них разочаровался. Реальные «рынок» и «демократия» не имели ничего общего с иллюзорными представлениями о них. Общественные низы, разочаровавшись в «коммунизме», почти сразу вынуждены были разочароваться и в «демократии». Два подобных разочарования подряд не могли не породить апатию и безнадежность, абсолютное неверие в возможность изменить мир.

«Шоковая терапия», т.е. чудовищная инфляция 1992-1993 годов, повлекшая грандиозное падение жизненного уровня, оказала на трудящихся не революционизирующее, а парализующее воздействие. Вот что пишет об этом очень левый социал-демократ Борис Кагарлицкий:

«Освобождение цен в январе 1992г., стремительное падение жизненного уровня и резкое изменение условий жизни привели к совершенно не тем результатам, на какие надеялись лидеры неокommunistов. «Шоковая терапия» парализовала волю и сознание людей. На несколько месяцев нормальному работнику вообще стало не до политики. Всех волновало только одно: как выжить?... Советский человек, совершенно не приученный жить в условиях рынка, оказался брошен в неуправляемую стихию. Не понимая, что творится вокруг, каждый пытался выплыть в одиночку.

Неокommunistические [на самом деле – КПССовские по происхождению и социал-фашистские по политическому характеру] организации не желали с этим считаться. Каждые две или три недели они проводили очередной митинг... На митингах было много людей: по сравнению с «доавгустовским» периодом движение заметно выросло. Но вскоре рост прекратился. Митинги становились как бы ритуальным сбором одних и тех же товарищей.

Не менее характерно, что на улицах сначала почти не было людей средних лет. Власти утверждали, что протестуют только пенсионеры. Это было ложью. На улицы выходило немало молодежи... Но люди среднего возраста, обремененные семьей, необходимостью кормить и одевать детей, пытавшиеся сохранить работу, и хоть как-то поддерживать привычный образ жизни, на митинги не ходили» (27, с. 182).

В условиях экономического краха, неработающих предприятий, неоплачиваемых отпусков и чудовищной инфляции, пролетарии не столько эксплуатировались как *рабочие*, сколько разорялись и страдали как *потребители*. При этом инфляция была не только по пролетариям, но по всем слоям с невысокими, а главное, неменяющимися доходами – по госслужащим, пенсионерам и т.п. Наблюдалось поверхностное сходство с санкюлотским движением 1792-1795гг., которое

объединяло все малоимущие слои, страдавшие от дороговизны – самостоятельных ремесленников, их подмастерьев, рабочих мануфактур, вдов, сирот и инвалидов. Но именно сравнив «Трудовую Россию» 1992-1993гг, т.е. периода, когда она была массовым движением и пыталась бороться за власть, с санкюлотским движением 1792-1795гг., можно убедиться, что самостоятельного производителя добуржуазных и раннебуржуазных времен отделяла от пресловутого «среднего класса» эпохи позднего капитализма огромная пропасть.

Ремесленник или крестьянин, привыкший жить, работать, сражаться и умирать вместе со всем миром, т.е. общиной, цехом или кварталом, умел не только требовать от государства, чтобы оно соблюдало справедливость, но и подкреплять эти требования своей силой. Обычным ответом французских городских низов на дороговизну во время бунтов 17-18вв., вплоть до Великой революции 1789-1794гг, была *«народная таксация»*, когда *торговцев заставляли продавать продовольствие по справедливой цене*. В России 1992-1993 годов ничего подобного не было – и быть не могло.

Одиноким и лишенным опыта активной коллективной борьбы «советский» рабочий или служащий привык считать, что государство ему все *«дает»*, т.е. соблюдает неписанный общественный договор: за то, что работник работает и не бунтует, он получает достаточную для скромной, но не нищей жизни, зарплату, а также ряд прочих благ. Механизм, по которому государство у работника сперва его труд *отнимало*, и лишь затем осуществляло перераспределение продуктов этого труда, перераспределение, в результате которого работник получал часть у него отнятого обратно, этот механизм оставался для работника весьма темным – как темные оставались и причины, почему государство проводит перераспределение именно в таких пропорциях и по каким оно с неизбежностью должно будет перейти к совершенно другому типу перераспределения. Теперь, когда государство этот договор нарушило, и продолжая отнимать у работника его труд, львиную долю этого труда перераспределяло теперь не на производственное накопление, частью чего являлась и ненищенская зарплата, как делало оно в брежневские годы, но на паразитарную роскошь алчной своры чиновников и «новых русских» – словом, когда государство, прежде *«все дававшее»*, теперь это *«все» отняло*, «советский» работник не имел силы и смелости все это у государства *забрать себе*, но умел лишь подняться до печального вопля *«Государство, верни!»* и надеялся, что государство снова станет хорошим и справедливым, лишь только на месте оказавшихся вражьи шпионами Горбачева и Ельцина встанет кто-то другой (те пролетарии, у кого хватало силы и смелости у государства *забрать*, шли в 1992-1993гг. не в революционеры и даже не в анпиловцы, а в *бандиты*, благо возможностей для расхищения всего и вся в это время открылось очень много).

Массовое трудороссовское движение рухнуло в октябре 1993г., когда объединенная «право-левая» и парламентско-внепарламентская оппозиция бестолково и бездарно проиграла бой. После этого стало ясно, что скинуть Ельцина с той же легкостью, с какой он скинул Горбачева, не получится, и новые порядки пришли всерьез и надолго.

Экономический крах продолжался и уничтожил приблизительно половину промышленного потенциала. Этот крах сделал невозможными первичные и наиболее простые формы классово-борьбы. В самом деле, как бастовать, если завод все равно не работает?

Чудовищный экономический кризис еще более разобщил и без того разобщенных и не привыкших к коллективной борьбе пролетариев, вынуждая их в поисках индивидуального выживания либо совсем уходить с заводов, либо – в большинстве случаев – формально оставаясь на них, но не получая месяцами задерживаемую

скудную зарплату, либо получать основные доходы от побочных заработков (что было больше распространено в крупных городах), либо выживать за счет обработки огородов, помощи деревенских родственников и т.п. (преобладало в депрессивных районах).

В этой обстановке рабочее движение 1989 – 1991гг. рассыпалось и исчезло почти бесследно, а большая часть его лидеров оказалась интегрирована в буржуазный мир. Вот как описывают подобное превращение вождей шахтерских стачкомов и независимых профсоюзов Гордон и Клопов:

«В конце 80-х гг. и в первые годы следующего десятилетия в рабочем движении действовало целое созвездие талантливых и сильных личностей. Госсосоциалистическая [на самом деле - госкапиталистическая] система подавляла инициативу и независимую деятельность одаренных людей с “лица необщим выраженьем”, активным характером, не склонных к бездумному подчинению, готовых отстаивать свою точку зрения. Развертывание нового рабочего движения дало многим из этих людей возможность самостоятельных действий, реализации своих способностей и антитоталитарных устремлений. Мало того, на рубеже 80-х-90-х гг. эта возможность оказалась для тех из них, кто принадлежал к рабочей среде, главной, если не единственной. Другие пути широкой активности для большей части сильных личностей из народных низов оставались еще закрытыми. В результате в рабочем движении и в новых профсоюзах сосредоточилась тогда повышенная доля сильных, талантливых, энергичных активистов. Их самоотверженные усилия обеспечивали быстрое первоначальное развитие новых профсоюзных образований. Однако к середине 90-х гг. обстановка изменилась. Новые пространства деятельности открылись и для активных людей из рабочей среды. У них появилась возможность включиться в бизнес (иногда, к несчастью, далекий от законности [! ! !]), в политику, пойти на государственную службу. Новые возможности часто сулили большие материальные, культурные и карьерные блага, нежели продолжение профсоюзной работы. К тому же, у активистов свободных профсоюзов, как и у основной части российских общественных движений антитоталитарной направленности в конце 80-х – начале 90-х гг., не было сколько-нибудь развитого демократического мировоззрения. Рабочим вожакам были присущи ярко выраженные антитоталитарные настроения и эмоции, но у многих из них не было ни социал-демократической, ни социально-либеральной, ни религиозно-демократической, ни любой другой демократической идеологии, пригодной для рабочего движения в современном мире [какая идеология пригодна для рабочего движения в современном мире, господа Гордон и Клопов принялись судить с несколько преувеличенным самомнением]. Соблазны открывшихся перед ними возможностей оказались поэтому особенно притягательными, и ими воспользовались также и те активисты, которые, будь у них более ясные убеждения и большая преданность рабочему делу, могли бы стать самыми выдающимися лидерами новых профсоюзов” (16, т.1, с.211).

Наши “социологи”, ранее верой и правдой служившие госкапитализму, который они именуют “госсосоциализмом”, а теперь пошедшие в услужение российскому государственно-монополистическому капитализму, несколько искажают реальное положение дел. Рабочие активисты и лидеры эпохи перестройки не были алчными карьеристами, жаждущими только любой ценой выбиться наверх. Они имели более – менее сформировавшиеся, более или менее продуманные политические убеждения. Беда заключалась именно в том, что эти убеждения во всех их вариантах – “социал-демократическом”, “социально – либеральном”, “религиозно-демократическом” и т.п. – были “демократическими”, т.е. буржуазными. А с такими буржуазными убеждениями было вполне естественно и нормально либо самому попытаться пролезть в буржуи, занявшись “бизнесом”, обыкновенно

“далеким от законности”, либо пойти в услужение той или иной группе буржуазии на политическом и профсоюзном поприще. Чего катастрофически не хватало у рабочих активистов эпохи перестройки, так это *революционно – социалистических* убеждений (разделяющих их были буквально единицы), а только наличие таких революционно – социалистических убеждений могло предохранить от измены рабочему делу...

О том, что именно тред – юнионизм был господствующей струей в рабочем движении перестроечных лет, а также последующего периода, и что именно доминирование тред-юнионистских идей и настроений вело к интеграции рабочих лидеров в буржуазный мир, пишет один из редких рабочих активистов, имеющий последовательные революционно-социалистические взгляды:

«Все украинское [а российское от него не отличалось]рабочее движение 90-х годов (смерть которого наступила к рубежу столетий) было сугубо тред-юнионистским и в подавляющем большинстве случаев относилось с предупредительной почтительностью к буржуазной законности и правопорядку. Политические требования, которые, казалось бы, могли поставить под вопрос эту законность и порядок, выдвигались крайне редко. Наиболее политизированными были события лета 1993г., когда очередная массовая стачка шахтеров Донбасса и присоединившихся к ним рудокопов Кривбасса, с вроде бы начинавшимся пешим походом из Донецка на Киев, выдвинула (через стачкомы и НПГ) формулу «недоверия президенту и парламенту» буржуазной Украины и требование их досрочного переизбрания. Такая политизация конфликта, хотя и не являлась вызовом власти буржуазии, как таковой, все таки была большим шагом вперед по сравнению с голым «экономизмом» предшествующей, да и последующей стачечной борьбы. Это, пожалуй, было пиком того, чего мог бы добиться пролетариат в русле тред-юнионистской политики. Пик достигнут не был, но тупики тред-юнионизма были продемонстрированы весьма убедительно. Досрочные перевыборы важнейших элементов буржуазной государственной власти были обещаны шахтерам и рудокопам на осень 1993г. и... движение схлынуло. Гос.чиновники, как это нетрудно было предвидеть, вскоре публично отказались от своих обещаний и рабочее движение не смогло уже ничего противопоставить этому вызову. Волна стихийного подъема схлынула, вплоть до нового всплеска стачечной борьбы 1996г. в Донбассе. В Криворожье, после фиаско 1993г., стачечная борьба вообще прекратилась. Наверное, анархо-синдикалисты согласятся с тем, что требования рабочего движения в событиях лета 1993г., не выходили из общего русла буржуазной политики, при всей своей сравнительной радикальности и даже явном пренебрежении к «писанным законам». Подавляющее большинство украинского рабочего актива 90-х годов, начиная от лидеров и до почти всех низовых стачечных борцов, было заурядно тред-юнионистским. Поэтому эти люди не только с большим почтением относились к «рамкам закона», но и были прямо враждебны к любой попытке идейно-социалистической политизации трудовых конфликтов. Такой рабочий актив, во первых, отражал колоссальное давление иждивенческих настроений нашего пролетариата, который не представляет пока себе иных жизненных перспектив, кроме каким-то внешним образом улучшенной (желательно, каким-нибудь «благодетелем»-начальником) доли наемного раба. Во вторых, этот актив, вольно, нет, скорее невольно, но вполне объективно являлся проводником буржуазной = социал-демократической (для большей части XXст.) политики в рабочем классе»...

(21)

Переходя к современному состоянию российского и вообще СНГовского рабочего класса, приведем три характеристики этого состояния. Первая и третья принадлежат имеющим социалистические убеждения рабочим активистам, а вторая – достаточно левому молодому социологу:

«Апатия, абсолютная аполитичность и безидейность, отсутствие тенденций к солидаризации и даже намеков на возможность сопротивления, заикленность на проблемах приусадебного хозяйства, - таковы рабочие ДЗПВ [Днепропетровский завод прокатных валков]. Таков, если брать шире, «пост-советский» пролетариат, не только Днепропетровска и Индустриального Приднепровья, но и всей Украины в целом. Такова украинская реальность на исходе XX ст.. Нет не только рабочего движения, нет даже зародышей, крошечных очагов классового сопротивления господству эксплуататоров» (1).

«В период с августа 1998 г. по март 1999 г. автор, работая на заводе, анонимно проводил структурированное включенное наблюдение за рабочими

(50 человек) азотной станции цеха №20 ОАО "Саратовстекло"¹. В основу программы исследования был положен ряд вопросов (см. Приложение 5). В процессе наблюдения было определено, что **значительную часть рабочих цеха составляли люди предпенсионного возраста, которым невозможно сейчас уже перейти на другую работу. В цехе работало также несколько пенсионеров - по их словам - ради материальной поддержки своих детей и внуков. Наблюдались и молодые рабочие, не нашедшие своего места в жизни и более высокооплачиваемую работу. У кого из молодых есть возможность получить достойное образование, связи или какие-либо другие способы совершить восходящую вертикальную социальную мобильность ("выйти в люди") без особого сожаления покидали производство, чтобы впоследствии устроиться на более престижную работу.** В цехе и в целом на заводе практически ежемесячно происходила текучесть кадров. **Из-за низкой зарплаты и плохих условий труда (ветхое состояние оборудования и цеха в целом, оглушительный шум от работающих компрессоров) молодежь задерживалась в цехе не более чем на 3-6 месяцев. Основной костяк составляли люди старшего возраста, проработавшие на заводе не один десяток лет.**

Удалось выяснить, что ни одного рабочего не устраивала зарплата (например, осенью 1998 г. в среднем по цеху она составляла 500 рублей). В советские времена на свою зарплату рабочие могли себе позволить приобрести товаров и услуг намного больше, чем сейчас. Но, не имея возможности устроиться в другом месте, люди вынуждены были работать за низкую зарплату, которую всегда платили вовремя в отличие, скажем, от соседних промышленных предприятий. Отметим еще и тот факт, что в сравнении с советским периодом, **использование рабочей силы в условиях современного капитализма характеризуется высокими темпами труда рабочих и нервным напряжением.** Еще до того, как приступить к работе, рабочий человек устает от поездок в вечно переполненном транспорте, от плохих жилищных условий и бытовых неурядиц. Вследствие этого, восстановление рабочей силы требует более разнообразного и полноценного питания. На это и на содержание семьи зарплаты рабочего не хватает. Поэтому **многие рабочие имеют**

¹ Об аналогичном применении метода включенного наблюдения для изучения жизни производственного коллектива см.: Ольшанский В. Б. Личность и социальные ценности. - В кн.: Социология в СССР, т. 1. М., "Мысль", 1965. С. 470-530 и Ряжских И. А. Опыт использования включенного наблюдения для изучения жизни производственного коллектива // Социологические исследования. 1975. №3. С. 91-99.

дополнительные источники дохода - пенсия, вторая работа, "калым", продажа продукции с дач и огородов, рыбалка и собирательство, чтобы как-то прокормить свои семьи. В связи с этим, ни о каком восстановлении сил вне рабочего времени и досуге рабочих речь идти не может. Тем более, что все спортивные сооружения ОАО "Саратовстекло" стали коммерческими и тем самым недоступными для рабочих. Таким образом, **тяжелая работа на заводе и вне его отбирают у человека столько сил, что он способен после этого только ко сну или к просмотру телевизора².**

У всех наблюдаемых рабочих было положительное отношение к алкоголю. Автор обращал внимание на то, что два - три человека неоднократно приходили на работу в ночную смену в нетрезвом виде. Несколько раз рабочие отмечали праздники, дни рождения, оставив свои рабочие установки без присмотра, что является грубым нарушением техники безопасности. Все это делалось при активном участии сменного мастера, который всячески прикрывал провинившихся. Но замеченных охраной нетрезвых рабочих администрация завода беспощадно увольняла, предварительно известив об этом всех остальных заводчан, поместив список провинившихся на главной проходной завода. Из наблюдаемых рабочих многие пили продукцию домашнего приготовления. За годы перестройки 1985-1991 гг. трудящиеся, страдая от нехватки спиртного, научились в домашних условиях изготавливать вино и прочую алкогольную продукцию, а также гнать самогон. Сейчас в тяжелое экономическое время эти навыки им очень пригодились, так как на доброкачественные спиртные напитки у рабочих не всегда хватает денег.

В связи с этим, мы можем отметить несколько причин нынешнего алкоголизма рабочих. Это и бытовые неурядицы, и нехватка средств к существованию. Сегодняшняя жизнь людей наполнена различными стрессами. Алкоголь - одно из "лекарств" от этой проблемы, чтобы на какое-то время уйти от реальности. Также следует отметить, что рабочим, впрочем, как и многим другим бедным категориям граждан, отныне практически не доступны санатории, дома отдыха и различные спортивные секции. Все это им заменяет телевизор, по которому часто рекламируется алкогольный образ жизни, что также увеличивает процент пьющих граждан. Так что распространенные представления о рабочих как об алкоголизированной и деклассированной массе все же имеют под собой определенную почву³.

Упомянем еще одно существенное нарушение техники безопасности - это так называемые "ночевки" в ночную смену, которые практикуются на заводе не одно десятилетие. Суть их в следующем: предварительно закрыв на засов входную дверь, чтобы не быть обнаруженными начальством, одна половина персонала уходила спать на досках в раздевалку с 23 часов до 2 часов 30 минут, а другая половина персонала в это время следила и за своими, и за чужими непрерывно работающими установками ("за себя и за того парня"). А с 2 часов 30 минут до 6 часов утра - рабочие менялись местами: те, кто спал - шли работать за себя и за своих товарищей, а те, кто до этого работал - шли спать. Такие "рокировки" до сих пор повторяются в цехе каждую ночь и в каждой смене, чтобы рабочие смогли хотя бы два с половиной часа ночного времени посвятить сну и отвлечься от оглушительного шума работающих компрессоров.

Стоит отметить и распространенные в рабочей среде еще с прежних времен мелкие хищения. Вспомним время так называемых "несунов". Это были миллионы людей,

---

² Подробнее см.: Хвостов А.А. Рабочий человек в процессе модернизации России (этический аспект) // Концептуальные парадигмы разума и человека: Межвузовский научный сборник. - Саратов, СГТУ, 2002. С. 77-80.

³ Подробнее см.: Хвостов А.А. Проблема алкоголизма в современном рабочем движении России // Актуальные проблемы социального менеджмента. Сборник статей. - Саратов, 2002. С. 127-131.

которые несли с фабрик и заводов все, что "плохо лежит". Эта проблема актуальна и в наши дни, так как автору приходилось наблюдать, как некоторые рабочие во время своей смены, когда начальство отсутствовало, изготовляли и выносили с территории завода металлические решетки для своих дач и огородов.

Из общения с рабочими выяснилось, что никого из них не устраивала социально-экономическая ситуация в стране и руководящий состав России, но ни один из них не участвовал в общественно-политической жизни Саратова, в проводимых оппозицией и профсоюзами демонстрациях и митингах протеста (хотя все являлись членами отраслевого профсоюза). Все с ностальгией вспоминали времена СССР. Рабочие хотели, чтобы кто-нибудь (прежде всего коммунисты из КПРФ, которым они сочувствовали и голосовали за них на выборах) вернул им социализм, но сами участвовать в политической борьбе не хотели, хотя некоторые с удовольствием читали оппозиционную прессу, соглашаясь с написанным. Никто из них не состоял ни в одной партии, а среди множества рабочих партий и движений вспоминали только "Трудовую Россию".

К рабочему самоуправлению большинство относилось отрицательно, так как не знало, что с ним делать в условиях капитализма. Все они надеялись на опеку со стороны своего заводского начальства - патернализм. Например, некоторые рабочие говорили о том, что если руководство предприятия создаст им такие же условия работы и отдыха как на преуспевающей Саратовской табачной фабрике английское руководство создало для своих рабочих, то им не пришлось бы задумываться ни о социализме, ни о самоуправлении - их устроил бы такой капитализм с высокими заработками и социальными гарантиями как на табачной фабрике.

На основе наших наблюдений, мы можем констатировать, что рабочий класс находится в состоянии депрессии и подавленности. В поведении рабочих прослеживается апатия, равнодушие к политике, отсутствие инициативы и духовной цели в жизни. Многие из них - это смирившиеся, покорные и усталые люди, от которых кроме скепсиса, недоверия и мрачного пессимизма вряд ли что-то можно услышать. Их среда обитания - это окраины жизни, окраины культуры. Можно сказать, что российский рабочий конца XX - начала XXI вв. не испытывает никакой гордости за свою профессию, так как престиж рабочей профессии серьезно упал, а школы сейчас ориентируют своих выпускников на вузы. На наших заводах и фабриках давно забыты рабочие традиции советских времен. Если раньше рассказы о рабочих династиях не сходили с экранов телевизоров и страниц печати, то сейчас о них не знают вообще. Все это еще раз подтверждает, что рабочая профессия сейчас выглядит непривлекательно. Поэтому не удивительно, что по данным департамента Федеральной государственной службы занятости населения по Саратовской области, промышленным предприятиям и строительным организациям не хватает более 2,4 тысяч рабочих, а **средний возраст рабочих по России сегодня составляет 53 года⁴. [! ! !]**

Психология и мировоззрение нынешних рабочих никак не связаны с их профессией, мало отличаясь от психологии и мировоззрения других беднейших слоев нашего общества. В свободное от работы время они, как и прочие простые граждане, заняты дополнительным заработком, связанным с физическими усилиями. Проживая в городе, современный рабочий содержит в себе много сельских привычек. Например, у него имеется возможность "доить" село, получая помощь родственников, а также работать на огородах и дачах, оставшихся в его собственности с советских времен. **В рабочей среде преобладают иждивенческие настроения и ностальгия по прежней жизни, соседствующая с**

---

⁴ См.: Молодые рабочие - требуются? // Саратов - Столица Поволжья. 2002. 9 июля. №123. С.2.

идеалистическими иллюзиями по поводу некоторых действий нынешней власти. Основным содержанием жизни рабочих стало физическое выживание, а основным состоянием психики стал постоянный страх потерять источники существования. Это обстоятельство никак не может прибавить боевитости той категории граждан, которую называют рабочим классом. Нельзя не упомянуть и еще одно важное явление нашей жизни - это воспроизводство в больших масштабах социального дна. Процесс перестройки социальной структуры связан с увеличением числа деклассированных элементов из рабочего класса. На социальное дно опускаются те, кто не в состоянии оправиться от материальных потерь и морального шока, приспособиться к новым экономическим условиям и образу жизни, кто не сумел найти новую сферу для приложения своего труда. В состав социальной группы, оказавшейся вне производственного процесса обычно входят рабочие, профессия которых в результате изменений в структуре производства уже не находит спроса. Большинство из них по возрасту или по другим причинам не могут приобрести другую специальность, вследствие этого они остаются без постоянной работы. В результате, эти рабочие оказываются в так называемой люмпенской прослойке.

Массовая пассивность - еще одна характерная черта современных рабочих. Как известно, еще в 40-х гг. XIX в., Ф. Энгельс в своем труде "Положение рабочего класса в Англии" выделял два варианта психологических реакций рабочих на условия их жизни в капиталистическом обществе: 1) борьба против хозяев, протест, защита своего человеческого достоинства; 2) покорность судьбе. В России XXI в. преобладает именно второй вариант поведения рабочих. А некоторые из тех, кто изредка протестует, часто не верят в свой успех и "отправляются, подобно немецким теоретикам, мирно почивать, как только их протест занесен в протокол и приложен ad acta, где он будет так же мирно покоиться, как и сами протестующие"⁵. Сейчас, в основном, каждый сам за себя. Если рабочие и объединяются, то только в крайних случаях - когда зарплату не платят по полгода и больше. Но часто происходит так, что стремление удовлетворить в первую очередь экономические требования мешает рабочим обратить внимание на политическую составляющую, даже если это могло быть наиболее быстрым способом разрешения их трудностей. Конечно, длительного опыта отстаивания своих прав у современных российских рабочих нет, так как в советские времена за них бороться просто было невозможно из-за жесткого политического режима, но и в сегодняшней России рабочие ведут себя очень пассивно. Следует отметить позицию экономиста А. Бузгалина: " Мир отчуждения в Российской Империи, затем в СССР и сейчас вновь в России всегда в той или иной форме был построен на тоталитарном подавлении бюрократией не только свободы личности, но и форм самоорганизации трудящихся граждан"⁶. Далее он указывает на то, что в современной России до сих пор еще не сложились настоящие классы капиталистического общества, и классовое самосознание рабочих редко где поднялось даже до уровня организованной защиты своих экономических прав и интересов.⁷ Аргументацию этого положения можно видеть в недостаточной активности рабочих в немногочисленных акциях, в том числе и во время проведения стачек, забастовок и других протестных мероприятий (в основном, связанных с длительной задержкой заработной платы). Радикальных акций протеста российские рабочие практически не проводят (исключением можно считать, например, столкновения рабочих с вооруженными людьми, нанятых администрацией, на Выборгском ЦБК в Ленинградской области в 1999 г.). Хотя известно, что к

---

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.2. С.443.

⁶ Бузгалин А.В. Будущее коммунизма.- М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1996. С.89.

⁷ См.: Там же

протестующим только тогда относятся всерьез, когда ущерб от их протеста составляет большую сумму, чем стоимость их требований»(47).

«Перестройка», при характерном для нее общем всплеске социальной активности, показала, что промышленные рабочие оказались самой пассивной и наиболее консервативной частью населения городов. Перипетии 90-х годов показали практически полную неспособность к простейшей классовой самоорганизации у рабочих огромных предприятий тяжелой индустрии, несмотря на то, что производственный процесс объединял их там в очень большие, многотысячные коллективы [На самом деле именно “практически полная неспособность к простейшей классовой самоорганизации” рабочих этих огромных предприятий показала, что производственный процесс не объединял этих рабочих в коллективы, т.к. на таких огромных предприятиях резко доминировали не коллективные, а авторитарные отношения управления, а рабочие таких предприятий представляли собой не коллективы, а разобщенную массу, управляемую начальством и потому полностью беззащитную перед этим начальством. Доказательство этого непривычно звучащего утверждения см., например, в 7, в частности, определение, что является, а что не является, на наш взгляд, коллективом, на сс. 21-22] Реализация, в это время, ряда тред-юнионистских инициатив (наиболее заметная из которых – НПГ) представляет собой лишь исключение из общего правила доминирующей пассивности. Отсутствие зародышей самоорганизации, поразительная неспособность экс-«советских» промышленных рабочих сообществ защищать свои элементарные классовые интересы, вполне объясняют невосприятие этой косной, пассивно-апатичной, одной ногой в селе стоящей, социальной стратой, социалистических идей и ценностей. Такой рабочий класс, который до сих пор не является, собственно, пролетариатом, остается глухим к социалистической пропаганде по вполне объективным условиям своего существования и поэтому, попытки поставить его социалистическое просвещение, обречены на неудачу. Долгосрочный внутренний макро-фактор изменения такой ситуации, - в процессах пролетаризации, в разорении мелко-буржуазных элементов, в лишении бывших «советских» рабочих всяких других источников существования, кроме продажи своей рабочей силы. [Заметим, что это невозможно уже по той причине, что капиталист всегда заинтересован в том, чтобы рабочий класс воспроизводил как можно большую долю стоимости своей рабочей силы не за счет зарплаты, а за счет “других источников существования”, т.к. в этом случае можно не платить ему часть зарплаты, замещаемую “другими источниками существования.”]

Это не призыв отказаться от просветительских инициатив и от политической работы в классе, вне сознательного действия которого не бывает социалистической революции. Это попытка осознать причины перманентных неудач. После краха всех социально-революционных иллюзий конца 80-х – начала 90-х годов, после краха всех попыток организовать сопротивление рабочего класса наступлению капитала на труд в 90-е годы, в нынешний период безраздельного господства реакции, социалисты должны осознать, что в классе промышленных рабочих у них нет пока иных перспектив, кроме тред-юнионистской. Тред-юнионизм, как организованная классовая солидарность, есть необходимая школа в развитии пролетариата, которую бывшие «строители коммунизма» еще не прошли. Деградация, деморализация и дезориентация рабочего класса (которому еще только предстоит стать полноценным пролетариатом), после развала «антирабочего рабочего государства», оказались таковы, что ни о каком создании структур некоей интернациональной революционной рабочей партии, до сих пор не может быть и речи, если только это не будут опять кучки интеллигентов или рабочие кружки типа

сталинистско-махаевской ПДП, как это не раз имело место в 90-х годах XX ст. Революционные радикал-фантазеры и социалистические деятели, витающие в эмпиреях «геополитики», в своих заявлениях о том, что, мол, экономическая борьба и «экономизм», как её идеологическое отражение в социалистическом движении, остались в прошлом, в 90-х годах XIX ст., забывают, что **нам приходится иметь дело с новым пролетариатом, который еще не закончил процесса своего формирования, который, в осознании себя, не имеет ничего, что бы связывало его с тем классом, который в начале XXст. вынес на своих плечах три революции...** Все надо начинать сначала... **«Субъектом движения к подлинному социализму может быть только класс, преобразующий сам себя в процессе своей повседневной практики, самовоспитывающийся, шаг за шагом накапливающий осознание собственного достоинства и собственной силы».** Это очень правильные слова одного из современных российских социалистов. Только в таком классе социалистическое просвещение будет иметь шансы на успех.

* - первая волна пришла в город во время «реконструктивного периода» 20-х годов; вторая – в период «сталинской индустриализации»; третья - во время масштабной «хрущевской» урбанизации 50-х – 60-х годов XX ст.»» (5)

О перспективах рабочей борьбы вообще и тред-юнионизма в частности, а также о том, насколько способен современный рабочий класс « в процессе своей собственной практики» самовоспитываться, накапливать свои силы и чувство собственного достоинства, мы поговорим в конце нашей работы, а пока что продолжим анализ положения современного пролетариата.

Вот как объясняет причины паралича и распыления пролетариата А.В. Гусев. Он делает выводы по данным Санкт-Петербурга, однако подобные же причины действуют, в большей или меньшей степени, и в остальных городах:

1. Абсолютное и относительное сокращение численности промышленных рабочих. В период с 1985 по 1995гг. их количество в связи с упадком производства сократилось в городе на 49,5%. Одновременно снизился их удельный вес в общей совокупности рабочих, зато выросла доля работников, занятых в торговле и сфере услуг: численность данной категории возросла более чем в два раза и превышает ныне количество транспортных и строительных рабочих вместе взятых.

2. Деконцентрация пролетариата. Количество предприятий с числом занятых более чем 5 тысяч человек сократилось в период 1991-1995гг. в три раза, численность же предприятий, на которых работает 500 человек и меньше, выросла в 1,2 раза. В 1995г. на малых предприятиях (т.е. в условиях полного произвола работодателей и отсутствия контроля над условиями труда) работал 21% занятого населения.

3. Старение рабочего класса. К 1995г. доля лиц в возрасте до 20 лет упала среди рабочих и служащих по сравнению с началом 80-х годов почти в 2 раза, численность рабочих в возрасте 20-29 лет сократилась за тот же период на 40%. Повсюду на промышленных предприятиях отмечается явное преобладание работников старших возрастов»(18).

Сокращение численности квалифицированных рабочих и их старение можно видеть и на примере Тульской области, где «рабочих высокой квалификации насчитывается не больше 4% от всего работающего населения... Причем их средний возраст максимально приближается к пенсионному: токарь – 53, шлифовальщик – 58, слесарь – инструментальщик – 55, механизатор широкого профиля – 62года» (13).

100 лет назад на заработки в город, на заводы, уходили лучшие, самые энергичные и активные представители крестьянской молодежи. Сейчас все сколько-нибудь энергичные и активные бежали с заводов. В конце 19 – начале

20 века российские рабочие ощущали, что находятся в авангарде общественного прогресса – и сами являлись общественным авангардом. В конце 20 – начале 21 века они были разгромлены общественным упадком и деградацией. 100 лет назад в молодом гиганте – еще немногочисленном, но растущем пролетариате представители разночинной интеллигенции увидели новую надежду, увидели силу, которая сможет разрубить все гордые узлы на путях, обездвиживших Россию. По словам публициста начала 20 века, *«идея пролетариата оказалась единственным исходом и опорой для растерявшейся русской мысли. После годов тоски, скуки, цинизма и равнодушия где-то вдали блеснула надежда на какое-то великое решение (а мы всегда искали великих решений), явилась мысль, могучая по своей организующей силе»* (цит. по 15, с.6). «Растерявшаяся русская мысль» конца 20 века уже не искала великих решений, и чувствовала себя посреди скуки, тоски, цинизма и равнодушия столь же уютно, как жаба в болоте.

Но беда заключалась в том, что рабочие устаревших, разоряющихся и деградирующих предприятий и сами не чувствовали и не думали, что именно они, рабочие, могут дать великое решение.

Чудовищный экономический крах 1990-х годов на территории бывшего Восточного блока на самом деле представлял собой лишь предельную форму обыкновенного экономического кризиса при капитализме. Как и любой экономический кризис, в конечном счете он был вызван несоответствием между производительными силами и актуальными потребностями капиталистической экономики. При прежних экономических кризисах это противоречие разрешалось тем, что уничтоженные в ходе кризиса устаревшие производительные силы сменялись новыми, более прогрессивными, и капитализм вступал в фазу подъема. На сей раз уничтожение устаревших и отсталых производительных сил не сопровождалось появлением вместо них новых и прогрессивных, капиталистическая экономика в Восточной Европе и экс-СССР не поднялась на более высокую ступень, но слетела на куда более низкий уровень, где и закрепились. **Устаревшие и отсталые производительные силы СССР оказались слишком развитыми по отношению к потребностям мирового капиталистического рынка – а потому были уничтожены. Капиталистический прогресс всегда оплачивался чудовищной ценой – на сей раз чудовищная цена была заплачена за регресс и деградацию.** Следствием экономической катастрофы было перераспределение рабочей силы из сферы производства в сферу услуг и потребления, что означало превращение производящих прибавочную стоимость наемных рабов капитала в потребляющую эту прибавочную стоимость личную прислугу буржуазии. Мы уже приводили цифры, согласно которым работники сферы обращения составляли в СССР в 1988г. 5,5% населения, а сферы производства – 31%, а в 1995г. в РФ соответственно 19 и 15%! (см. 23, с. 27). Доля услуг в ВВП в 1990г. составила 34,9%, а в 1997г. – уже 49,4% (9, с. 56), в промышленности в 1990г. работало 30,3% всех занятых, в 1998г. – только 22,2% , зато в «органах управления», т.е. в паразитическом государственном аппарате – соответственно 2,3 и 4,4% - относительный рост почти в два раза! (9, с. 149).

Доля фонда оплаты труда в ВВП составляла в конце 80 –х годов приблизительно 40%, а в конце 90-х годов – всего лишь 15%! (9, с.156). Зато «доходы от собственности и предпринимательства» составляли в 1990г. – 8,7% общего объема всех доходов, а в 1998г. – уже 41,3% (9, с.213). Доходы самых богатых 10% населения в 1991г. были выше доходов 10% самых бедных в 5 раз, а в 1999г. – уже в 14,5 раз (9, с.218). Доля доходов 60% населения (кроме 20% самых богатых и 10% самых бедных, иначе говоря, доля доходов пресловутого «среднего класса») в 1988г. составляла 56% всех доходов, в 1998г. – 46,4%, зато доля доходов 20%

самых богатых выросла с 34 до 47,4% (9, с.226), при этом, как пишет автор допущенного Министерством образования учебного пособия «Экономика России» В.В. Виноградов, **«20% наиболее богатых россиян получают 47% доходов, и эта часть населения не платит налогов с трех четвертей своих доходов, чего как раз и не хватает для исполнения государством социальных обязательств»** (9, с.289), - а еще утверждают, что государству неоткуда взять деньги на пособия детишкам и на пенсию старикам!

Еще социалисты старых времен заметили, что при капитализме, чем более тяжелой и чем более общественно необходимой является работа, тем хуже живется делающему ее работнику. И напротив, чем данная «работа» легче и общественно бесполезнее (а то и прямо вреднее), тем доходы выполняющих ее больше. За прошедшие века ничего в этом смысле не изменилось, в чем можно убедиться, сравнив жизнь пролетариев города (а того больше – деревни) с жизнью не только членов эксплуататорского класса, но даже и обслуги этого эксплуататорского класса – всех этих секретарш, охранников и т.п.

Говоря об условиях жизни современного пролетариата, нельзя обойти молчанием *резко ухудшившиеся условия труда*. Производственный травматизм уменьшился в период 1990-х годов, когда почти замерло производство, но с возобновлением последнего (что было окрещено «экономическим подъемом» - подъемом, которому невероятно долго подниматься даже до не столь уж высокого по мировым меркам уровня 1989г!), в условиях чрезвычайно изношенного оборудования и полного безразличия капиталистов к охране труда (на нее в 1997г. тратилось в 5-6 раз меньше средств, чем в 1989-1990г.(28, с.31)), этот производственный травматизм снова пошел вверх. В итоге **если в доперестроечные годы каждая тонна добытого подземным способом угля стоила жизни одного шахтера, то теперь – уже двоих (28, с.28). На обеих чеченских войнах в 1994-1996гг. и в 1999-2000гг. погибло 10 тысяч российских военных и милиционеров, а от несчастных случаев на производстве в эти же годы погибли 55-60 тысяч работников!** (16, т. II, с.165), - еще одно доказательство истины, что при капитализме **работа смертельней, чем война.**

Хуже всего обстоит дело с охраной труда в столь любимом всеми подголосками буржуазии **«малом предпринимательстве»**. Здесь производственный травматизм превосходит средний уровень в два – три раза, а иногда и намного больше (28, с.29)...

* * *

В годы великого краха 1990-х годов все, кто мог, бежали с заводов. Многие молодые парни из рабочих семей ушли в бандиты, большая их часть сложила головы в бандитских разборках, некоторые сумели все же выбиться в буржуи. Многие рабочие и ИТРы ушли в мелочную торговлю, кое-кто тоже смог выбиться в буржуи не очень высокого ранга, остальные либо превратились в торговых наемных работников, либо до сих пор мыкаются в рядах *люмпен – буржуазии*. О них, несчастных представителях прославленного «среднего класса», со знанием дела пишет Кагарлицкий:

«Такие «предприниматели» являются не столько мелкой буржуазией, сколько маргиналами, не имеющими ни собственности, ни надежных средств к существованию, с трудом зарабатывающими себе на пропитание. Их жизнь нестабильна и полна опасных неожиданностей» (27, с.33).

Разобщал экономический кризис и тех, кто все-таки оставался в рядах промышленного пролетариата. Как уже говорилось, основным источником доходов для работников стала не регулярно задерживаемая нищенская зарплата, но всевозможные побочные заработки и доходы с огородов. Многие, причем наиболее квалифицированные и инициативные рабочие, ушли с ни живых, ни мертвых

крупных предприятий на недавно основанные небольшие частные предприятия, где зарплата была в 1,5 – 2 раза выше и выплачивалась регулярно, но условия труда были намного хуже и система выжимания рабочего пота намного беспощаднее. Наконец, в целях уклонения от налогов капиталисты предпочитали выплачивать чуть ли не большую часть заработка в форме «черной», незадокументированной зарплаты, выдача которой всецело зависела от хозяйского произвола. Это еще больше разобщило и унижало рабочих.

Современный российский пролетариат – это чрезвычайно разделенный класс.

В катастрофе 1990-х годов на плаву удержалась добывающая промышленность, топливно-энергетический комплекс. В топливной промышленности, цветной и черной металлургии, электроэнергетике работают 15% всех занятых в промышленности, но здесь производится больше 40% всей промышленной продукции и почти 75% российского экспорта (9, с.59). Зато рухнули машиностроение (в 1991-1996гг. производство здесь упало на 64%) и – еще страшнее – легкая промышленность (за тот же период падение производства на 86%) (9, с.57)).

Естественно, что в прибыльных отраслях заработка рабочих значительно выше, чем в депрессивных. В 1997г. зарплата работников в газовой промышленности в 4 раза выше средней, в нефтедобыче – в 3 раза выше, в электроэнергетике, угольной промышленности и цветной металлургии – в 2 раза выше (9, с.19).

В легкой промышленности рабочие в 1990г. получали зарплату, равную 80% от средней зарплаты в промышленности, в 2000г. – всего лишь 40%, тогда как в топливной промышленности соответственно 140 и 240% от средней зарплаты по промышленности. В топливной промышленности средняя зарплата в 2001г. составила 6624,8 руб., а в легкой промышленности – всего-навсего 1209,1 руб. – в 5,5 раз меньше! (см. 47).

Отраслевая дифференциация влечет за собой региональную. Очень по-разному живут рабочие в крупных городах (прежде всего – в столицах) и в богом забытых селах, в регионах нефтедобычи и в регионах рухнувших машиностроения и ткачества.

Но резкая грань между рабочими разных категорий существует и в крупных городах. Коренные москвичи редко становятся рабочими физического труда на промышленных предприятиях, эта работа достается в основном жителям Подмосковья, условия жизни которых хуже уже из-за необходимости тратить 4 часа в сутки и больше на дорогу на работу и с работы. Самую тяжелую и черную работу, прежде всего на стройках, делают рабочие – мигранты – полурабы, беззащитные перед хозяйским и ментовским произволом. Однако и такую полурабскую жизнь они считают для себя предпочтительнее, чем жизнь без работы и без средств в своих депрессивных регионах или в странах «ближнего зарубежья» – трудовые мигранты из которых куда более бесправны, чем иногородние – граждане РФ.

О масштабах, каких достигает трудовая миграция из отдельных стран СНГ, можно судить на примере Украины, откуда при населении 49 млн человек на заработки в другие страны уехало от 5 до 7 млн – самые активные и энергичные работники. О них, о «заробитчанах», говорится в современной пролетарской украинской песне:

*«Наші фабрики й заводи
Майже не працюють,
А славні українці
По світу мандрюють.
Іде Фима аж до Рима
Панам ноги мити,
Бо на рідній Україні
Не мож заробити...
Роз'їхалися селяне*

*Бакси заробляти,
Поля неньки –України
Нікому орати.
**Пролетарії, повстаньте!
Беріть владу в руки!
Не майте віру в президента,
Матимите муки!”.**
(Наши фабрики и заводы
Почти не работают,
А славные украинцы
Странствуют по всему миру.
Едет Фима аж до Рима
Мыть господам ноги,
Потому что на родной Украине
Не может заработать...
Разъехались крестьяне
Зарабатывать доллары,
Поля матери – Украины
Некому пахать.
**Пролетарии, восстаньте!
Берите власть в свои руки!
Не верьте президенту,
Не то получите муки!”)***

Рабочие – мигранты являются сегодня самой эксплуатируемой, угнетенной, бесправной и задавленной частью пролетариата. Подниматься на протест и борьбу им, в силу их бесправности и подавленности, куда труднее, чем более благополучным местным рабочим. В то же время рабочие-мигранты не склонны к бунту не только из страха перед ментовской дубинкой, но и из-за надежды свои каторжным трудом заработать деньги, и вернувшись с этими деньгами на родину, подняться с помощью этих денег наверх, стать мелкими буржуями. В результате они пока что потеряны для классовой борьбы у себя на родине, и не приобретены для нее в стране, где подвергаются эксплуатации. Без их активного участия, без их великой ненависти и гнева, пролетарская революция невозможна, но недооценивать трудности, с которыми связано их вовлечение в революционную борьбу, было бы легкомыслием...

* * *

К такому вот разделенному, разобщенному, атомизированному, не умеющему бороться за свои классовые интересы пролетариату и должны были обращаться мелкие революционные группы СНГовии.

Хороший фактический итог таких попыток пропаганды в пролетариате был подведен еще 10 лет назад, весной 1993г., существовавшей в Ленинграде в первой половине 1990-х годов троцкистски-госкаповской группой «Рабочая борьба»:

“Осенью 1990г. в результате сближения активистского ядра Анархо – Коммунистического Революционного Союза с троцкистскими позициями была образована новая левацкая организация – Революционные Пролетарские Ячейки (с начала 1992г. – группа “Рабочая борьба”)... Еще в АКРС мы заработали неплохой практический опыт распространения газет и листовок у проходных заводов и в университетах...

...Распространять газеты у заводских проходных мы начали с весны 1990г. В то время в обществе еще не успел пропасть интерес к политике, и рабочие охотно покупали нашу газету с экзотическим названием “Черное знамя” (с сентября 1989г.

по июнь 1990г. вышло 12 номеров газеты). Утром – во время прохода рабочей смены – мы продавали по 100 – 150 экземпляров газеты. В мае 1990г. АКРС выпустил первую листовку, обращенную к рабочим. Мы распространили ее на Кировском заводе. В этой листовке содержался призыв взять прибыль предприятия под рабочий контроль. Судя по данным, которые нам удалось тогда получить, листовка имела успех: рабочие читали ее, передавали друг другу, вывешивали в цехах на стендах информации. Первые успехи все более и более укрепляли нас во мнении: ядро организации нужно создать из рабочих.

Переход на около – троцкистские позиции ничего не изменил в нашей тактике. Наш прежний романтический увриеризм ничуть не ослаб. По утрам мы продолжали продавать газеты рабочим (в то время уже вышел первый номер газеты “Рабочая борьба”). **Но покупателей с каждым разом становилось все меньше. Мы пытались как-то поправить положение, распространяли заводские листовки – но безрезультатно. Общество вступало в затяжной период политической апатии. С большим трудом нам все – таки удалось познакомиться с некоторыми рабочими, сочувствующими нашей деятельности. Для них мы были хорошими парнями – но не более того. Вступать в группу, состоящую из нескольких студентов – гуманитариев, рабочие не спешили...** Наш опыт доказал: в условиях крайней политической дезориентации “низов” создать ядро будущей революционной организации из промышленных рабочих невозможно” (46).

Из всего этого «Рабочая борьба» сделала вывод, что революционную пропаганду необходимо вести пока что в первую очередь среди студенчества, готовя из студентов будущих агитаторов в пролетариате. Но студенты в первой половине 1990-х годов были столь же неревOLUTIONНЫ, как и промышленные рабочие. В итоге, равняясь по господствующим общественным настроениям, которые все больше кренились вправо, «Рабочая борьба» сама все больше сдвигалась вправо, пока не отмерла где-то в середине 1990-х годов бесславно и бесследно, успев перед смертью посотрудничать с НБП и поддержать русский империализм в первой чеченской войне.

Однако столь жалкий конец не отменяет верности обрисованной «Рабочей борьбой» в 1993г. картины отношения рядовых рабочих к марксистским агитаторам. Возникает вопрос: почему даже те, весьма немногие рабочие, которые видели в марксистских активистах «хороших парней» и относились к их пропаганде с определенной симпатией, тем не менее не вступали в марксистские группы и даже не спешили оказывать им практическую помощь? (В начале 20 века ленинская «Правда» выходила на собранные среди рабочих деньги, в конце 20 века даже сочувствующие на словесном уровне рабочие предпочитали не покупать газеты левых групп – а продавались эти газеты по символическим ценам – но брать их на прочтение бесплатно. В итоге этих газеты выходили исключительно на личные деньги марксистских активистов – а потому выходили мизерными тиражами, редко и нерегулярно).

Прежде всего, рабочие не верили, что деятельность этих групп может что-либо изменить в реальном мире – и, к сожалению, были правы, ибо эта деятельность на 95% сводилась к написанию и распространению статей на теоретические темы, не в последнюю очередь статей, посвященных пресловутому вопросу о «классовой природе СССР». Однако получался заколдованный круг, т.к. для того, чтобы марксистские группы могли делать что-то большее и лучшее (например, организовывать забастовки), требовалось, чтобы в них пошли смелые и пользующиеся уважением товарищей по работе передовые рабочие – те самые рабочие, которые идти в марксистские группы не собирались.

В итоге преобладающими занятиями марксистских групп оставались схоластические дискуссии и организационные склоки, а преобладающим человеческим типом в их

составе являлись всевозможные чудачки – оригиналы (и это был еще не худший тип по сравнению с также встречавшейся категорией «вождиков», мелких интриганов и мелких карьеристов!), а от подобных чудачков – оригиналов буржуазному строю не было ни малейшей угрозы. Люди, не в пример более крупные и твердые, люди, из которых в другой обстановке могли выработаться замечательные революционеры, не уступавшие даже Халтурину или Варынскому, повозившись в такой затхлой атмосфере и, устав от схоластического бумагокорпения и мышины возни, нередко махали на все рукой и с горечью уходили в частную жизнь, а если все же и не делали этого, все равно не могли ничего изменить и походили на могучего кита, выброшенного на липкое болото...

В одном неопубликованном лирико-сатирическом романе о нравах московских левых группок есть эпизод, когда в Москву к отцу главного героя – лидера троцкистской группы - приехал друг молодости этого отца, настоящий кузбасский шахтер. Этот шахтер с достаточной симпатией относится к болеющей за рабочее дело троцкистской молодежи, однако, несмотря на все уговоры, присоединиться к ней отказывается: у вас, мол, по молодости, времени свободного много, а мне семью кормить надо, две дочери на выросте, незамужние, одна даже еще не встречается ни с кем (и слышит примечательный ответ: «А пусть тоже к нам вступают, тогда с *этим* у них проблем точно не будет!»). Сделав свои дела в Москве, он возвращается к себе домой, а спустя некоторое время троцкистские лоботрясы видят его по телевизору как лидера шахтерской голодовки в забое.

За единичными исключениями, так оно и было. Марксистские группки и реальная рабочая борьба существовали в различных, хотя порою и пересекающихся мирах. Когда становилось совсем невтерпеж, рабочие бастовали, голодали в забоях, перекрывали дороги, объявляли заложником директора. Марксисты описывали эти их подвиги в своих газетах, и, самое большее, приходили с этими газетами к тем же самым или к другим рабочим. Рабочие достаточно вежливо разговаривали (т.е. жаловались на свою невыносимую жизнь), столь же вежливо брали вручаемые им бесплатно газеты, пуская их затем после беглого просмотра на хозяйственные надобности, а в глубине души недоумевали: *кто эти странные люди, с чего они взялись уверять, что борются за наши интересы и чего им на самом деле надо?*

Рабочие просто-напросто не знали, кто такие революционеры. Данный социальный тип был прочно и основательно забыт за СССРовскую эпоху вообще и за годы брежневского классового мира в особенности. Кое о чем догадывались пожилые рабочие, смотревшие в молодости «Юность Максима» и даже читавшие когда-то книжки о большевиках, но такие рабочие составляли малое меньшинство.

По правде сказать, в эпоху «хождения в народ» крестьяне также не знали социальный тип революционера, и поэтому порой тащили своих заступников к начальству (следует, впрочем, подчеркнуть, что подобные случаи не были столь часты, как рисует их охранительская и марксистская историография, и представляли собой скорее не правило, а исключение. Все зависело от того, насколько умен или глуп был данный пропагандист, какие именно ему попались крестьяне и от других конкретных обстоятельств). Однако за видимым сходством 1870-х и 1990-х годов скрывалась огромная разница.

Крестьяне-общинники первоначально не знали городского революционера, но сам тип человека, искренне и бескорыстно отстаивающего общее благо, был им весьма известен и очень понятен. Это был тип *мирского заступника* и *страдальца за правду*, чрезвычайно уважаемый крестьянами, горнозаводскими рабочими Урала и т.п. народными группами. Недоумение вызывал лишь факт, что в роли *мирского заступника* оказался на сей раз не *свой брат, мужик, а барин* (баринном крестьянин считал любого интеллигента).

Подобный барин, однако, принадлежал к тоже весьма известному и понятному типу *кающегося грешника*. Лишь только до крестьянина или мастерового доходило, что *кающиеся грешники* из дворян, желая спасти свою душу, становятся *мирскими заступниками* (как сделал это в поэме Некрасова разбойник и душегуб Кудеяр, которому за убийство злого помещика господь отпустил все грехи), так все недоразумения исчезали, и революционный интеллигент становился понятен и – более того – уважаем – ничуть не меньше, чем тот же разбойник Кудеяр или лидер восстания бездненских крестьян в 1861г., народный интеллигент, т.е. старообрядец – начетчик, Антон Петров.

В эпоху упадочного капитализма всеобщая ненормальность достигла таких размеров, что ненормальными стали выглядеть именно самые нормальные, т.е. разумные люди и понятия.

Человек, понимающий, что его частный интерес неотделимо связан с общим интересом, и потому отстаивающий этот общий интерес, не преследуя никакой особой мелкой выгоды, - такой человек стал выглядеть абсолютно непонятной, а потому подозрительной белой вороной. Для крестьянина 1870-х годов революционер был просто неизвестен, для рабочего 1990-х годов – прежде всего непонятен. Все, кто смог, «делали деньги», кто не смог, со слюнками мечтали об этом, но прежде всего пытались свести концы с концами, а тут какие-то ненормальные заявляли, что если пароход идет ко дну в открытом океане в тысяче километров от берегов, то единственное средство спастись состояло не в том, чтобы бросаться вплавь по-одиночке, а в том, чтобы путем коллективного действия заткнуть пробойну. Ясное дело, что так рассуждать могли только подозрительные люди. О том, кто они такие, высказывались разные мнения.

Когда несколько московских троцкистов пришли в общежитие иногородних рабочих, где в это время назревал конфликт с администрацией, они услышали от этих иногородних рабочих вопрос: «*А кто ваша крыша?*». Поскольку русский человек задним умом крепок, одному из этих троцкистов уже после разговора пришлось в голову, что правильным ответом было бы: «*Наша крыша – мировой пролетариат!*». Однако, т.к. современные российские пролетарии абсолютно не знают из своего собственного опыта о международной рабочей солидарности, зато хоть краем уха, да слышали о иностранных шпионах, а кое-кто – даже о масонах и сионистах, крепость задним умом оказалась в данном случае к лучшему.

Когда один чрезвычайно хороший активист, органически орабочившийся интеллигент, поступил работать на новый завод, то рабочие поначалу сочли его, за его необычность, твердость и надежность *бывшим эком*. В романе Степана Злобина «По обрывистому пути», повествующем о рабочем и революционном движении в России в 1901-1904гг., чернорабочие на строительстве железной дороги – в основном крестьяне – отходники или босяки - приняли за такую же необычность и твердость поступившего с ними работать большевика из заводских рабочих за *сектанта*. Времена меняются, а народные представления – вместе с ними.

Засоренность рабочего класса блатными нравами и понятиями тоже чрезвычайно препятствовала кристаллизации пролетарского классового движения – уже хотя бы потому, что самые боевые и инициативные молодые пролетарии, из которых при другом раскладе получились бы прекрасные революционеры, вместо этого уходили в бандиты (замечательные рассуждения на этот счет буржуазных авторов мы приведем в другом месте). При этом следует указать на пропасть, отделяющую современного уголовника, от величественной фигуры *крестьянского разбойника*, какими были Робин Гуд, Олекса Довбуш и Устим Кармалюк.

Крестьянский разбойник старых времен, *нарушая законы, восстанавливал справедливость* для самого себя и для всех крестьянской общины. *Современный преступный мир, нарушая законы, «делает деньги» и представляет собой всего лишь специфическую отрасль делового мира, бизнеса и предпринимательства.*

Робин Гуд и подобные ему принадлежали к *прямому* миру *честных* крестьян и ремесленников, *весь современный капиталистический мир стал кривым, преступным и стяжательским.*

Легендарный карпатский *опришок* 18 века Олекса Довбуш, по жалобе крестьян на исключительно жестокого помещика, наведаясь к последнему в гости. Убив его жену и детей, он стал убивать медленной смертью самого помещика. На мольбы помещика пощадить его в обмен на огромную сумму Довбуш ответил с суровой лаконичностью *«Я пришел к тебе не за деньгами, а по твою душу – чтобы ты, гад, больше людей не мучил».* Представить подобный ответ из уст современного «братка» трудно даже при самом богатом воображении.

Другой великий украинский разбойник, Устим Кармалюк, все награбленное тратил на нужды своего отряда и на помощь окрестным крестьянам, сам же жил и кормил семью, *поставляя на продажу собственноручно сделанные сапоги,* т.к. кроме прочих достоинств, был еще прекрасным сапожником. В отличие от Довбуша, Кармалюк был склонен к сентиментальности и гуманизму, потому не убивал жестоких помещиков, *а порол их в присутствии их крестьян,* обещая в случае возобновления издевательств над крестьянами повторить подобную процедуру. Как ни удивительно, такое воспитательное средство всегда оказывалось очень эффективным.

О Кармалюке сохранилась народная песня, в которой он и хлопцы из его отряда сидят у дороги и ждут прохожего: остановим – спросим: сколько денег? *Много – отнимем, мало или совсем нет – дадим:*

«У богатого хоч візьму,

А бідному даю.

Отак, гроши [деньги] поділивши,

Я гріхів не маю”.

На преступный мир эпохи упадочного капитализма все это абсолютно не похоже...

Следует указать еще несколько причин, парализующих развитие классовой пролетарской борьбы. Сюда относятся, в частности, *алкоголизация, утрата классовой памяти и потеря интереса к чтению и навыков чтения.*

С алкоголизацией все очень понятно, и много говорить о ней мы не будем. Еще Август Бебель произнес замечательные слова: **“Мыслящий рабочий не пьет, а пьющий – не мыслит”.** Непригодность для любого серьезного дела (а пролетарская революция – самое серьезное дело в мировой истории) человека с наркотической зависимостью, разновидностью которой является зависимость от алкоголя, - факт очевидный (такого алкоголика не следует, однако, смешивать с человеком, который может пить, а может и не пить)...

О потере привычки к серьезному чтению хорошо сказано в одной статье в “Лимонке”: «Читать в массе пока умеют. Но нет привычки к чтению. Трудно доходит смысл прочитанного. Не умеют удерживать в памяти, вычленять главное, следить за мыслью. Вспоминаю выступление на съезде НБП кого-то из региона: «Пытаемся работать и со скинхэдами. Трудно. Хотят газету [«Лимонку»] прочитать, интересно, видят – женщины напечатаны голые. А не могут...» (29).

Не надо строить иллюзий, что подобное неумение читать присуще только соплякам – скинхэдам. То, что рабочие в массе своей читают почти исключительно бульварную прессу, факт известный. В статье А.Белобородова(см. 5) рассказывается о неудачной попытке распространения левой литературы среди своих товарищей по работе, предпринятой уже известным нам днепропетровским рабочим активистом Олегом Дубровским:

«За более чем три месяца распространения объявлений о деятельности абонементной революционно-социалистической библиотеки, интерес к соответствующей литературе проявился только у троих рабочих! Двое заинтересовались каталогом

анархистских изданий и сделали одинаковый выбор в пользу книги Аршинова «История махновского движения» (скорее всего, здесь сказался тот фактор, что Н.Махно был и остается самой легендарно-харизматической личностью Екатеринославщины с времен гражданской войны). Еще одного заинтересовали произведения Троцкого и он взял читать «Преданную Революцию». Но даже с этими товарищами, после того, как они вернули прочитанные книги Троцкого и Аршинова, не возникло никаких обсуждений. У них не было вопросов, как и не было больше интереса к троцкистской или к анархистской литературе. Все это значит, что братья по классу продемонстрировали полное равнодушие к социалистической литературе и прессе! При попытках непосредственного распространения газет (чем Дубровский занялся сразу же, буквально с первого дня своего возвращения на завод), получался тот же отрицательный результат. За последние 8-9 месяцев Дубровский пытался (и только бесплатно!) распространять на Опытном трубном заводе следующие издания: «Пролетарий»; «Позиция революционных пролетарских сил»; «Классовая Борьба»; «Стачка»; «Рабочая Демократия»; «Человечность»... Реакция рабочих на бесплатное распространение этих изданий: «Нет, спасибо, не надо!...»; «Это и так уже известно!»; или, - «Это слишком серьезно! Жизнь и так тяжела, чтобы такой серьезной литературой голову забивать!...». Можно было наткнуться и на реакцию типа: «Это все х...йня!».* Регулярно обновляемая расклейка газет, например, в комнате отдыха прокатчиков на участке сплавов, давала плачевный результат. Никто не интересовался! Не читали даже заголовков! Раскладывание

*- как разительно отличается все это от положения с распространением социалистической прессы во времена «перестройки», когда казалось, что не только многочисленные пробуржуазные элементы общества, но и рабочий класс начинает пробуждаться к социальной активности. Тогда, в 1990-91г.г., при полном параличе идейного противника, - парторганизации КПСС, Дубровский в производственных помещениях устраивал развалы леворадикальной прессы, с указателями цен, с банкой для денег, и рабочие разбирали газеты, оставляя за них свои трудовые копейки! А изрядно растерянные боссы даже не осмеливались мешать таким акциям социалистической пропаганды на предприятиях!...

на рабочих местах? Тогда те, для кого эти газеты были предназначены, использовали их для бытовых, или даже санитарно-гигиенических нужд! В мае-2003, некоторое оживление вызвал №5 газеты МРП «Стачка», и то, только потому, что там, в статье «**Политический сыск на предприятиях...**» содержался материал о ноябрьских событиях на Опытном трубном заводе. Чтобы как-то заинтересовать рабочих этим выпуском «Стачки», Дубровскому приходилось специально анонсировать её, - здесь, говорил он, вы найдете кое-что и о нашем заводе... Таким образом, удалось заинтересовать «Стачкой» термистов, крановщиков, электриков (хотя, ни вопросов, ни развития интереса, Дубровский так и не дождался). Но тот же №5 «Стачки», без соответствующего анонса висящий в комнате отдыха прокатчиков, не привлекает абсолютно никакого внимания. Никто ничего не может сказать о его содержании! В то же время, все это вовсе не значит, что рабочие на работе ничего не читают. По крайней мере, до того, как Дубровскому «влепили» выговор «**за чтение печатных изданий в рабочее время на рабочем месте**», прокатчики читали в любое время, как только производственный процесс позволял делать это. Но что они читали? Какие издания в изрядных количествах валялись на рабочих местах? Исключительно «желтая пресса» на пять «С»: секс; страхи; слухи; скандалы; сплетни!... «Популярная Газета», «Семейная газета «Ника», «События», «Мир увлечений», «Днепр Вечерний»... Это означает, что классовый враг не только преобладающим образом доминирует на информационном пространстве. Он также

плотно контролирует сознание рабочих, полностью доминируя в сфере борьбы идей...» (5).

Эта нелюбовь к чтению способствует в т.ч. *потере классовой памяти*. В доиндустриальных обществах, где народная масса не владела письменностью, подобная классовая память передавалась из уст в уста, в песнях о Степане Разине или Устиме Кармалюке, в рассказах про то, как наши ребята сожгли в 1905г. мельницу у барина и т.п. В современных условиях, из-за исчезновения старой народной и пролетарской культуры, подобный механизм формирования классовой памяти исчез, а без классовой памяти классовое сознание столь же невозможно, как и какое –то либо сознание у человека с напрочь исчезнувшей памятью. Книг же, как сколько-нибудь серьезных буржуазных, так и пролетарских (многочисленных старых и чрезвычайно редких и плохо доступных современных), пролетарии в массе своей не читают. Подобное исчезновение классовой памяти описано в двух статьях, вторая из которых принадлежит Дубровскому, а первая – его товарищу:

«Есть такое понятие, - социальная память: предания, легенды, традиции, приоритеты и авторитеты прошлого, передаваемые из поколения в поколение в том или ином человеческом сообществе. Что же сохранила социальная память рабочих завода прокатных валков? Этот вопрос также интересовал канавщика Д.. В 1904г. директор завода г-н Германн был убит анархистами за издевательства над рабочими. В Екатеринославе этот акт открыл героическую эпопею анархистского революционного террора во время социального шторма 1905-1907гг. Современные рабочие завода ничего об этом не знают. Никаких легенд, воспоминаний, знаний о революционных событиях первой четверти ХХст. в Екатеринославе, об участии в них рабочих завода «Сириус»(так до 1928г. назывался нынешний ДЗПВ), о заводских красногвардейцах и продотрядовцах, не сохранилось... Перманентно закрытый заводской музей никого не интересует, никто не требует, чтобы он был открыт. **Революционные традиции пролетариата, - это миф, «мыльный пузырь», который в свое время надувала и надувала КПССовская пропаганда, с целью обоснования претензий КПСС на революционную преемственность. Однако, социальная память рабочих ДЗПВ сохранила легенды иного сорта – о некоем дореволюционном, строго-справедливом хозяине-капиталисте. Тоска по конкретному «хозяину» звучит в этих преданиях наемных рабов.** «От коли диды робылы», - рассказывают пожилые рабочие, - привез этот хозяин из Америки снимающуюся по секциям крышу для 30-тонных «пламенных» плавильных печей, чем значительно облегчил тяжелый труд плавильщиков. Прошло 90 лет, но эта крыша, эта технология работает до сих пор: после плавки мостовой кран снимает секции крыши и в густом дыму, мульда за мульдой, загружает печь, а затем ставит секции крыши на место. Здесь все зависит от профессиональной подготовки крановщика, который работает в открытой кабине, страдая от дыма, жары и пыли. До этой американской «новинки», рассказывают старики, загрузка печей производилась вручную... «Колы диды робылы пры хозяини» – характерная деталь этих легенд, - на весь литейный цех был один управляющий и один десятник, и всё успевали, а теперь начальства черт знает сколько, а порядка нет...»(1).

«Растревоженная социальная память городских рабочих показывает, что и в начале нового столетия мелко-буржуазное сознание все еще чувствует травму сталинской коллективизации. Ожили и озвучиваются характерные, как сейчас принято говорить, «знаковые» воспоминания. В рабочей среде, весьма редкие социально-исторические разговоры обязательно свернут на тему о том, что у кого-то из рабочих дед «держал» мельницу; у кого-то, - столько-то лошадей, коров и овец; а еще у кого-то, у деда был дом под железной крышей и много-много земли... И все забрали-разорили-испоганили проклятые большевики-коммунисты,

«краснопузые жидо-масоны». А чья-то, до сих пор живая, очень древняя бабушка все еще помнит, как хозяйничали сами и горя не знали, а пришла «коммуна», - работать перестали, церковь разорили, батюшку убили, головой попадьи как мячом играли... И никто из рабочих не скажет, - а мой дед-прадед был членом комбеда, был чоновцем или красноармейцем, гонялся за бандами и рубил на скаку кулацкую сволочь или был сельским активистом во время раскулачивания и коллективизации. Общественный климат теперь не тот, он не располагает к подобным откровениям... Но когда высокооплачиваемый рабочий основной профессии, ездит в отпуск на родину, в Северный Казахстан, «своим ходом», на собственном автомобиле(!), и вернувшись оттуда, говорит, как там, на родине, хорошо, - там на пай дают 10 гектаров, а не 3-4, как здесь, - это тоже «знаковый» признак. Это тоже симптом того, что мелко-буржуазное сознание живо, что оно и в городе хранит легенды о «своем» клочке земли.

Тяга к «своей земле» велика. Даже в глухие 70-е годы, пожилые городские рабочие (бывшие колхозные крестьяне) в очень доверительной обстановке, почти шепотом, высказывали автору сокровенное: «Если бы Гитлер дал (вернул) нам землю, мы бы не имели ничего против него...». (22).

Дубровский, замечательный рабочий – социалист, в качестве марксиста и промышленного пролетария все же не совсем верно понимает дело. В старой культуре общинного крестьянства присутствовали отнюдь не только хуторянская заскорузлость и собственническая жадность (хотя при желании можно найти и их). На той же Днепропетровщине (в ту пору – Катеринославщине) некогда сражалась повстанческая армия Махно – замечательный образец борьбы *пролетаризируемого крестьянства* за свою правду и волю. Махно, как мы видели из свидетельства А. Белобородова, остается «самой легендарно-харизматической личностью Екатеринославщины», но за что сражалась эта «*легендарно-харизматическая личность*» вместе со своими товарищами, сейчас очень мало кого интересует.

Социальная память избирательна. Помнят то, что хотят помнить. На события прошлого всегда смотрят сквозь очки настоящего. Современный атомизированный рабочий только с крайним трудом может понять старого общинного крестьянина. Современное село, обескровленное оттоком всех сколько-нибудь активных элементов в города, происходившим в 1920-1980-е годы, и достаточно разложенное денежными отношениями в 1960-1980-е годы, могло давать в 1990-е годы ушедшим в город непутевым детям и внукам сало и другие «*материальные ценности*», но никак не «*духовные ценности*» солидарности и совместной борьбы...

Результат утраты классовой памяти понятен. Человек, лишившийся памяти, становится несчастным идиотом, беззащитным перед первым встретившимся мерзавцем, то же самое происходит с лишившимся исторической памяти классом...

Следует, наконец, упомянуть еще одну причину пассивности пролетариата.

Люди восстают не просто тогда, когда их жестоко угнетают и эксплуатируют, но лишь тогда, когда они чувствуют и знают, что эти угнетение и эксплуатация *несправедливы*, и что угнетаемые и эксплуатируемые достойны чего-то большего и лучшего. Раб, который видит в себе жалкую тварь, заслуживающую только рабства, а в хозяине – великого полубога, никогда не восстанет, сколь бы безжалостен ни был его хозяин. Для того, чтобы эксплуатируемые чувствовали несправедливость эксплуатации, требуется, чтобы у них была *своя правда*, противостоящая господствующей *лжи эксплуататоров*.

У угнетенных и эксплуатируемых старых времен была в большинстве случаев своя правда, запечатленная в многочисленных народных пословицах вроде «*От трудов праведных не наживешь палат каменных*». Вот что пишет бывший

госкапиталистический, а ныне частнобуржуазный прислужник Г.Г.Дилигенский в своем интересном исследовании по социальной психологии французских рабочих: «Из-за того, что во Франции, в отличие от Англии и США, преобладал финансовый, а не промышленный капитал, для француза 19 века капиталист – это прежде всего **«великий вор», спекулянт и казнокрад**. Он наживается на легких плутнях, займах и выгодных подрядах» (20, с.33).

Парижский рабочий – июньский повстанец или коммунары, испанский рабочий анархист, питерский рабочий 1917г. (и разве только они?) прекрасно знали, что капиталист – это вовсе не «делающий деньги» для себя и обеспечивающий работой ближних «предприниматель» и «деловой человек», а **вор и паразит**, все богатства которого нажиты за счет труда рабочих, а потому, по естественной справедливости, должны быть рабочими возвращены себе.

Подобные опирающиеся на чувство справедливости презрение и ненависть к богатым не имели ничего общего с завистью (то, что их смешивают с завистью интеллигентские прислужники капитала, говорит только о самих этих интеллигентских прислужниках, которые могут завидовать третирующим их своим хозяевам - владельцам капиталов и желать самим занять их место, но не могут понять, как возможен мир без хозяев и рабов).

Завидует тот, кто желает занять место того, кому он завидует. *Ненавидит и презирает* тот, кто хочет уничтожить само это место. Восстававшие крестьяне – общинники и пролетарии первого поколения вовсе не желали сами жить в паразитической роскоши, они хотели уничтожить эту роскошь наряду со своей нищетой.

Рабочий в современной России ничуть не меньше французского рабочего 19 века знает, что им управляет **«великий вор, спекулянт и казнокрад»**- и куда уж до современных русских воров наивным гобсекам и папашам гранде 19 века! Однако к осуждению подобных «великих воров» примешивается сейчас заметная доля восхищения *«Умеют жить люди!»* и раздражения против самих себя, при всем желании *так* жить не умеющих.

Буржуазная пропаганда на протяжении всего своего существования говорила трудящимся, что капиталисты богатеют исключительно благодаря своим уму и таланту, а пролетарии живут в нищете исключительно из-за своих лени и бездарности, а потому и не должны винить в своей ничтожной доле кого-либо, кроме самих себя. Но современный атомизированный и разобщенный рабочий склонен верить во всю эту буржуазную лажу куда больше, чем проникнутый рабочей и профессиональной гордостью, знающий, что «именно мы создали дворцы и города» рабочий старых времен...

* * *

Когда мы говорим о потере рабочим классом способности к самоорганизации и коллективной борьбе, не следует понимать самоорганизацию и коллективную борьбу в демократическом смысле и представлять себе идиллические картинки, как рабочий класс, дружно прочитав «Капитал», сразу станет сознательным и единогласно проголосует за мировую коллективистскую революцию. Классовая война, как и любая другая война, невозможна без существования *инициативного меньшинства* наиболее смелых и готовых на самопожертвование пролетариев, которые могут повести за собой основную пролетарскую массу.

Сказать, что подобные *мирские заступники* совсем уж перевелись даже в современном рабочем классе, было бы неправдой. Точно также было бы неправдой утверждать, что основная часть рабочего класса совсем уж потеряла уважение к таким *людям, которым больше всех надо*. Однако теперь таких людей осталось гораздо меньше, чем их было 100 лет назад, и, что чрезвычайно важно, они не

встречают *активной поддержки* со стороны своих товарищей по работе. Как говорили одному рабочему активисту (а он был даже не революционным социалистом, но бескорыстным и энергичным тред-юнионистом с демократическими и антикоммунистическими взглядами): *«Ты, Петро, за нас борись, а мы тебе спасибо скажем»*. Подобным рабочим активистам, при определенных обстоятельствах, удавалось увлечь на забастовку рабочих своего цеха или небольшого предприятия, но, если забастовка не заканчивалась скорой победой, бастующий коллектив был способен противостоять нажиму администрации лишь короткое время, а затем разваливался и капитулировал.

Готовность к энергичной и беззаветной борьбе за общее дело, за рабочую правду, не проявляли, как общее правило, ни рабочая масса в целом, ни активное меньшинство этой рабочей массы. Подобное активное меньшинство, вследствие господствующей при позднем капитализме индивидуалистической, а не коллективистской психологии, стремилось не к *общему освобождению рабочего класса*, а к *личному освобождению путем ухода из рабочего класса*. Пассионарии бежали с заводов, на которых оставались самые задавленные, пассивные и безынициативные рабочие.

Во время одной из забастовок забастовщики говорили: *«Эх, сволочи наши начальники! Убить бы их всех! Нанять какого-нибудь бомжа – и убить! Сейчас любого бомжа для этого дела за тыщу рублей нанять можно»*. Мысль о том, что если сволочи - начальники достойны смерти, убивать их нужно самим, не приходила в головы ни всего бастовавшего коллектива, ни отдельных рабочих.

Фантазия о нанятом забастовщиками «за тыщу рублей» киллере из бомжей стала возможна только в мире, совершенно отличном от того, где испанские крестьяне из деревни Фуэнте Овехуна всей деревней убили особо вредного чиновника, а на следствии на все вопросы, кто персонально его убивал, дружно отвечали «Мы, Фуэнте Овехуна». Отличен этот мир был и от того мира, в котором самые отважные ремесленники Белостока, по собственной инициативе, не спрашивая одобрения общего рабочего собрания, бросали бомбы в фабрикантов и полицмейстеров...

Классовая борьба не могла не происходить в России 1990-2000-х годов. Не столь уж редким явлением были дикие стачки, охватывающие обыкновенно только рабочих одного цеха, быстро гаснущие после достижения какого-то компромисса и очень часто неизвестные даже рабочим других цехов того же завода. Гораздо реже, но все-таки регулярно случались перекрытия улиц и железных дорог, блокирования зданий администрации, захвата начальников в заложники. Были даже единичные акты стихийного фабричного террора, т.е. убийства рабочими особо алчных до пролетарского пота буржуев.

Однако потрясающим символом состояния рабочего класса в современной России может служить рабочий – испытатель танков на танковом заводе в Нижнем Тагиле. Не получая, как и его товарищи по работе, долгие месяцы зарплату, он, придя однажды на завод, сел в танк и *выехал на нем в город*. «Мощная боевая машина с ревом двигалась по улицам, причем водитель, как говорят очевидцы, *соблюдал все правила уличного движения, останавливался перед светофорами, делал правильные повороты*. Когда испытатель вернулся со своим танком на завод, он не мог толком объяснить, что с ним случилось, и чего он надеялся достичь своим «танковым прорывом». Ничего определенного не сказали журналисту и другие рабочие. *Только поглядывали на 400 готовых танков, заполнивших пространство между цехами...*» (16, т. II, с.319).

Они чувствовали, что жить невыносимо и знали, что ими создана и может быть ими использована огромная сила. Но как пустить ее в дело, и можно ли с ее помощью изменить мир, они не знали...

* * *

По относительному количеству стачек Россия 1991-1999гг. лишь чуть-чуть превосходила Россию 1908-1910 гг. (см. 28, сс.4-5), т.е. периода самой глухой реакции, наступившей после поражения революции 1905г. И это не было случайностью, т.к. все, что происходило в России в 1990-2000-е годы представляло собой *пик реакции*, самую дальнюю точку отката назад, последовавшего после поражения пролетариата в Октябрьской революции, - иначе говоря, означало *реставрацию*, аналогичную реставрации Бурбонов в 1815-1830гг. (об этом пишет, например, Кагарлицкий. См. 27). Разница заключалась лишь в том, что реставрация Бурбонов пришлась на эпоху, когда капитализм в целом имел прогрессивный характер, поэтому политическая реакция во Франции 1815-1830 гг. соединялась с экономическим и даже культурным подъемом. В настоящее же время весь мировой капитализм является реакционным и упадочным общественным строем, поэтому современная Россия демонстрирует единство политической реакции, экономической деградации и духовного маразма...

Забастовочное движение в России, бывшее на подъеме в 1989-1991гг., резко падает в 1993-1994гг., разгромленное экономическим кризисом и «рыночными реформами». Затем оно идет по нарастающей в 1995-1997гг., а с 1998г. количество и масштаб стачек вновь идут вниз. Однако в 1998 и очасти даже еще в 1999гг. ослабление рабочей борьбы по ее количеству сопровождается *радикализацией ее качества*. В 1998г. происходит знаменитая «рельсовая война», в 1998-1999гг. – захваты предприятий в Выборге и Ясногорске, поэтому 1998-1999гг. можно считать вершинным периодом пролетарского сопротивления в России после 1991г. Затем следует глубокий спад, вплоть до того, что в 2001г. численность забастовок в промышленности сокращается до ...4!(см.47. Статистику динамики стачек в России см. 28, с.59).

Однако для понимания того, как на самом деле происходила пролетарская борьба, одной статистики стачек явно недостаточно. Прежде всего следует отметить, что, как пишут Гордон и Клопов, на долю *шахтеров и учителей* «в 90-е годы приходилось 2/3 – 3/4 всех бастующих... Но в остальных категориях подавляющее большинство трудящихся до сих пор ни разу не было вовлечено ни в одну стачку и даже не знает людей, у которых есть личный забастовочный опыт» (16, т.1, с.223).

Что еще важнее, большая часть забастовок принадлежала к числу директорских и профсоюзных «забастовок».

Такой феномен, как «*директорская забастовка*», т.е. забастовка, организованная при содействии или даже при активном участии администрации предприятия, был возможен в переходных условиях первой половины 1990-х годов, когда директора еще не успели стать частными собственниками в полном смысле слова и с помощью забастовок на управляемых ими предприятиях выбивали из властей льготы и кредиты. Как пишет Кагарлицкий, «порой доходило до курьезов. Так, в *Иваново директор АО «Шуйские узоры» В. Тихонов, член КПРФ, самолично возглавил забастовочный комитет, требовавший от дирекции повышения заработной платы*» (27, с.235). По мере того, как превращение государственного капитализма в обыкновенный государственно-монополистический капитализм подходило к концу, «директорская забастовка» постепенно отмирала.

В противоположность ей, «профсоюзная забастовка» еще долго (вплоть до самой революции!) будет выполнять свою функцию в буржуазном обществе – функцию *дырки в котле*, через которую выпускается пар пролетарской ненависти. Это признают порой и буржуазные авторы. По словам Гордона и Клопова, «*наши забастовки в большинстве случаев – не проявление социальной стихии, но гораздо чаще – средство ее организации и цивилизации*» (16, т.1, с.225).

Акции профсоюзного псевдопротеста в большинстве случаев сводятся к символическим одночасовым забастовкам и к проведению митингов и пикетов, где произносятся не подкрепленные делами речи, после чего трудящиеся, *разрядив скопившуюся классовую ненависть на подобном мероприятии*, расходятся по домам и возвращаются к привычному каторжному труду и привычной нищенской жизни. Вот что говорит другой буржуазный «социолог рабочего движения», А.М. Кацва о подобной «акции протеста» осенью 1998г., после рельсовой войны и дефолта, когда в воздухе чуть-чуть, но запахло освежительной грозой:

«В октябре 1998г. число городов и населенных пунктов РФ, где проходили массовые выступления трудящихся, выросло по сравнению с апрелем того же года почти в 1,5 раз, а число участников этих акций увеличилось больше чем в 3 раза.

И только благодаря решительным действиям руководителей исполнительной власти в центре и на местах, представителей ФНПР и правоохранительных органов [это “и”, ставящее в один ряд профбоссов с ментами, бесподобно!], работе антикризисных штабов и соответствующих групп удалось снизить социальную напряженность в регионах, предостеречь массы от разрушительных действий, ввести акции протеста в цивилизованное русло” (28, сс. 86-87).

ФНПРовские боссы, вместе с начальниками и ментами «предостерегающие массы от разрушительных действий» и «вводящие акции протеста в цивилизованное русло» – где может быть лучшее доказательство, что подобные «цивилизованные акции протеста» являются не формой пролетарской борьбы, но, напротив, средством удержания пролетариата от борьбы!

Однако русский буржуй до такой степени жаден и алчен, что обращает на такие «цивилизованные акции» внимания не больше, чем на христианские 10 заповедей. Это с горечью душевной вынуждены признавать порой буржуазные социологи:

«...именно ожесточенные, плохо организованные, почти стихийные, но опасные действия работников оказывают наиболее сильное влияние на власть и директорат. Пока трудящиеся выступают в мирных и организованных формах, на них, в сущности, не обращают внимания. Когда же выступления приобретают опасный, а то и разрушительный характер, возникает, по крайней мере, подобие какого-то ответа; иной раз что-то сдвигается на самом деле» (16, т.1, с.225)

Уже в 1993-1994гг. во время «цивилизованных акций протеста» в Надыме, Анжеро-Судженске, Коврове и некоторых других городах ситуация накалялась и **«доведенные до отчаяния люди перекрывали транспортные магистрали и оказывались на грани массового насилия. Особенно тревожно [!!!], что роль стихийного начала в таких событиях год от года становилась все более значительной”** (16, т.11, с.320). Летом 1996г. в городе Черногорск в Хакасии стоявшие мирным пикетом шахтеры во время беседы с главой местной администрации взбунтовались (как взбунтовались некогда новочеркасские рабочие, услышав от директора завода предложение вместо мяса есть пирожки с ливером) и властям лишь с большим трудом удалось спасти этого главу от *растерзания*, а дома местных богачей – от *погрома* (там же).

Наряду с перекрытием улиц, железных и автомобильных дорог любимым методом бунтующих пролетариев было провозглашение заложником директора или какого-то другого буржуя.

Весной 1996г. шахтеры шахты «Кузнецкая» в Кузбассе, не получавшие зарплату с лета 1996г., объявили голодовку в забое, с помощью представителя администрации президента (на носу были президентские выборы!) получили зарплату, однако вскоре были уволены. Директор отказался разговаривать с ними, заявив **«С ЭТИМ**

быдлом я без карабина разговаривать не буду. После этого шахтеры заперли его в кабинете вместе с 14 другими управленцами (см. 28, с.99).

А работницы и шахтерские жены Новошахтинска, «чьи мужья много месяцев не получали полных зарплат, в исступлении потребовали *«продать в Чечню» (!!!) главу местной администрации*» (16, т. II, с.320)

Как с горечью душевной вынуждены констатировать Гордон и Клопов, «самое печальное, что захват заложников оказался практически очень действенным средством. Зачастую именно в этих случаях власти, до того лениво отговаривавшиеся от протестующих, начинали предпринимать реальные меры по сокращению задолженности по оплате труда» (16, т. II, с.321).

Подобные взрывы классовой ненависти и пролетарского гнева случались не только у промышленных рабочих, но и у других обездоленных слоев. В сибирском городе Юрга зимой 1998-1999гг. не получавшие детских пособий матери стали громить “все, что попадалось под руку”, и как со спартанским лаконизмом повествуют те же неразлучные Гордон с Клоповым, “**лишь вмешательство милиции привело толпу в чувство**” (16, т. II, с.322).

Порой бунтовали пенсионеры:

«...мирные действия пенсионеров то и дело подходят к опасной черте... Тогда пенсионеры в Твери на многие часы перекрывают железную дорогу Москва – Петербург; в Кимрах, вооружившись кольями, арматурой, вилами и, грозя расправиться с чиновниками, занимают мост через Волгу; в Ростове-на-Дону с криками «не защищаете нас – и вам пощады не будет!», блокируют областной департамент социальной защиты; в Йошкар-Оле бросаются на приступ президентского дворца, бьют стекла и останавливаются, не зная, что делать дальше» (16, т. II, с.321).

Вот именно, **«не зная, что делать дальше»**. Захватывать президентский дворец можно было не для того, чтобы получить задержанную пенсию, но для того, чтобы провозгласить *Йошкар-Олинскую Коммуну*, но это означало *революцию*, а ни в необходимости, ни в возможности революции не было убеждено даже большинство тех, кто бил стекла в президентском дворце.

Все подобного рода стихийные взрывы вплотную приближались к черте, по ту сторону которой было уже вооруженное восстание, но ни один из них не пересек эту черту. Кроме неверия масс в возможность иного мира у этого была еще одна причина. Это – *отсутствие лидеров*, не именующих себя таковыми представителей политических партий и группок, но таких, самых смелых, пролетариев, которые способны первыми сказать «нет!» начальнику или первыми встать под огонь, еще не зная, пойдет ли за ними остальная масса.

Восстание на броненосце «Потемкин» не началось бы без готовности матросов к такому восстанию, без мощного чувства, что дальше терпеть невозможно. Но эта готовность и это чувство рассеялись бы бесследно и бесплодно, если бы среди матросов не было Григория Вакуленчука, который воскликнул **«До каких пор мы будем рабами!»** и если бы после того, как Вакуленчук упал, смертельно раненый офицером Гиляровским, не было бы Афанасия Матюшенко, который застрелил Гиляровского и закричал: **«Братцы! Хватай винтовки и патроны! Бей офицеров!»**. Без настроенности на восстание всего матросского коллектива, восстание не смогли бы поднять ни Вакуленчук с Матюшенко, ни самая правильная партия, но матросский коллектив никогда не восстал бы, если бы в нем не было таких, как Вакуленчук и Матюшенко.

В 1990-е годы не существовало ни настроенности на восстание рабочих масс, ни пригодных для инициирования этого восстания рабочих вожаков. Потенциальные пролетарские лидеры либо шли в рэкэтиры, либо, в лучших случаях, перерождались и вырождались в мелких профсоюзниках и марксистских группках...

* * *

Крупнейшей из акций подлинной классовой борьбы в 1990-е годы была “рельсовая война”, о событиях которой Гордон и Клопов с некоторым даже ужасом говорят, что они **“на деле подвели страну к порогу крушения социального порядка”** (16, т. II, с. 324).

Начавшись в первых числах мая 1998г., перекрытие шахтерами железных дорог продолжалось 3 недели – до 26 мая, а 3 июля возобновилось снова, на этот раз сразу с требованием отставки Ельцина, и длилось до 23 июля, хотя последние шахтерские пикеты держались до 3 августа, а шахтерские делегаты стояли в Москве палаточным лагерем у Горбатого моста до осени.

“Рельсовая война”, хотя не могла стать и не стала началом революции, как надеялись некоторые марксисты, принадлежала все же к подлинной классовой борьбе, а не к разряду “цивилизованных акций протеста”. Шахтерские профсоюзы ею не руководили (28, сс. 105-106), и, как с неудовольствием пишут Гордон и Клопов: **“...Знаменательно и то, что в ряде случаев акции “рельсовой войны” осуществлялись вопреки решениям центральных и региональных профсоюзов, вне их координирующих усилий, без учета предварительно обсужденных и принятых региональных и общероссийских планов и требований”** (16, т. II, с. 325).

Действия шахтеров вызвали сочувствие других слоев пролетариата:

«Во всероссийском обследовании, проведенном Фондом «Общественное мнение» в мае 1998г., действия шахтеров одобрили 62% опрошенных, тогда как против них высказался лишь 31%. Проводники поездов, на много дней застрявших в кузбасской сердцеvine сибирской магистрали, рассказывали..., как первоначальное и понятное недовольство пассажиров сменилось энтузиастической поддержкой шахтеров теми из них, кто в качестве делегатов, посланных пассажирами, побывал в местах блокады и оказался в поле эмоционального воздействия протестующей массы» (16, т. II, сс. 327 – 328).

Отличительной чертой «рельсовой войны» был радикализм методов борьбы, методов, переступающих границы буржуазной легальности. В лучшую сторону, сравнительно с первичными акциями рабочего протеста (такими, как дикая стачка в одном цеху, случаи которых редко попадались на глаза буржуазным социологам, но были не столь уж единичны) «рельсовую войну» отличало и присутствие политических требований.

Однако до какой степени ограничены и до какой степени *буржуазны* были эти требования!

Они сводились, *самое большее*, к отставке Ельцина (*«Ельцин! Мы тебя поставили – мы тебя и скинем!!!»*) и национализации угольной промышленности, т.е. являлись зеркальным отражением забастовок 1989-1991гг., когда шахтеры требовали отставки Горбачева и приватизации (последняя первоначально маскировалась различными благозвучными терминами вроде «разгосударствление», «многообразие форм собственности» и т.п.). Иначе говоря, если шахтеры в 1989-1991 годах объективно содействовали переходу от государственного к частному капитализму и субъективно желали этого перехода (другой вопрос, что каким явится на самом деле частный капитализм, им не могло присниться в самом страшном сне), то в 1998г. они хотели, *самое большее*, вернуться назад, к государственному капитализму.

А.М. Кацва пишет, что в 1998г. «в шахтерском движении Воркуты явно наметились *леворадикальные тенденции*. Усилились позиции РКРП и «Трудовой России», а также прокоммунистического профсоюза «Защита». Начали раздаваться *призывы к насильственным действиям*. Впрочем, подобные настроения разделялись далеко не всеми коллективами шахт Печорского угольного бассейна. *Но надежды,*

связанные с введением частной собственности (характерные для начала 1990-х годов), исчезли окончательно, и вновь возобладали настроения, что выжить можно только при помощи государственной поддержки, ренационализации угольной промышленности» (28, с.96).

На самом деле РКРП и «Трудовая Россия» были (и остаются) не леворадикальными, а праворадикальными партиями. Субъективно они стремятся к смене существующего сейчас в России государственно-монополистического капитализма другой разновидностью капитализма – государственным капитализмом, подобным тому, который существовал в СССР. Однако в объективной действительности восстановление СССРовских порядков является невозможной утопией (уже потому, что за это не будет бороться ни буржуазия, которой и сейчас живется вольготно, ни пролетариат, который может с ностальгией вздыхать о временах брежневского «классового компромисса», но не пойдет умирать на баррикадах за возвращение брежневских порядков). Поэтому реально политическая линия РКРП и подобных ей партий на «наведение порядка» и «спасение русской государственности» означала (и означает) укрепление и усиление диктатуры русской государственно – монополистической буржуазии, а самым адекватным определением этой линии будет термин «социал-фашизм» (то, что при всем при том в РКРП могло быть немало людей, искренне верящих, что борются за освобождение рабочего класса, дела не меняло. Пословица о добрых намерениях, которыми вымощена дорога в ад, всем известна).

Когда шахтерские делегаты летом 1998г. стояли пикетом у Горбатого председатель одного из шахтерских профсоюзов, известного НПГ, А.А. Сергеев написал от их имени «Обращение к гражданам России представителей шахтерских коллективов Печорского, Ростовского, Кузнецкого, Тульского угольных бассейнов, пикетирующих здание правительства РФ». В нем, в частности, говорилось:

«Сегодня между властью, капиталом и наемным трудом стоит глухая стена непонимания. Если не изменить ситуацию в стране цивилизованным путем, то не останется никого – ни власти, ни капитала, ни наемного труда, и в конце концов России» (28, с.169).

Старое революционное рабочее движение боролось за уничтожение «власти, капитала и наемного труда», иначе говоря, за уничтожение общества, в котором бесправные и неимущие работники являются всего лишь «наемным трудом», эксплуатируемым капиталом и угнетаемым властью. Современный профбосс пугает жуткими последствиями, который произойдет от уничтожения *такого*, эксплуататорского и грабительского, общества, *такой* России, - и этот профбосс получает от «шахтерских коллективов Печорского, Ростовского, Кузнецкого и Тульского угольных бассейнов» полномочия подписывать декларацию от их имени!

Перекрытие шахтерами железных дорог закончилось, и само движение пошло на резкий спад (хотя от него оставался еще палаточный лагерь на Горбатом мосту) до дефолта 17 августа, после которого положение народных масс резко ухудшилось. Это ухудшение вызвало смутную, но реальную, радикализацию народных настроений, для удержания которой под контролем буржуазии и послужили профсоюзные митинги осенью 1998г. Однако перекрытие дорог не возобновилось, и вообще классовая борьба пошла на спад.

Шахтерское движение мая – июля 1998г., при радикализме его методов, не имело представления о тактической и стратегической перспективе своих действий. Не было надежды на иной мир, ради которого нужно идти на революцию. Но не было и представления, какими методами, в какой последовательности добиваться ограниченных, реформистских целей (хотя бы отставки Ельцина и национализации угольной промышленности). Отсутствовала перспектива нарастания движения,

охвата им все больших слоев пролетариата и перехода к реальной борьбе за власть. Шахтеры не знали, как бороться и не очень знали, за что бороться, поэтому, лишь только власти приступили к выплате задолженностей по зарплате, шахтерское движение обречено было угаснуть.

Точно также лишенными общей перспективы, а потому обреченными на поражение были захваты пролетариями предприятий в Выборге и Ясногорске, и уж тем более действия рабочих на Ачинском глиноземном комбинате, Кузнецком металлургическом комбинате и угольном разрезе «Черниговский». В трех последних случаях рабочие просто участвовали в драке за передел собственности между различными группами буржуазии, поддерживая одну такую группу против другой, поэтому принадлежность данных событий при всем их внешнем драматизме к пролетарской борьбе очень сомнительна. По-другому обстояло дело в Выборге и Ясногорске, хотя в Выборге рабочие все время оставались под контролем профкома (который их в конце концов и предал), тогда как в Ясногорске элементы низовой активности и самоорганизации были гораздо сильнее.

Протестная волна 1998-1999гг. угасла в обстановке экономической стабилизации и даже экономического оживления, начавшегося в 1999г. Однако списывать со счетов пролетарскую борьбу было бы явно преждевременно, при этом ее грядущие акции будут по своим формам и методам во многом подобны «рельсовой войне» и Ясногорску, а не «акциям протеста», организованным профсоюзами. В том же самом 2001г, когда в промышленности наблюдалось *только 4 забастовки (!!!), рабочие крупнейшего в Красноярском крае завода «Сивилит», требуя работы и зарплаты, вышли колоннами на улицы Красноярска и перекрыли основную транспортную артерию города* (28, с.139).

Так что не зря беспокоится А.М. Кацва:

«Если же массовые акции протеста повторятся, то они могут оказаться во много раз сильнее событий 90-х годов и носить гораздо более разрушительный характер» (там же).

* * *

В заключении нужно, естественно, сказать о «итогах и перспективах».

Мы уже видели, что по мнению А. Белобородова (разделяемому рядом других марксистов России и СНГ) на территории СНГ будет происходить долгое и органичное развитие капитализма, в ходе этого развития широкие слои трудового населения будут пролетаризироваться, т.е. лишаться «мелкобуржуазных источников доходов», в ходе тред-юнионистской борьбы будут «самовоспитываться», т.е. приобретать «чувство собственной силы и достоинства», вырабатывать классовое самосознание, пока, созрев в достаточной мере, не поднимутся на революцию.

Эта перспектива является достаточно оптимистичной и ортодоксально-марксистской (то бишь меньшевистской), однако, к сожалению, все будет происходить совсем по-другому.

ГПРК уже писала в свое время, что вопреки распространенным среди марксистов представлениям, революционно-социалистическое сознание вовсе не является продолжением и развитием тред-юнионистского сознания:

“Революционно – социалистическое сознание не является развитым, расширенным и дополненным тред-юнионистским сознанием, это два разных и противоположных типа сознания, хотя бы они и уживались тем или иным образом в голове одного и того же пролетария. Более того.

Исторически революционно – социалистическое сознание пролетариата предшествует тред-юнионистскому сознанию, а не вырастает из него. Английские пролетарии сперва крушили капиталистические фабрики, как луддиты, боролись за политический и социальный переворот, как чартисты, мечтали о социализме, как

оуэнсты, и лишь затем приняли капиталистический строй и начали бороться лишь за лучшие условия продажи своей рабочей силы, что и называется тред – юнионизмом. Американские пролетарии сперва объединялись в выступавших за замену капитализма социализмом (как бы смутно ни понимался последний) Национальном рабочем союзе и Ордене рыцарей труда, и лишь затем возникла принявшая капитализм как незыблемую данность Американская федерация труда. Обратных случаев эволюционного перехода от тред – юнионистского к революционно – социалистическому сознанию в истории мирового рабочего движения не наблюдалось.

Старое революционно-социалистическое сознание пролетариата не было продуктом капиталистической фабрики самой по себе, оно пришло к пролетариям *извне* капиталистической фабрики – но было не плодом пропаганды неведь откуда взявшейся мудрой партии, но результатом столкновения с новым капиталистическим миром опыта и психологии *старого общинного коллективизма*.

Чем более старый общинный коллективизм перемалывался и уничтожался капиталистической системой, и чем более чистым и свободным от докапиталистических примесей становился капитализм, тем более революционно-социалистическое сознание пролетариата сменялось тред-юнионистским сознанием. Там, где революционно-социалистическое сознание пролетариата возрождалось на какое-то время, это было следствием не органического эволюционного развития от тред-юнионизма к революционному социализму, но великих потрясений и катастроф, в первую очередь – войн (как произошло в результате Первой империалистической войны, после которой, в 1918 – 1923гг., призрак коммунистической революции внушал буржуазии ужас больше, чем когда-либо в истории).

У нас нет оснований считать, что в будущем будет происходить по-другому. Грядущие империалистические войны и прочие капиталистические потрясения, несомненно, вызовут радикализацию пролетариата (как вызвали ее крах финансовых пирамид в Албании и государственное банкротство в Аргентине). Чтобы пролетарские восстания не закончились бесследно и бесплодно, но разрушили до основания буржуазные государства и установили победоносную диктатуру пролетариата, нужно, чтобы в соответствующей стране существовала революционная организация, которая не была бы ни обществом для посиделок марксистской интеллигенции, ни оппортунистической “легальной рабочей партией”, но своими фанатизмом и деловитостью превосходила бы даже еретические секты средневековья”(14)

Сама надежда на то, что наемные *рабы* капиталистического строя могут в пределах этого строя “самовоспитываться” и приобретать чувство “собственной силы и достоинства”, по своей иллюзорности и утопичности не намного уступает надеждам на возможность таких прогрессов у не наемных, а буквальных рабов древнего Рима. Раб мог обрести чувство силы и достоинства лишь восстав, убив господина, перестав быть рабом, уйдя в отряды Спартака и Аристоника, но если даже ему, не делая всего этого, удавалось методом волынки добиться повышения выдаваемого ему рациона, чувства силы и достоинства у него не прибавлялось.

Теории о вызревании рабочего класса для социализма могли существовать 100 лет назад. В настоящее время их иллюзорность очевидна. *Пролетариат может обрести силу, свободу и достоинство не “шаг за шагом”, а в революционном скачке, в катастрофическом разрыве с буржуазным миром, в вызванной какими-то общественными потрясениями (войнами, государственными банкротствами и т.п.) революции.*

Все рассуждения А.Белобородова и его единомышленников исходят из возможности в современной России (и в целом в СНГовии) длительного периода органического капиталистического прогресса, когда будет развиваться промышленность, с ней будет развиваться за счет “лишающейся мелкобуржуазных доходов” пролетаризируемой массы рабочий класс, в экономической борьбе он будет воспитывать свои сознательность и боевитость и т.д. – словом, повторение России 1861-1917гг.- и даже не той России, как она на самом деле была, а той, как она представляется подобным марксистам!

К сожалению, ничего такого не будет. Длительное бурное, стабильное и органичное развитие капитализма в России невозможно. Места на мировом рынке заняты, расти капитализму некуда (единственное предвидимое исключение – случай мировой войны, но в этом случае говорить о органическом и стабильном развитии капитализма и подавно невозможно). Возможны и неизбежны циклические колебания, промышленное производство может то подниматься на несколько процентов в год, то падать на несколько процентов в год, однако подобные колебания бессильны вытащить экономику даже до не столь уж высокого уровня 1989г.

Начавшейся в 1999г. экономический подъем вызван прежде всего высокими мировыми ценами на энергоносители. Он не сопровождается даже обновлением чрезвычайно устаревшего и изношенного оборудования, а потому носит чрезвычайно поверхностный, ограниченный и неустойчивый характер (как пишет В.В. Виноградов, *“Оживление производства, начавшееся в 1999г., не представляется устойчивым, т.к. не опирается на инвестиции в реальный сектор”* (9, с.105)).

Марксистам, да и не только марксистам, в России следует понять одну простую, но мрачную, вещь: в современной России другого капитализма, чем тот, который есть, не будет. Никакой *капиталистический* прогресс в условиях современного мирового капитализма, здесь невозможен.

Это означает, в частности, и то, что не будет “пролетаризации” (а под ней А.Белобородов понимает превращение трудящихся в *промышленных* пролетариев) за счет исчезновения “мелкобуржуазных источников доходов”. **Современный российский капитализм обречен оставаться гниющим смрадным болотом, а промышленные пролетарии останутся в нем меньшинством, окруженным огромной *пролетаризированной* массой безработных, полубезработных и “самозанятых”, т.е. люмпен-пролетариев и люмпен – буржуа.**

В этих не внушающих оптимизма, условиях всеобщего упадка и деградации российским пролетарским революционерам и предстоит действовать. Условия эти, во-первых, достаточно новы (до сих пор революции случались в обществах, переживающих эпоху прогрессивного капитализма), во-вторых, чрезвычайно сложны – но других, увы, нет и не предвидится.

Г.А. Завалько пишет, что “паракапитализм” (так он вслед за Ю.И. Семеновым называет зависимый, периферийный капитализм) ведет большинство “зависимых социоров” (т.е. обществ), “включая нынешнюю Россию”, “по пути деградации, исключая революцию. “Невидимая рука рынка” жмет на тормоз, разрушая все, что не нужно западному капиталу [не только западному. Российский капитал точно так же руководствуется интересами прибыли, а потому и ведет себя совершенно одинаково], но обрубить ее некому. Революционная сила отсутствует. Кардинальное отличие положения в России перед Октябрем 1917г. и после августа 1991г. наглядно проявляется в отличии стремительного взлета большевиков от нынешнего удручающего бессилия левой оппозиции...

... ложна исходная установка о возможности социалистической революции в периферийных странах [на самом деле, социалистическая революция может быть

только *всемирной*, и эта всемирная социалистическая революция, скорее всего, *начнется*, в периферийных странах *зависимого среднеразвитого капитализма*, используя терминологию другого учителя Г.А. Завалько, Э.Валлерстайна, в странах *полупериферии, т.е. в слабых империалистических странах*, и лишь затем перекинется на главные империалистические центры]. Россия же выделяется даже среди них крайне низким уровнем протестных выступлений, что связано, как я полагаю, *с регрессивным направлением развития нашей страны, с криминализацией, люмпенизацией и окрестьяниванием населения. В этом случае появления конструктивно – революционной силы внутри России ждать неоткуда. Конечно, России с ее научным и промышленным потенциалом тесно в рамках паракапитализма. Конечно, что-то одно должно исчезнуть. Но из этого не следует, что исчезнет паракапитализм. История последних лет показывает, что скорее исчезнет научный и промышленный потенциал России*” (24, сс. 208, 244 – 245)...

* * *

Но, как ни удивительно, при всех подобных мрачных перспективах для революционного пролетарского движения в России, призрак коммунизма продолжает являться в кошмарах ученым слугам буржуазии. Так, известные нам Гордон и Клопов пишут:

«Увы, уроки истории далеко не всегда усваиваются народами [! ! !] В моменты тяжких кризисов миллионы людей снова и снова начинают верить в невозможное [! ! !] В отличие от рыночно-демократической утопии иллюзия коммунистической социальной демократии может получить массовую опору. В этом смысле не совершенно безнадежны позиции таких, пока что слабых и маргинальных образований, как Социалистическая партия трудящихся, Партия самоуправления трудящихся [для буржуазных «социологов рабочего движения» страшнее абсолютно безобидных для буржуазии СПТ и ПСТ зверя нет], левосоциалистические экстремисты в профсоюзах и компартии [это каких таких “левосоциалистических экстремистов” раскопали они в ФНПР и КПРФ?!].

...Коммунизм – это такая утопия, которая на практике всегда становится тоталитарной тиранией, но которая содержит в себе огромный заряд привлекательности. Поэтому попытки его осуществления могут повторяться опять и опять. Тут стоит говорить о своего рода возвратной утопии.

Хочется думать, что «перекармливаемость» российского общества десятилетиями официальной коммунистической пропаганды дает *некоторую надежду хотя бы на ближайшее будущее* [Всего-навсего!]. Быть может, если не сознательное понимание исторических закономерностей, то инстинктивное отвращение к столь памятному лицемерию прошлого позволит нам, по крайней мере, в непосредственной перспективе устоять перед соблазном соединять несоединимое – социально-политическую демократию и огосударствленную экономику [Как они все же боятся подобного “соблазна”!]” (т.1, сс. 85-86).

Нам придется огорчить авторов послужившего неплохим подспорьем для нашей работы двухтомного исследования: указанная ими причина для “некоторой надежды хотя бы на ближайшее будущее” является несостоятельной. **Выросло новое поколение, которое абсолютно не помнит по собственному опыту “лицемерие прошлого”, а равным образом не помнит прошлых неудач и поражений.** Те, кому сейчас 18 лет, не видели доперестроечные времена и не запомнили времена перестроечные. Лицемерие “советских” времен для них такое же смутное предание, каким для людей брежневской эпохи было лицемерие царской России.

Зато молодежи прекрасно известно *лицемерие настоящего*. Подобно тому, как у французской малоимущей молодежи ответом на лицемерие режима Реставрации

были *бонапартистский миф* и *миф якобинский*, ответом на лицемерие российской Реставрации стал *миф сталинистский* и, по мере того, как Сталин в качестве великого русского патриота поднимается на щит путинским режимом, станет *миф большевистский*.

Революционное движение пролетариата не нуждается в мифах. Большевики сделали свое дело – обеспечили победу прогрессивного и революционного капитализма в России, наша задача – этот капитализм уничтожить. Мы должны учиться на опыте, победах и просчетах большевиков, но пойти дальше них. Однако речь сейчас не о том...

В ельцинскую эпоху “беспорядочного грабежа” преобладающим официальным лицемерием было лицемерие “демократическое” и либеральное. В т.ч. и поэтому (хотя не только поэтому) у недовольных официальным лицемерием представителей низов доминировали державнически – патриотические настроения. В путинскую эпоху “грабительского порядка” господствующим стало державно – патриотическое лицемерие, и чем больше власти будут бить в патриотические барабаны, славить “единую Россию” и чем больше российское государство будет обнаруживать свой грабительский характер, тем сильнее будут расти в массах *антигосударственные и антипатриотические настроения...*

* * *

Эксплуататорский строй при прочих равных условиях тем более крепок, чем больше он способен перетягивать в лагерь эксплуататоров самых энергичных и инициативных людей из лагеря эксплуатируемых.

В начале 1990-х годов русский капитализм проявлял такую способность. Самые энергичные и беззастенчивые выходцы из низов могли податься в бандиты или в торговцы, и, при наличии везения, подняться наверх. Сейчас ситуация изменилась до такой степени, что ее изменение заметили журналисты из разных и даже противоположных буржуазных политических течений.

«Гражданской войны в России не случилось только потому, что изрядное число пассионариев политическим действиям предпочло бандитизм... При всей своей монструозности и хаотичности Система образца начала 90-х была более жизнеспособна, чем нынешняя, поскольку... в ней имелись места для пассионариев. Нынешняя, уверовав в свою железобетонность, таковых не предусматривает... Сегодня шлюзы закрыты. А значит, у Революции есть еще один шанс...»(36).

По данному вопросу с «Лимонкой» согласен известный буржуазный журналист Л.Радзиховский:

"Против чего дружат эти неумытые революционеры? Не против Путина, не против банков, не против Америки, не против "черных", не против "жидов", не против интеллигентов... Это все семечки, детали. Они - против той жизни, которая против них. У них все время по усам течет - а в рот им ни черта не попадает. И они знают - никогда и ни за что не попадет..."

Такая зависть, такое унижение, такое попранное чувство справедливости - все это было динамитом всех классических революций. Когда раздался первый рык нового русского капитализма, казалось, что уж новой революции у нас не будет - "проклятьем клейменные" ушли в "братья-1" или в мелочную торговлю. "Красные гвоздики" остались в петлице карденовского костюма г-на Зюганова и в трясущихся руках анпиловских "комсомолок 20-х годов". Но сейчас, похоже, что-то может измениться.

Русский капитализм, не успев развернуться, впал в социальный застой. Перспективы "пацанов" стали совсем узкими. Те "пацаны", кому было 16 - 18 лет в 1990-93 гг., или перебиты, или стали "бизнесменами", но на рабочих

окраинах подросли новые, из Чечни возвращаются те, кого научили воевать, - а капитализм-то, увы, не расширяется. Новые толпы - в отличие от начала 1990-х годов - пролезть в игольное ушко российского капитализма не могут. Желających "приподняться" куда больше, чем свободных мест - вкусные места заняты, новые появляются очень нечасто.

Низы не хотят жить по-старому, а верхи не могут предоставить им возможность жить по-новому. Нет, это - не революционная ситуация. Но она не революционна только потому, что нет революционеров. Динамита революции становится все больше - спичек нет и поджигателей не видно. Пока не видно"(41).

А вот что пишет обозревательница леволиберальной «Новой газеты» Юлия Латынина, рассуждая о перспективе *солдатских бунтов*:

«Российские генералы столкнулись, кажется, с новой проблемой. Их солдатики организованно бегут из частей.

Раньше солдаты бежали поодиночке, пристрелив предварительно парочку сослуживцев и прихватив с собой автомат...

И вот новая беда. Солдаты уже не расстреливают коллег поодиночке: они бегут, ни в кого притом не стреляя, организованными группами...

А что, если за неорганизованной стрельбой и организованными побегami начнутся солдатские бунты?

Это форма протеста, весьма характерная для архаических обществ. Но что произойдет, если архаичная форма общественного протеста случится в ракетной части, боеголовки которой могут разнести хоть Кремль, хоть Вашингтон?...

А если бунт случится не в ракетной части, а в обычной, но его поддержит население?

Странное дело. В нашей нищей России, разделенной на две неравные половинки сверкающими дверями бронированных «Мерседесов», мы совсем забыли о такой вещи, как социальный взрыв. Революция. Революции не было ни в начале 90-х, когда кончились деньги и продукты, ни в 98-м после дефолта. Однако не следует забывать, что в начале 90-х нищие молодые люмпены уходили не в революционеры, а в бандиты. Мы вряд ли когда подсчитаем, какой огромной силы социальный взрыв был поглощен организованными преступными группировками. И какое количество потенциальных разинных и пугачевых собирало бабки с ларьков и ездило на стрелки. Сейчас ларьки и стрелки кончились, а социальная ненависть осталась.

В нашу армию не идут богатые. Не идут умные. Не идут здоровые.

Так уж в военкоматах обустроена система взяток, что наши солдаты оказываются самым угнетаемым, самым обездоленным – и при этом весьма организованным классом общества.

И если с этим ничего не делать, то рано или поздно самый угнетаемый класс России возьмется за оружие. Которое ему каждый день выдают угнетатели» (31)

Молодые пролетарии (а это не только промышленные рабочие), в отличии от пролетариев, выросших в брежневские времена, куда меньше склонны к иллюзиям о государстве, т.к. привыкли к тому, что государство для них не опекун, но враг. При этом молодые пролетарии куда больше привыкли к самостоятельности и инициативе. Найти новую работу им значительно легче, чем пролетариям предпенсионного возраста, поэтому они гораздо меньше склонны сносить от начальства все, что оно пожелает, лишь бы только удержаться на рабочем месте. Пролетарское состояние не является для них, желавших пролезть в буржуи, своим, естественным, поэтому они будут стремиться из него выйти, а горькая

действительность заставит их понять, что выйти из этого рабского состояния можно только всем вместе и только путем революции. Опыт прошлых поражений и неудач рабочего класса не тяготит над их памятью, он для них – отдаленная история, и воспоминания о неудаче Октябрьской революции столь же не помешают им подняться на новую революцию, как не помешали пролетариям в 1917г. воспоминания о неудаче восстания Степана Разина.

На *пролетарскую* молодежь (сюда относятся не только промышленные рабочие) и нужно ориентироваться пролетарским революционерам в России, помня при это, что рабочая борьба здесь имеет и будет иметь взрывной, скачкообразный характер, и что вслед за длительными периодами пассивности и задавленности будут происходить внезапные вспышки, подобно тому, как случилось в 1998г., и что к этим вспышкам нужно быть готовыми.

Не нужно строить иллюзий о легких успехах.

«При этом мы, разумеется, должны ясно осознавать, что еще долго - скорее всего, до ближайшей большой империалистической войны - отклик на нашу пропаганду со стороны пролетариев (и, в частности, пролетарской молодежи) будет очень слабым. До поры до времени всякие оппортунисты и фашисты будут иметь в пролетарской среде больше успеха, чем мы: *при монополистическом капитализме пролетарские массы настолько атомизированы* (иначе говоря, в системе отношений между пролетариями современного большого города до такой степени преобладают отношения индивидуальной собственности и индивидуального управления), *что восприимчивыми к мысли о совместной интернациональной борьбе за свою диктатуру они смогут стать лишь тогда, когда этот капитализм доведет их до крайней степени отчаяния, когда они почувствуют, что терять им больше нечего.* А до тех пор, пока это не произойдет, нам суждено оставаться небольшой сектой. Быть сектой - это само по себе вовсе не порок; существование в форме секты есть единственно возможная форма существования пролетарских революционеров в период упадка и буржуазного перерождения рабочего движения. *Пороком* наше сектантское бытие станет в том случае, *если мы саму нашу пропаганду сделаем сектантской - элитарной, обращенной главным образом не к массам, а к кучке профессиональных революционеров из других сект.* Парадокс нашего бытия состоит в том, что если мы хотим быть последовательными пролетарскими революционерами, то *должны постоянно обращаться к массам, предлагая им революционную программу действий - и даже если эта программа не пользуется никакой популярностью, даже если массы нас не слушают и не хотят слушать, все равно мы должны упрямо обращаться с той же самой программой именно к ним,* и лишь во вторую очередь к маленьким "продвинутым" левым группам (хотя именно последние слушают нас сегодня с бóльшим интересом, чем массы). Бесспорно, в таком способе политической жизни есть нечто шизоидное - но только ведя такой шизоидный способ жизни, можно остаться пролетарскими революционерами в эпоху упадка и, не переродившись, дожидаться-таки того момента, когда революционная программа действий найдет отклик у широких пролетарских масс. *Диалектика современного капитализма вообще крайне шизоидна и абсурдна - но эффективно способствовать тому, чтобы капитализм взорвался под давлением своих внутренних противоречий, могут лишь те, кто хорошо освоил эту абсурдную диалектику».*(8).

Наконец, следует подчеркнуть, что целью пролетарских революционеров является не пропаганда правильной программы, но освобождение рабочего класса, а чтобы достичь такого освобождения, революционеры должны по-настоящему работать (причем уметь работать!) как среди промышленных рабочих, так и других *пролетарских* слоев.

Нуждающихся же услышать гарантии о возможности такого освобождения можно переадресовать к взятым эпиграфом к данной статье изречениям Сен-Жюста и Беньямина.

Цитированная литература.

1. А.А. Еще один эпизод из жизни рабочих...
2. А. Альый. Внеэкономическое принуждение на капиталистическом предприятии.
3. И.В. Бабушкин. Воспоминания. Лг., 1997.
4. А. Бадаев. Большевики в Государственной Думе. Лг., 1996.
5. А. Белобородов. Социалистическое просвещение – как «они» его боятся –2.
6. В.Е.Бугера. Компьютеризация как предпосылка социалистической революции. //Теория и практика коллективизма. Б.м., 2002
7. В.Е.Бугера. Собственность и управление. М., 2003.
8. Г. Васильев. Что такое «управление» и «отношения собственности»?//Пролетарская революция, №5.
9. В.В. Виноградов. Экономика России: учебное пособие. М., 2002.
10. В начале пути. Воспоминания петербургских рабочих 1872 – 1897гг. Лг., 1975.
11. Яр. Вовкулак. Зигзаг истории.//Пролетарская трибуна, №4.
12. А. Вольский [Я. Махайский]. Умственный рабочий. Б.м., 1968.
13. Л. Воронин. Расисты ли русские?// В борьбе за социализм, №2, сентябрь 2003г.
14. Выборы: чего не делать? (ГПРК).
15. Г.Гловели. “Социализм науки”: мебиусова лента А.А. Богданова. М., 1991.
16. Л.А. Гордон, Э.В. Клопов. Потери и приобретения в России девяностых. Историко –социологические очерки экономического положения народного большинства. Тт. I .М, 2000. Т. II, М., 2001.
17. О.И. Горелов. Цугванг Михаила Томского. М., 2000.
18. А.В. Гусев. Постсоветское общественное сознание и социализм.
19. С.А. Далин. Китайские мемуары. 1921-1927. М., 1982.
20. Г. Г. Дилигенский. Рабочий на капиталистическом предприятии. Исследование по социальной психологии французского рабочего класса. М., 1969.
21. О. Дубровский. Некоторые мысли по поводу отсутствия рабочего движения в Украине.
22. О. Дубровский. У сельской буржуазии много проблем.
23. А.М. Еремин. В дебрях реставрации капитализма (от «перестройки» к деградации экономики).//... “Изм”, №2(13), 1997г.
24. Г.А. Завалько. Понятие “революция” в философии и общественных науках: проблемы, идеи, концепции. М., 2003.
25. А.А.Здоров. Государственный капитализм модернизация Советского Союза. Марксистский анализ советского общества. Одесса, 2003.
26. М. Инсаров. Марксизм и революционная борьба пролетариата.
27. Б.Ю. Кагарлицкий. Реставрация в России. М., 2000.
28. А.М. Кацва. Социально-трудовые конфликты в современной России: Истоки, проблемы и особенности. М.-СПб, 2002.
29. Г. Квантришвили. Два в одном.// Лимонка, №230.
30. В.А. Козлов. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев. Новосибирск, 1999.
31. Ю. Латынина. Самый угнетаемый и вооруженный класс России.//Новая газета, №2(835), 13-15 января 2003г.
32. Н.М. Лукин. Парижская коммуна 1871года//Избранные труды, т. II, М., 1962.

33. К.Л. Майданик. Испанский пролетариат в национально-революционной войне. 1936-1937гг. М., 1960.
34. М.К. Мамардашвили. Интеллигенция в современном обществе//Как я понимаю философию. М., 1992.
35. П.А. Моисеенко Воспоминания старого революционера.М., 1966.
36. Mr Brown. «Бригада»: По ту сторону братков// Лимонка, №208.
37. Новочеркасск 1-3 июня 1962г. Забастовка и расстрел (на основе свидетельств очевидцев и интервью с П.П. Сиудой). М., 1992.
38. А. П. Платонов. Собрание сочинений в 3-х томах. М., 1984-1985.
39. Г.В. Плеханов. Русский рабочий в революционном движении. Лг., 1989.
40. А.В. Пыжиков. Хрущевская «оттепель». М., 2002.
41. Л. Радзиховский. Динамит рядом.//Время МН, 17 сентября 2002г.
42. Н.Н. Разуваева. Социально-политическое положение рабочих СССР во второй половине 80-х – начале 90-х годов. Спецкурс, 1992.
43. Россия сегодня. Политический портрет в документах. 1985-1991. Новые партии. Новое рабочее движение. Новые лидеры. М., 1991.
44. А. Собыль. Из истории Великой буржуазной революции 1789-1794гг. и революции 1848г. во Франции. М., 1960.
45. СССР и холодная война. Под ред. В.С. Лельчука, Е.И. Пивоварова. М., 1995.
46. С чего начать? Открытое письмо группы коммунистов-революционеров-интернационалистов “Рабочая борьба” ко всем товарищам из революционных организаций. //Рабочая борьба, №9, весна 1993г.
47. А.А. Хвостов. Влияние социальной трансформации на общественную организацию российского рабочего движения (на правах рукописи). Саратов, 2002.
48. З.К. Шишова. Джек-Соломинка. М., 1987.
49. А.В. Шубин. Анархо-синдикалисты в Испанской гражданской войне (1936-1939гг.). М., 1997.
50. С. Brendel, Н. Simon. De l'anti-franquisme à l'après-franquisme: illusions politiques et lutte de classe. P., 1979.
51. С. Castoriadis. L'expérience du mouvement ouvrier, vol. I-II. P., 1974.